

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **4** *2016*

POLITICAL SCIENCE (RU)

**ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ**

**Москва
2016**

ИНИОН РАН

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, главный редактор, зав. отделом политической науки ИНИОН РАН, *Л.Н. Верчёнов* – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, *И.И. Глебова* – д-р полит. наук, руководитель Центра руссиеведения ИНИОН РАН, *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук, зам. директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН, *В.Н. Ефремова* – канд. полит. наук, ответственный секретарь, научный сотрудник ИНИОН РАН, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *О.Ю. Малинова* – д-р филос. наук, зам. главного редактора, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *П.В. Панов* – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН, *С.В. Патрушев* – канд. ист. наук, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, *А.И. Соловьёв* – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, *Р.Ф. Туровский* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *И.А. Чихарев* – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Редактор-составитель номера –
д-р полит. наук *А.С. Ахременко*

Ответственные за выпуск –

канд. полит. наук *О.А. Толтыгина*, канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Политическая наука: Научный журнал / РАН. ИНИОН.
П 50 Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Росс.
ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Мелешкина Е.Ю. (гл. ред.) и др. –
М., 2016. – № 4: **Государства в современном мире: Новые под-
ходы к исследованию** / Ред.-сост. номера Ахременко А.С. – 320 с.

Рассматриваются новые факторы, влияющие на роль и место государств в современном мире. Анализируются структурные изменения, касающиеся влияния и статуса государств, предлагаются новые подходы к их оценке. Обсуждаются возможности использования количественных методов для исследования современных государств.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77–36084.

УДК 32
ББК 66.0

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodical dedicated to the political science. It was founded in 1997 and is well known among foreign researchers. The journal is quarterly published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) and with the assistance of the Russian Political Science Association (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the leading academic journals that are recommended by the High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.),
Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.),
Chief Researcher, Prof., National Research University Higher School
of Economics (Moscow, Russia)

Executive secretary – Valentina EFREMOVA, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research Fellow, INION RAN (Moscow, Russia)

Lev VERCHENOV, Cand. Sci. (Philos.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia)

Irina GLEBOVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia)

Dmitry EFREMENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting director, INION RAN (Moscow, Russia)

Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Petr PANOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher of the Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)

Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia)

Aleksandr SOLOVYEV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Rostislav TUROVSKY, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Ivan CHIHAREV, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor of Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	9
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИЗУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООБЩЕСТВ

<i>М.В. Ильин.</i> Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах	22
<i>А.Ю. Мельвиль, Д.Б. Ефимов.</i> «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи	43
<i>Е.А. Юрескул.</i> Эффективность государства: Новые подходы.....	74
<i>К.О. Телин, А.В. Полосин.</i> Политический кризис в зарубежной мысли: Концептуализация понятия.....	93

РАКУРС: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООБЩЕСТВ

Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов / Ф.Т. Алескеров, М.С. Курапова, Н.Г. Мещерякова, М.Г. Миронюк, С.В. Швыдун	111
Анализ влияния стран в сети международной миграции / Ф.Т. Алескеров, Н.Г. Мещерякова, А.Н. Резяпова, С.В. Швыдун.....	137
<i>А.В. Коротаев, С.Э. Билюга, Ю.В. Зинькина.</i> Цены на нефть как фактор социально-политической дестабилизации государств в современном мире: Опыт количественного анализа	159
<i>Е.Ю. Мелешкина.</i> Государственное строительство и институциональная трансплантация в посткоммунистических странах	186

КОНТЕКСТ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

<i>Р.У. Камалова.</i> Об измерении влияния государств на принятие политических решений на примере голосований в институтах Европейского союза	214
<i>Е.В. Сироткина, М.А. Завадская.</i> Когда власть несет ответственность за экономический кризис: Исследование атрибуции ответственности власти в сравнительной перспективе	242

ИДЕИ И ПРАКТИКА: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРФОРМАТИВОВ

<i>М.В. Ильин.</i> Что может дать анализ перформативов?	262
<i>И.В. Фомин.</i> Перформативы сецессии оспариваемых государств: Южная Осетия, Абхазия, Косово.....	271
<i>Е.А. Ефимова, Н.А. Конюхов, Д.А. Панфилов.</i> Кто и как начал Первую мировую войну?.....	285
<i>Д.В. Алексеев, А.М. Ильин, М.В. Ильин.</i> Кто и как закончил Вторую мировую войну?.....	299

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>И.Е. Кочедыков.</i> Вглядываясь внутрь Венгрии.....	317
--	-----

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE: STUDY OF STATES AND COMMUNITIES OF NATIONS

<i>M.V. Ilyin.</i> Family affinities of Leviathans. States in international systems	22
<i>A. Yu. Melville, D.B. Efimov.</i> «The Democratic Leviathan»? Regime change, state capacity, and challenge of interdependence	43
<i>E.A. Yureskul.</i> State effectiveness: New approaches.....	74
<i>K.O. Telin, A.V. Polosin.</i> International debate on political crisis: Conceptualization the term	93

ACCENTS: METHODS OF STUDIING STATES AND COMMUNITY OF NATIONS

<i>F.T. Aleskerov, M.S. Kurapova, N.G. Meshcheryakova, M.G. Mironyuk, S.V. Shvydun.</i> A network approach to analysis of international conflicts	111
<i>F.T. Aleskerov, N.G. Meshcheryakova, A.N. Rezyanova, S.V. Shvydun.</i> An analysis of countries' influence through international migration network	137
<i>A.V. Korotaev, S.E. Bilyuga, J.V. Zinkina.</i> Oil prices as a factor of socio-political destabilization of modern states: A quantitative analysis	159
<i>E.Yu. Meleshkina.</i> State-building and institutional transplantation in post-communist countries	186

CONTEXT: ROLE OF A STATE IN POLITICAL DECISION-MAKING

<i>R.U. Kamalova.</i> On measurement of states' power on political decision-making on the example of votings in European Union institutions	214
<i>E.V. Sirotkina, M.A. Zavadskaya.</i> When the power is held responsible for economic crises: Studies of responsibility attribution to the power in comparative perspective	242

CONCEPTS AND PRACTICES: MULTIMODAL ANALYSIS OF POLITICAL PERFORMATIVES

<i>M.V. Ilyin.</i> What can give analysis of performatives?	262
<i>I.V. Fomin.</i> Performatives of secession of contested states: South Ossetia, Abkhazia, Kosovo	271
<i>E.A. Efimova, N.A. Konyukhov, D.A. Panfilov.</i> Who and how did start the First World War?	285
<i>D.V. Alekseev, A.M. Ilyin, M.V. Ilyin.</i> Who and how has end the Second World War?	299

BOOKSHELF

<i>I.E. Kochedykov.</i> Looking inside Hungary. Review	317
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Представление нынешнего номера по необходимости сильно отличается от привычного для читателей формата. Одной лишь характеристики ключевых проблем текущего выпуска «Политической науки», его структуры и содержания оказалось недостаточно. Для разъяснения замысла номера в соавторы были приглашены коллеги, имеющие отношение не только к этому замыслу, но и к новейшим исследовательским новациям в изучении государств в отечественной политической науке.

Мы считаем необходимым выделить важные, на наш взгляд, идеи и достижения, которые поднимают изучение государств в отечественной политологии на новый уровень и открывают перспективы для более масштабных и серьезных исследований. Данный номер «Политической науки» нацелен именно на это. Большая часть его статей на свой лад представляет яркие тенденции развития соответствующих исследований. Однако это лишь отдельные примеры, зачастую не самые типичные. Нужна содержательная рамка, которая бы позволила связать материалы с более широким контекстом исследований, осуществляемых в России и других странах. Соответственно, необходимо прояснить характер новых подходов к изучению государств в современном мире, накопленный опыт и перспективы дальнейших исследований. Этой задачей руководствовались составитель и авторы номера.

Размышляя о содержательной рамке, авторы данного текста сочли необходимым представить в нем свое видение результатов и перспектив масштабного исследовательского проекта «Политический атлас современности». Мы рассматриваем это как приглашение читателей к дальнейшей дискуссии по вопросам исследования современных государств и их сообществ.

Структура и содержание номера

Основной фокус номера связан с различными подходами к анализу государств и их сообществ. Причем в большинстве работ дается не только характеристика самих подходов, но и приводятся результаты их применения к конкретным эмпирическим данным; таким образом, номер в существенной мере посвящен «рабочим аналитическим стратегиям» исследования государств и государственности на современном этапе.

Эта установка отчасти реализуется уже в первой традиционной рубрике журнала «Состояние дисциплины», хотя для нее не менее важна и задача наметить основные тренды изучения государств. Статья М.В. Ильина «Семейное дело Левиафанов. Государства в международной системе» написана в русле подхода, ставящего во главу угла структуры, институты и формы политической организации. Методологической новацией работы является различие внешней и внутренней формы. Оно позволяет отчетливее и яснее рассмотреть соотношение процессов дивергенции и конвергенции, условно «внутреннего» воспроизводства и столь же условно «внешнего» усвоения тех или иных способов политической организации.

В статье А.Ю. Мельвиля и Д.Б. Ефимова используется иной подход, акцентирующий роль человеческого фактора (agency), режимов, политических курсов и решений. Авторы акцентируют внимание на вопросах взаимосвязи режимных изменений (прежде всего, демократизации) и государственной состоятельности. В работе не только глубоко анализируются существующие в современной литературе подходы к проблеме, но и предлагаются эмпирические аргументы в пользу различных моделей посредством статистического анализа данных.

Статья Е.А. Юрескула сочетает в себе широкий обзор современных подходов к исследованию эффективности государства с эмпирическим исследованием сравнительной эффективности систем здравоохранения России и Канады. В анализе эффективности автор опирается на методологию «оболочечного» анализа данных (Data Envelopment Analysis), позволяющего количественно измерить эффективность через соотношения между затраченными ресурсами и полученными результатами.

В следующем материале рубрики, работе К.О. Телина и А.В. Полосина, рассматриваются проблемы концептуализации по-

нения «политический кризис». Сравнивая отечественную и западную традиции его интерпретации, авторы выделяют ряд важных «измерений» политического кризиса, позволяющих систематически исследовать этот феномен.

В следующей традиционной рубрике «Ракурсы» рассматриваются вопросы использования различных исследовательских стратегий для анализа государств и их сообществ, в том числе сетевого подхода. Методология сетевого анализа позволяет совершенно по-новому взглянуть на проблему оценки влияния стран на международной арене. Превалирующий доселе подход (реализованный, в частности, в «Политическом атласе современности» [Политический атлас современности... 2007; Political atlas... 2010]) предполагает акцент на «индивидуальных» характеристиках государств. Сетевой же анализ помещает в свой фокус не столько участников, сколько их взаимоотношения и взаимодействия. Соответственно, оценка влияния отдельной страны понимается как функция ее положения в сети отношений с другими странами.

«Междисциплинарный» коллектив авторов, включающий Ф.Т. Алескерова, М.С. Курапову, Н.Г. Мещерякову, М.Г. Миронюка и С.В. Швыдуна, предлагает сетевую модель межгосударственных конфликтов, где акторами (так называемыми вершинами сети) выступают государства, а связи между ними (так называемые ребра) отражают факты конфликтов и их интенсивность. В целом аналогичный подход используется и в другой статье – «Анализ влияния стран в сети международной миграции» (Ф.Т. Алескеров, Н.Г. Мещерякова, А.Н. Резяпова и С.В. Швыдун). Но в последнем случае ребра сети соответствуют миграционным потокам между странами.

Статья Е.Ю. Мелешкиной высвечивает эффекты взаимодействия структурных и агентивных факторов в ходе институциональных трансплантаций в посткоммунистических странах. Автор применяет метод качественного сравнительного анализа (QCA), находящегося «на стыке» количественных и качественных исследований в политической науке.

Наконец, в статье А.В. Коротаева, С.Э. Билюги, Ю.В. Зенькиной внимание переносится на воздействие контекста – в данном случае экономического и даже еще уже ценового – на государства и их сообщества. Работа сосредоточена на проблематике политической дестабилизации. Рассматривая корреляции между изменениями

цен на нефть и динамикой различных индикаторов политической стабильности, авторы приходят к ряду интересных выводов относительно факторов государственной устойчивости стран – экспортеров нефти.

Материалы рубрики «Контекст» сфокусированы на инструментах политической власти на разных уровнях, в том числе на демократических практиках, связанных с подотчетностью. В статье Р.У. Камаловой анализируются методологические подходы и возможности разных методов измерения влияния стран на итоги голосования в рамках формальных международных организаций. Предметно рассматриваются голосования в Совете министров ЕС и Европарламенте, показываются широкие возможности «классических» и «современных» индексов влияния применительно к самому широкому кругу международных организаций.

Работа Е.В. Сироткиной и М.А. Завадской связана с одним из фундаментальных оснований устойчивости современных государств, а именно проблеме атрибуции ответственности власти. Работа содержит широкий по охвату обзор подходов к изучению атрибуции политической ответственности, а также рассматривает особенности применения данных моделей к российской действительности.

Явственным методологическим новаторством отличаются материалы рубрики «Идеи и практика», в которых предлагаются новые подходы в анализе политических дискурсов. В рамках исходно образовательного проекта НИУ ВШЭ (подробнее см. редакционное введение к рубрике) были получены научные результаты, связанные с методологическим различием масштабов политических перформативов (двуединства символического и прагматического действия или события) и анализом перехода от масштаба к масштабу.

Разумеется, далеко не все аспекты проблематики номера удалось осветить. Над общей содержательной рамкой дальнейших исследований и научных дискуссий предстоит еще работать. Полагаем, что в этом может быть полезен анализ результатов проекта «Политический атлас современности» и тех новых идей, которые родились на его основе.

Опыт изучения государств и их сообществ после «Политического атласа современности»

Одним из важнейших научных результатов проекта «Политический атлас современности» (2005–2010) стало эмпирическое подтверждение связи между характеристиками государств как таковых и их местом в мировом сообществе. Было показано, что потенциал влияния и демократических преобразований отдельных государств, присущий им уровень человеческого развития и угроз, а также другие, казалось бы, эндогенные характеристики зависят не только от «внутренних» усилий каждого из этих государств или от их сугубо собственных обстоятельств. Немалую роль играют также эффекты, порожденные как общей конфигурацией того, что было координатной сетью мировой политики в виде ячеистого слоя территориальных политий [Мельвиль, Ильин, Мелешкина, 2007, с. 23], так и местом того или иного государства в данной сети.

Данные эффекты удалось уловить уже в ходе пошаговых универсальных сравнений, т.е. накапливающей последовательности сравнений. Использовались следующие шаги. «Первым было создание базы данных на все 192 изучаемые политии по семи десяткам параметров. Вторым стало группирование этих параметров в пять комплексных индексов на основе дискриминантного анализа. Третий шаг был осуществлен с помощью факторного анализа и метода главных компонент. Четвертый обеспечивался попарным соединением двух главных компонент из четырех, что давало шесть проекций мировой системы государств. Наконец, пятый шаг был осуществлен с помощью кластерного анализа» [Мельвиль, Ильин, Мелешкина, 2007, с. 28].

В развитие методологических новаций Атласа-1 еще до завершения работы (примерно с 2007 г.) и в последующие годы как сами участники проекта, так и подключившиеся последователи и оппоненты (часто в одном лице) перешли от универсальных к проблемно более сфокусированным сравнениям. Это вполне отвечало намеченной еще в ходе работы над Атласом задаче – «получить новые типологии современных недемократических режимов, разобраться в разновидностях реально существующих сегодня типов демократического устройства, выяснить динамику и измерить тенденции системных и режимных изменений и т.д.» [Мельвиль, Ильин, Мелешкина, 2007, с. 35–36].

Впрочем, полного отказа от универсальных сравнений также не было. Предпринимались даже попытки своего рода кавалеристских атак. Это была пилотная разработка [Политический атлас-2... 2009], а также относительно скромный и фактически тоже пристрелочный проект «Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства» (РГНФ, № 10-03-00677 а). Его важные аспекты были дополнены и развиты в следующем проекте «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства» (РГНФ, № 13-03-0031).

В рамках всех этих исследований были осуществлены публикации по государственному строительству и типологии государств, по типологии режимов и режимным трансформациям, по взаимосвязям между становлением и развитием государств и образуемых ими международных систем, а также по моделированию восточноевропейского фрагмента ячеистого слоя (этому была посвящена докторская диссертация Е.Ю. Мелешкиной, защищенная в 2012 г., проект РГНФ «Разработка концептуальной карты Балто-Черноморской системы» № 07-03-00361 а и соответствующие публикации).

Кроме того, в рамках программы Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ были проведены исследования «Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и / или новые автократии?» (2010), «Анализ факторов развития и упадка государственности в социалитических и постсоциалистических странах Европы и Азии второй половины XX – начала XXI в. с помощью количественных и качественных методов анализа, включая QCA (Qualitative Comparative Analysis)» (2011), «Государственная состоятельность как предпосылка демократии? (Эмпирический анализ взаимосвязи типов государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций в странах “третьей волны демократизации”» (2012), «“Good enough governance” в условиях режимных трансформаций: качество заимствованных институтов в странах догоняющего развития» (2013).

Вся эта работа позволяла яснее и конкретнее уточнить довольно абстрактные выводы кластеризации для ряда стран – прежде всего России и ее окружения. Это было вполне оправданно, так как дало возможность дать и анализ, и интерпретацию выявленным нами данным об относительной дистанции между отдельными странами. Однако при этом приходилось решительно расставаться со всеохватным взглядом на всю конфигурацию ячеистого

сложения территориальных политий. Возникла нестыковка, болезненный разрыв между обобщенностью анализа в глобальном масштабе и конкретностью анализа и интерпретации в масштабе отдельных групп стран. Как преодолеть такой разрыв? Сегодня, с учетом опыта нескольких лет исследований предварительный ответ может заключаться в возвращении к принципу пошаговых и, что особенно важно, разномасштабных сравнений. Однако для реализации этого принципа требуется продуманная система соединения и накопления полученных результатов, т.е. рабочее разрешение серьезных методологических проблем, не имеющих очевидных и бесспорных решений.

Еще одним стимулом научного поиска стало то, что на основные исследовательские вопросы о структуре совокупности современных государств и факторах, определяющих место отдельных стран в этой структуре, были получены лишь косвенные ответы. Были установлены аналитические дистанции между отдельными странами: с помощью либо индексов, либо главных компонент, либо кластеризации. В каждом случае это давало более или менее точное или грубое, порой очевидно грубое и приблизительное отражение структуры координатной сети ячеистого слоя территориальных политий. Однако ни общая конфигурация ячеистого слоя, ни конфигурация его аспектов (специализированных структур координатной сети) не были охарактеризованы достаточно полно. Вес главных компонент в определении различий между государствами давал лишь обобщенное, но отнюдь не конкретное и детализированное представление о том, что воздействовало на конфигурацию координатной сети (угрозы, качество жизни, влияние и т.п.).

Исключительно важным было взаимодействие с коллегами, получившими очень ценные научные результаты и, что особенно полезно, обновившие научный аппарат и методологию исследований. Тут в первую очередь следует упомянуть о двух прорывах. Это новые подходы к использованию сетевого анализа для моделирования процессов, охватывающих страны современного мира, разработанные Ф.Т. Алескеровым, его учениками и коллегами. Это также целая серия исследований, связанных с изучением мощи и статуса стран мира, осуществленных У. Томсоном, Т. Волджи, Т.В. Полем и другими нашими давними и близкими коллегами.

Теперь – после взятой паузы, после критической оценки и переоценки результатов, после опыта целого ряда кластерных и

казусно-ориентированных сравнений, а главное – после методологического обновления, предложенного коллегами, появляются основания для того, чтобы вновь и на новом уровне анализа обратиться к данным вопросам.

Перспективы дальнейших исследований

Вырисовываются контуры широкой и многосоставной научной программы, в рамках которой могут и должны дополнять друг друга различные исследовательские проекты. Она призвана стать не просто продолжением «Атласа-1» на расширенном современном материале (впрочем, и возможности такой разработки исключать не следует), а опытом применения новых методов анализа к уточненной проблематике современных государств, их качеств и особенностей в условиях происходящих, и подчас весьма радикальных, сдвигов и перемен в современном мире. Цель такой программы – разработать многомерную теоретическую и эмпирическую модель современного мирового порядка с учетом происходящих в последние десятилетия изменений в распределении могущества, влияния и статуса государств и групп государств, а также выявить факторы и ограничители происходящих изменений. На основе создания и внедрения оригинальной системы эмпирических показателей и сочетания качественных и количественных приемов сравнительного анализа мы хотим разработать модели и методы для оценки и прогнозирования влияния государств с учетом их сетевых взаимодействий на глобальном и региональном уровнях по различным показателям прямого действия и сетевых взаимодействий.

Исследовательская проблема вырисовывающейся программы связана с многомерной динамикой современного мирового порядка, появлением новых внешних и внутренних факторов, влияющих на положение в нем различных государств и их групп, и др.

Нынешние контуры мирового порядка сложились в результате перехода от доминирования порядков ограниченного доступа ко все большему распространению порядков открытого доступа, к формированию новых типов государств и межгосударственных систем как структурной основы мирового порядка. Данная тенденция динамично разворачивалась на протяжении XIX столетия, однако в первой половине XX в. она была нарушена появлением

эволюционной паузы, заполненной мировыми войнами, тоталитарными экспериментами и иными дисфункциональными явлениями. Вместе с тем в рамках эволюционной паузы и сменившей ее фазы холодной войны происходило накопление институциональных новаций в основном в рамках волн государственного строительства и демократизации. Именно эти новации создали потенциал нового развития, проявившийся, в том числе, в виде глобализационных процессов конца прошлого века. Однако в последнее время вновь стали нарастать дисфункциональные явления, отчасти связанные с издержками ускорения мирового развития и форсированным навязыванием миру однополярной системы.

Мировой порядок в настоящее время подвергается значительным трансформациям, вызванным комплексом новых внутренних и внешних обстоятельств, в том числе изменениями в положении государств и групп государств в современной мировой системе, динамикой их ресурсов и притязаний, факторов их могущества и влияния и др. Происходит эрозия однополярной системы, продолжается сдвиг центров экономической мощи и потенциалов развития, усиливается общая неустойчивость мирового порядка, возникают новые угрозы безопасности, обостряется соперничество на глобальном и региональном уровнях, растет неравенство, возникают новые мощные миграционные потоки и демографические вызовы, идет подъем «восходящих» государств и групп государств, претендующих на большее влияние и более высокий статус в мировой и региональных системах и др. С одной стороны, эти перемены отражают происходящие изменения в факторах и компонентах могущества, влияния и статуса государств в современном мире, а с другой – оказывают на них свое влияние.

Традиционно могущество, влияние и статус государств понимались в политической науке и международных исследованиях как проявления экономического и военного потенциала, геополитических условий и национальной стратегии. Эти базовые компоненты, в основном сложившиеся на протяжении XIX и XX столетий, и сегодня сохраняют свое значение и во многом определяют положение государств в мировой системе. Вместе с тем глубокие перемены, происходящие в настоящее время, ведут к модификации и трансформации этих традиционных компонентов и появлению их новых, все более важных измерений, проявляющихся в экономической, социальной, политической, технологической и

других областях. В частности, происходит общая диффузия могущества и влияния государств в глобальном и региональном измерениях. Возрастает влияние разнообразных внутренних факторов, включая государственную состоятельность, качество институтов, легитимность и др., на влияние и статус государств. Повышается значение дифференциации самих государств – их типов и разновидностей (непризнанные и частично признанные, слабые и неуспешные, теряющие свой прежний статус и стремящиеся к его повышению и т.д.). Приобретают большее значение новые компоненты могущества, влияния и статуса, связанные с конкурентоспособностью, технологическими возможностями, инновационным потенциалом, «мягкой силой», человеческим потенциалом и др.

Происходящие изменения не могут быть измерены и в полной мере оценены с помощью лишь традиционно используемых показателей – таких, как ВВП / человек, количество населения, объемы военных расходов, размер вооруженных сил и др. Для измерения новых компонентов могущества, влияния и статуса государств необходимы новые подходы, включающие разработку соответствующих теоретико-методологических оснований, создание новых информационных баз, разработку новых показателей и индексов, методов обработки данных и их сравнительного анализа и др. Планируемый исследовательский проект позволит достичь фундаментальных теоретических и прикладных результатов на указанном научном направлении.

Наше исследование призвано заполнить существующую в мировой науке лагуну, связанную со все еще не выявленными факторами дисфункций мирового развития и с недостаточной исследованностью уже известных мировой науке деформаций политических порядков государств и межгосударственных систем как структурной основы глобального развития. Оно позволит дать ответы на следующие чрезвычайно актуальные в научном отношении и с прикладной точки зрения (особенно с учетом происходящих перемен в структуре мирового порядка) исследовательские вопросы.

1. Каковы новые компоненты могущества, влияния и статуса государств и групп государств в меняющейся структуре современного мирового порядка?

2. Как соотносятся разные поколения традиционных и современных компонентов могущества, влияния и статуса госу-

дарств и каковы основные тенденции и направления их модификации и трансформации?

3. Какие объективные изменения внутри государств и в их взаимоотношениях фиксируют новые показатели и измерения могущества, влияния и статуса?

4. Каковы индикаторы (показатели) новых измерений могущества, влияния и статуса государств и групп государств в современном мире?

Вырисовывающуюся программу объединяют следующие задачи.

Во-первых, разработать и обосновать теоретическую модель динамики современного мирового порядка на основе новых подходов к измерению и сравнительному анализу параметров могущества, влияния и статуса государств в условиях происходящих внутренних и внешних трансформаций.

Во-вторых, выявить основные тенденции и направления модификации параметров и компонентов могущества, влияния и статуса государств в современном мире, а также взаимного влияния внутренних и внешних факторов, включая государственную состоятельность (State capacity), сетевые взаимодействия на национальном, региональном и глобальном уровнях, участие в новых конфликтах, миграционные потоки и др.

В-третьих, создать новые эмпирические базы данных и разработать новые показатели измерения и оценки внутренних и внешних факторов, определяющих положение государств и групп государств (в том числе как утрачивающих свое прежнее влияние, так и «восходящих») в меняющейся мировой структуре.

В-четвертых, протестировать разработанные показатели могущества, влияния и статуса государств с использованием новых методов количественного анализа, включая новые индексы влияния, учитывающие сетевые взаимодействия, модели порогового агрегирования, модели анализа паттернов и др. и на их основе создать многомерную модель структуры современного мирового порядка.

В случае решения этих задач могут быть получены серьезные научные результаты. В их числе новая концепция параметров могущества, влияния и статуса государств в меняющемся мировом порядке, концептуализация и операционализация компонентов и факторов могущества, влияния и статуса государств с учетом происходящих изменений в мировом порядке, оригинальные количе-

ственные и качественные методы и аналитические модели измерения и оценки новых компонентов и факторов могущества, влияния и статуса государств, относящихся, прежде всего, к трансформации военного влияния, миграционному влиянию, влиянию по условиям ведения бизнеса, влиянию в зависимости от уровней государственной состоятельности, сетевому влиянию и др. Появится возможность создать новый междисциплинарный инструментарий для решения актуальных прикладных задач оценки и прогнозирования национальных, региональных и глобальных политических процессов в условиях меняющегося мирового порядка и др.

Заслуживают проверки следующие теоретические и эмпирические гипотезы, вытекающие из современной теоретической и эмпирической литературы и наших собственных исследований:

1) могущество, влияние и статус современных государств имеют исторический характер и определяются сочетанием традиционных и новых компонентов. Волны изменений межгосударственных систем порождают новые поколения компонентов могущества, влияния и статуса;

2) общая структура могущества, влияния и статуса государств многослойна, ее динамика определяется соотношением старых и новых компонентов. С каждым новым историческим поколением компоненты могущества, влияния и статуса государств все активнее включаются в процессы глобальной циркуляции общественных благ;

3) способность государств производить, обменивать и присваивать общественные блага, включая компоненты могущества, влияния и статуса, связаны с общим уровнем государственной состоятельности (State capacity). Уровни государственной состоятельности, понимаемой как ресурсы и институциональные возможности, становятся одним из определяющих факторов могущества и влияния государств;

4) усилия «восходящих» государств по повышению их статуса являются влиятельным фактором определения их могущества и влияния;

5) новые компоненты могущества и влияния современных государств можно эффективно измерить и сравнить с использованием таких количественных методов, как анализ сетевых взаимодействий с помощью моделей теории выбора, теории игр и индексов влияния.

Осуществление программы потребует нетривиального использования качественных и количественных методов сравнительного анализа, в том числе специально разработанных для обозначенных выше задач. Неизбежно придется использовать разнообразные существующие источники информации, в том числе базы данных и индексы. Кроме того, потребуется создавать оригинальные базы данных, отражающие, например, новые измерения могущества, влияния и статуса государств и групп государств. Словом, работа предстоит большая, многообразная и многоплановая. Приглашаем коллег активно в нее включаться.

Список литературы

- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Методология универсального сравнения мировой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2007. – № 3. – С. 16–42.
- Политический атлас-2: Мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 98–104.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств // А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Political atlas of the modern world: An experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern states // A. Melville, Y. Polunin, M. Ilyin, M. Mironyuk, I. Timofeev, E. Meleshkina, Y. Vaslavskiy. – Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – 246 p.

*А.С. Ахременко,
М.В. Ильин,
А.Ю. Мельвиль*

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИЗУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООБЩЕСТВ

М.В. ИЛЬИН*

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО ЛЕВИАФАНОВ. ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические свойства разного рода государств. Некоторые заданы программами воспроизводства и образуют внутреннюю форму политического порядка. Другие возникают в результате диффузии альтернативных модусов политической организации внутри сетей, образованных государствами.

Исторически осуществившиеся трансформации государств образуют поколения специфических типов государств и их систем, межгосударственных сетей.

Методологические перспективы зависят от нашей способности как различать внешние и внутренние формы, так и устанавливать их баланс и взаимное соотношение.

Ключевые слова: морфология; типы государств и их систем; поколения государств и их систем; трансформации; внутренние формы; внешние формы; воспроизводство; варьирование; дивергенция; диффузия; контаминация; конвергенция.

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com;

Ilyin Mikhail, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

M.V. Ilyin

Family affinities of Leviathans. States in international systems

The article explores morphological qualities of different kinds of states. Some of those qualities depend on their internal blueprints and constitute inner forms of political order. Other properties developed due to diffusion of alternative modes of political organization through networks of state communities. They account to external forms of states. Respectively inner forms entail reproduction, variation and eventually divergence, while outer forms require diffusion and convergence.

Actual transformation of states shapes into a sequence of generation of specific types of states and their networks or systems of states.

Methodological prospects of research rest on our ability both to differentiate convergence and divergence as well as to establish their balance and mutual interface.

Keywords: morphology; types of states and state systems; generation of states and state systems; transformation; inner form; outer form; reproduction; variation; divergence; diffusion; contamination; convergence.

В этой статье развиваются идеи «Политического атласа современности» о связях между собственными характеристиками отдельных государств и их местом в мировом сообществе. Отправная точка – тезис общего «семейного дела Левиафанов»: государства могут возникать, становиться самими собой и развиваться только в сообществе себе подобных. Этот принцип проявился при формировании ячеистого слоя государств. Уяснить логику семейного дела Левиафанов помогает общий, неизбежно панорамный и очень приблизительный обзор возникновения и трансформаций основных поколений международных систем и типов входивших в них государств. На этой основе дается также самая общая характеристика нынешней конфигурации координатной сети мировой политики в виде ячеистого слоя территориальных государств. Многие особенности этой координатной сети и ее ячеек поддаются более адекватному и корректному представлению и интерпретации с помощью морфологических категорий внешней и внутренней формы. Побуждение коллег к внедрению данных категорий в практику политических исследований как раз и составляет главную задачу данной статьи.

Появление и формирование ячеистого слоя государств

В политической истории не раз случалось, что горстка борющихся за гегемонию политий попадала сначала в патовую ситуацию, а затем оказывалась связана взаимными сдержками и противовесами. Возникали более или менее устойчивые конфигурации противоборства и союзничества со своими способами поддержания хрупкого баланса.

Порой способы поддержания баланса позволяли сохранять сложившийся порядок довольно долго вплоть до нескольких поколений. Замечательные примеры дают переходящие один в другой периоды весен – осеней и воюющих государств в Китае. Сходные и структурно даже более четкие порядки описаны великим Чанакья (Каутилей) в своей «Артхашастре» как мандала нескольких властителей [Лелюхин, 2009, с. 69; Ильин, 2015, с. 266]. Однако рано или поздно даже такие замечательные институциональные ухищрения сметались более или менее полной имперской гегемонией или торжеством феодального, а то и варварского соперничества.

Лишь однажды – чуть больше пяти столетий назад¹ – подобная безотчетная институциональная новация в военно-политической сфере стала подкрепляться и закрепляться благодаря синергическому совпадению с рядом структурно сходных процессов неустойчивого равновесия в смежных сферах экономики, повседневного быта, новых технологий, социальных коммуникаций, языка и культуры [Сергеев, Бирюков, 1998]. Началось то, что мы привычно именуем модернизацией, зачастую недостаточно вдумываясь в противоречивость, многомерность и неоднозначность множества ее составляющих. При этом политические новации, сделавшие территориальные политии ячейками общего порядка, позволили развиваться своего рода операционному интерфейсу совершенно разнородных процессов, вылившихся в постепенно обретающую контуры и мощь модернизацию.

¹ Известна точная дата исходной военно-политической новации. 9 апреля 1454 г. на берегах реки Адда близ города Лоди был заключен мир между Венецией, Миланом и Флоренцией. К нему примкнули папа и неаполитанский король, провозгласив создание Итальянской лиги 2 марта 1455 г. В результате удалось прекратить кровопролитие в истерзанной войнами всей Италии дольше, чем на целое поколение – вплоть до начала Итальянских войн в 1494 г. См.: [Mattingly, 1988, p. 78–86; Ильин, 2011, с. 255–256; Ильин, 2013 b, с. 58–59].

Постепенно с большим или меньшим успехом некоторые моменты этой новации – увы, на побудительном фоне откатов и возрастания кровопролития – были вынужденно инкорпорированы во все более активные взаимодействия территориальных политий. Из фиксируемых – прежде всего мирными договорами – позитивных конфигураций этого взаимодействия стали прорисовываться структуры, а сами территориальные политии становиться ячейками соответствующих сетей.

Сами по себе первые сети были клочковатыми и неустойчивыми. Однако десятилетие за десятилетием они расплзались, уплотнились. Исподволь стало образовываться общее структурированное пространство. Оно оказалось удобным и функциональным не только для сдерживания кровопролития, но и для поощрения все большего числа политических, экономических и социальных новаций, которые принято включать в общую рубрику модернизации.

На старые сети очень примитивного, рамочного сдерживания насилия стали наслаиваться сети других полезных начинаний, как раз и связанных с набиравшей мощь модернизацией. Так малопомалу одни относительно простые сети со своим набором ячеек стали превращаться в более сложные с новым и обновленным набором ячеек, которые тоже становились сложнее. Порой ячейки усложнялись и институционально совершенствовались быстрее. Тогда они экспортировали свои новации в сеть и трансформировали ее институты. Впрочем, был и противоположный процесс ареста и даже редукции институциональных новаций, например, по логике «царя горы» [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013].

Главный принцип, повторим, заключается в том, что современные территориальные государства формируются не изолированно, а в составе международных систем. Типологические особенности вовлеченных в процесс государственного строительства политий, их возможности, потенциал, институциональный дизайн становятся факторами, определяющими характер системы. В то же время по мере своего формирования международная система оказывает мощное обратное воздействие на образовавшие ее политии. С помощью синхронизации ключевые для международной системы организационные принципы и практики внедряются в составляющие ее страны. Помимо этого система решительным образом влияет на эволюционный отбор типов своих единиц-членов, на их институциональный дизайн и даже на политические культуры.

Не менее важно, что качественное соответствие между определенными типами государств и межгосударственных систем позволяет объединить их в череду поколений. Деление на поколения определяется логикой модернизации и динамикой вызванных ею исторических процессов. При этом происходит не механическая «смена» по принципу одно поколение *вместо* другого, а их «наслаивание» и наследование одних другим по принципу новое поколение *вместе* с предшествующими, сохранными в «снятом», т.е. критически переработанном виде.

Развитие и сама модернизация обеспечиваются неоднородностью координатной сети и разнородностью ячеек. Именно они создают момент изменений и развития. Некоторые из государств-ячеек, входящих в систему общего поколения, живут скорее логикой предыдущего поколения, тогда могут найтись и такие, которые уже предлагают иную логику, которой только предстоит стать если не всеобщим, то уж точно типичным достоянием следующего поколения международных систем.

С самого начала модернизации состав государств отличается значительной пестротой, а международные системы высокой степенью асимметричности. По мере эволюции количество разновидностей государств уменьшается, а типологические, точнее, так называемые семейные сходства между входящими в них территориальными политиями становятся более отчетливыми. Асимметрия сменяющих друг друга международных порядков постепенно сглаживается. Однако эволюционная асинхронность отдельных государств и их типов не только сохраняется, но и создает необходимый момент организационной и функциональной дифференциации внутри международных систем. Сохраняющаяся же асимметрия международных систем также создает моменты развития.

В развитии и международных систем, и образующих эти системы государств периоды относительной стабильности политического порядка чередуются с кризисами. В ходе модернизации относительная длительность периодов порядка увеличивается, а кризисов — уменьшается, хотя и незначительно, по крайней мере, в нынешней ретроспективе пяти с половиной веков.

По мере развития государств и межгосударственных систем отчетливо прослеживается укрепление во внешней и внутренней политике начал, принципов и традиций законности, представительства и участия. Это позволяет государствам и международным

системам накопить институциональный и политико-культурный потенциал, необходимый, но пока недостаточный для адекватного ответа на основной императив современности (Модерна) – установление контроля над развитием [Ильин, 2003 а; Ильин, 2003 б].

Учет параметра эволюционной зрелости позволил осуществить реконструкцию исторических поколений координатной сети мировой политики. Национальные политики по-прежнему оформлены пространственным образом, имеют собственный «эволюционный возраст» и развиваются в соответствии со своей внутренней логикой и приоритетами. Да и сама ячеистая структура мировой политики, образуемая государствами, сформировалась и продолжает формироваться в специфических эволюционных и исторических условиях.

При всех своих темпоральных характеристиках ячейки координатной сетки могут обладать пространственными параметрами, структурными характеристиками, определяющими их место в сообществе государств. Наиболее очевидным критерием различия является размер – причем не абсолютный, а относительный. Он использовался еще Джованни Ботеро, который впервые показал принципиальную разницу между величайшими (*grandissime*), средними (*mezano*) и крохотными (*piccioli*) государствами [Botero, 1997, p. 3–7]. Для Ботеро, однако, размер государства не сводится к территории. За размером стоит некое подобие комплексного индекса. Он включает также численность населения, природные ресурсы, трудолюбие людей и созданные ими богатства, их долю в распоряжении властителя, его ресурсы господства, в частности вооруженные силы, а главное – общее благо страны, которое является одновременно и началом, и средством государства, его государственным расчетом.

В связке с размером следует учитывать целый ряд показателей, включая такой важный, как общественные блага (*public goods*). Последний параметр следует трактовать куда более четко, чем Ботеро, обращаясь к современной трактовке общественных благ как услуг, предоставляемых политическими институтами своим «клиентам» – от граждан до политических, экономических и прочих структур самого разного масштаба.

Распределение общественных благ является основанием универсальных классификаций государств. Важны не только и не столько их «натуральные» размеры (численность населения, раз-

мер территории, объем ВВП и т.п.), сколько относительный масштаб их участия в циркуляции общественных благ [Ильин, 2010; Ильин, 2012 d]. Структура мировой политики в значительной мере определяется направлением потоков общественных благ. Государства в этой глобальной системе становятся своего рода ячейками для организации и учета (подведения баланса) обмена общественными благами, которые могут производиться не только государственными ведомствами, но также транснациональными и субнациональными акторами. Плотность и интенсивность циркуляции общественных благ как раз и характеризуют масштаб отдельных ячеек или государств.

Соответственно появляется возможность выделить крупномасштабных поставщиков общественных благ или мегахосударства. Далее можно выделить участников циркуляции общественных благ, которые способны поддерживать баланс между получением и предоставлением общественных благ. Это макрогосударства. Оба объединяют нетто-получателей общественных благ. Одни при этом участвуют в циркуляции общественных благ – пусть и при дефицитном балансе. Они обладают в силу этого определенной долей самостоятельности. Другие же попросту не производят некоторых общественных благ, например, связанных с международной безопасностью, научно-технической деятельностью и т.п. Эти политики полностью зависят от поставляемых извне общественных благ. Предлагается различать эти группы как мини- и макрогосударства.

Структурные подразделения на мега-, макро-, мини- и макрогосударства в зависимости от распределения общественных благ сохраняются на всех этапах развития международных систем и составляющих их государств.

Поколения государств и их систем

В эмпирическом отношении проведенные исследования позволили выделить поколения государств и их систем, а также получить классификации государств для отдельных этапов эволюции международной системы государств от локализованной Итальянской лиги второй половины XV столетия до глобальной системы наших дней [Ильин, 2011; Ильин, 2012 а; Ильин, 2012 b; Ильин, 2012 c; Ильин, 2013 b]. Данные классификации отражают состав

международных систем государств. Этот состав, как и типичные для него государственные формы, существенно отличается для отдельных больших волн развития – Раннего Модерна (XV–XVIII вв.), имперско-националистического Модерна («долгий XIX век»), волны эволюционной паузы «короткого XX века» и нынешнего, незавершенного еще выхода из этой волны.

Выделенные в ходе эмпирического исследования классификации преимущественно отражают фазы консолидации и лишь частично фазы кризисов. При этом в рамках более мелких волн, охватывающих от половины столетия до двух десятилетий (исторически наблюдается постепенное сокращение темпоральной амплитуды волн), состав международных систем и наличные государственные формы варьируется менее значительно при переходе от одной волны к другой. Разумеется, что описываемая схема отражает логику задающих тон сегментов ячеистого слоя, его «ядра», если это слово применимо к сетям вообще. В ячеистом слое сохраняются также периферии своего рода – пережиточные ячейки прежних поколений или возникают разного рода девиации, которые могут создавать шумы и проблемы, а могут задавать потенциальные альтернативы для будущего.

В целом выявляется следующая логика волновой смены поколений международных систем и составляющих их государств [см.: Ильин, 2013 b].

Впервые сетевая структура баланса территориальных политических была опробована и принята в Северной Италии во второй половине XV столетия после заключения в 1454 г. так называемого Лодийского мира. Затем наступил кризис в виде так называемых Итальянских войн. Он был завершён Аугсбургским миром 1555 г. и установлением системы конфессионализма. Этот новый политический порядок был подорван новой серией религиозных войн, которые продолжались вплоть до середины XVII столетия и прекратились лишь с заключением Вестфальского мира.

В этот и непосредственно последовавший за ним исторический период менялись состав и конфигурация международных систем. Достаточно констатировать, что их образовывали территориальные политии разных масштабов:

- империи или составные политии (унии) имперского масштаба;
- королевства или иные крупные территориальные политии;
- княжества или иные мелкие территориальные политии;
- города или иные мельчайшие территориальные политии.

Историческая Вестфальская система включала три империи, а именно издавна претендовавшую на этот статус Священную Римскую империю, а также двух ее противников, возвысившихся до этого статуса в результате Тридцатилетней войны – королевства Франции и Швеции.

В состав этой системы входили крупные территориальные политии: экстраимперские (Испания, Англия, Нидерланды, Дания, а также по инерции Португалия, Речь Посполитая и Венеция) и внутриимперские – курфюршества. Кроме того в нее были также включены внутриимперские княжества или мелкие территориальные политии и города или мельчайшие территориальные политии.

Историческая Вестфальская система обеспечивала циркуляцию единственного общественного блага – военной безопасности в ее простейшей форме. Первые поколения международных систем, включая исторически действительную, а не абстрактную Вестфальскую систему, были в высшей степени асимметричны. Эти системы формировали единичные суверены, которые на вторых и третьих ролях принимали в свой клуб избранные политии, а всех остальных рассматривали как бесправные объекты своего манипулирования.

Подобный порядок просуществовал до эпохи революционных потрясений и Наполеоновских войн.

Даже немногие государства, уцелевшие в этом потоке революционных изменений, претерпели существенные изменения. Восстановленные после Венского конгресса, например, королевство Франция или Швейцарское клятвенное сотоварищество уже были обречены стать фактически новыми государствами. Для абсолютных монархий не осталось места. В лучшем случае их удавалось заменить на легитимистские монархии. Происходило повсеместное обновление монархий за счет их ограничения, усиления представительных и парламентских начал и даже конституционализма. Формируются – первоначально на периферии международной системы за океаном – современные республики, которые постепенно становятся все более распространенной формой организации территориальных политий.

Постепенно уменьшается пестрота состава сообщества суверенных государств, количество специфических разновидностей и единичных уникальных отклонений. Происходит диффузия образцов государственного строительства, норм конституционализма и

парламентаризма. Все активнее используются институциональные решения, доказавшие свою эффективность в относительно успешных странах – прежде всего Великобритании и, отчасти, во Франции.

На протяжении всего XIX столетия, включая даже кризисные периоды, происходило нарастание сетевых взаимодействий как между государствами, так и внутри национальных политий. Эти процессы консолидации сопровождаются постепенным изменением представлений о природе власти и политического порядка. В предыдущую эпоху наиболее успешная практика государственного строительства вполне логично сочеталась и оправдывалась идеей разума как источника и основания политического порядка, верховной власти и ее суверенности. Еще более архаичные идеи об их сакральном источнике уже становились все более и более маргинальными. Новые идеи о народе как источнике суверенной власти при всем своем мощном распространении стали действительно заметными и значимыми только в эпоху революций и Наполеоновских войн.

Все эти изменения существенно сказываются на составе и способах циркуляции общественных благ. Количество благ и их разновидностей растет. Появляются все новые и новые способы их распределения – первоначально на локальном или национальном уровне. Медленно, но верно происходит расширение сетей циркуляции общественных благ. Все более диверсифицированными и сложными становятся многосторонние гарантии и интервенция. Нарастает транснациональный обмен людьми, товарами, услугами и капиталом. Формируются и уплотняются информационные и транспортные сети.

Вместе с тем XIX век – это эпоха торжества империалистической и националистической гегемонии. При общем расширении пределов международной системы и ее окончательном свертывании в глобальную, сферическую по конфигурации структуру сокращается общее число государств. Слоистость, многоуровневость международной системы скрадывается, а общая логика редуцируется к некому подобию теоретической Вестфальской системы ячеек как биллиардных шаров. Прежние и новые ячейки всемирной сетки территориальных политий унифицируются. Они либо прямо включаются в пространства имперского господства, либо попадают в сферы их воздействия. Все это делает клуб великих держав естественным и единственным распорядителем системы циркуляции

общественных благ, а большую часть остального мира – зоной колониального господства. Столь резкое нарастание асимметрии международной системы и диспропорций в масштабах ячеек мировой координатной сети привело к «закупорке» каналов циркуляции такого важнейшего общественного блага, как безопасность, что спровоцировало мировую империалистическую войну.

После Первой мировой войны начинается процесс реструктурирования мировой системы. Глобальная координатная сетка получает оформление сначала в виде Лиги Наций, а затем и Организации Объединенных Наций. Начинает реализовываться принцип национального самоопределения, который вопреки идеологически возобладавшей его этнонационалистической трактовке в структурно-функциональном плане сводится к самоопределению, точнее, признанию территориальных политий суверенными нациями-государствами. При этом государственное (так будет точнее) самоопределение санкционируется прежде всего великими державами и влиятельными макрогосударствами.

Проявляется противоречие между, с одной стороны, участием все большего числа территориальных политий в функционировании как претендующих на универсальность международных организаций, так и глобальной координатной сетки в целом, а с другой – постоянным воспроизведением гегемонии противоборствующих полюсов международного господства.

Данные тенденции проявляются в динамике. Смена поколений и фаз развития демонстрирует отчетливую логическую последовательность.

Первое поколение, образованное фазой относительно успешного функционирования Лиги Наций и первой волны демократизации с контрфазой краха системы коллективной безопасности и тоталитарного отката, характеризуется отрицанием гегемонии и одновременно ее парадоксальным утверждением. При этом суверенное равенство государств и гражданское равенство людей составляют важное позитивное достижение данного этапа развития.

Второе поколение охватывает фазу консолидации системы ООН и второй волны демократизации с контрфазой кризиса 1960-х годов. Здесь гегемония сверхдержав постепенно изживается за счет новаций, связанных с распространением практик эмансипации в разных формах и на разных уровнях политической организации.

Третье поколение формируется фазой так называемого хельсинкского процесса и третьей волны демократизации с контрфазой кризиса 1980-х и начала 1990-х годов. Здесь новую, более глубокую трактовку получают принципы суверенного равенства государств и гражданского равенства людей. Однако вновь, как и в рамках первого поколения, упрощенное и прямолинейное внедрение этих принципов ведет к парадоксальному на первый взгляд, но вполне понятному в логике настоящей статьи возрождению гегемонистских тенденций.

Середина 1970-х годов отмечена формированием международной Хельсинкской системы и началом волны демократизации, а точнее, политического участия все большего числа стран мира. В ходе предшествовавшего этому кризисного периода 1960-х и начала 1970-х годов возникает множество новых государств.

Четвертое поколение включает фазу спонтанного формирования униполярной системы гегемонии США и четвертой волны режимных трансформаций с контрфазой кризиса американской гегемонии и проблематизацией режимов национальной гегемонии во многих странах мира. Здесь вновь гегемония подрывает саму себя и создает контекст и условия для нового обращения к принципам суверенного равенства государств и гражданского равенства людей.

Соответствующие волнам развития поколения международных систем и составляющих их политий консолидируются благодаря распространению и признанию определенных принципов политической организации. Она далеко не сводится к производству и распределению общественных благ, но также создает и другие институциональные возможности. Соответствующие принципы и возможности на практике реализуются далеко не всеми государствами и далеко не в полной мере. Наряду с ними существуют также альтернативные принципы, которые либо сохранились с прошлых времен, либо остаются новациями, спецификами, а то и патологиями отдельных стран или даже более мелких политических образований. Фактически можно говорить лишь об относительном преобладании неких моделей и модальностей политического поведения и взаимодействия. Вместе с тем и относительного преобладания порою бывает довольно, чтобы сделать тот или иной набор принципов интегратором определенного поколения политической организации. Зачастую возникают альтернативные наборы прин-

ципов, противоречивое столкновение которых позволяет образовывать конфликтные системы – международные, национальные и даже локальные.

Эмпирический анализ волн государственного строительства и развития международных систем позволил соединить различные масштабы (уровни, диапазоны, горизонты, тренды) как широты, так и глубины мировой динамики. Например, современные государства и образуемые ими системы не есть нечто непосредственно наблюдаемое в 2012 г., а куда более сложный и многослойный феномен, который каждый раз по-разному предстает при его анализе в масштабе последних двух десятилетий гегемонии США, в масштабе волн демократизации XX столетия, в масштабе социальных сдвигов, вызванных промышленной революцией, в масштабе экспансии европейского миропорядка, начавшегося вслед за Великими географическими открытиями и т.п. Меняется масштаб и при рассмотрении мировой динамики с точки зрения отдельного «точечного» актора – того же государства – или же совокупности таких акторов в национальном, региональном или глобальном изменении. При этом переход от одного масштаба к другому, как в темпоральных, так и пространственных измерениях, не означает, что из поля зрения можно полностью исключить все остальные масштабы. Изменчивость масштабов сама становится важнейшей характеристикой глобальной динамики.

Нынешние конфигурации ячеистого слоя

Нынешние конфигурации ячеистого слоя многомерны. В нем отложились институциональные характеристики различного темпорального масштаба. Ячейки в одном масштабе обладают одним набором характеристик суверенности, а в ином масштабе – иным. Их характеристики и возможности варьируются с учетом их многомерности и изменчивости. Сами эти возможности разнятся в зависимости от места того или иного государства в сообществе других суверенов, от того исторического опыта и, соответственно, возможностей, которые были им накоплены, и т.п. Это означает, что суверенность государств не сводима к тому или иному набору прерогатив, а включает куда более широкий спектр возможностей, которые могут использоваться в масштабах отдельного локуса (пограничный пе-

реход, таможенное управление и т.п.), региона (ЕС, СНГ, АСЕАН и т.п.) или всего глобального сообщества (ООН и ее учреждения).

В ходе реализации проекта были получены эволюционные типологии отдельных групп государств, а также эволюционные модели отдельных казусов, которые могут рассматриваться в качестве прототипических. Так, наименьшую дивергенцию и максимальное накопление морфологического разнообразия государственного строительства демонстрируют страны западноевропейского ядра или так называемого пояса городов. Это страны Бенилюкса и Швейцария. Фактически Швейцария может рассматриваться как своего рода прототип.

Помимо базовой группировки западноевропейского ядра выделяются несколько типов раннего государственного строительства. Эти типы отличаются преимущественно разной локализацией в роккановской модели концептуальной карты Европы.

На этом относительно благополучном фоне выделяются группировки государств, возникших в поздних волнах государственного строительства, например в рамках второй волны демократизации и связанной с ней деколонизацией.

На основе эволюционных типологий вырисовывается общая генеалогия мировой системы государств и их важнейших типов. При этом происходит умножение сложности общественных благ и способов их производства и распределения. Отдельные государства либо сохраняют свои параметры мега-, макро-, мини- и макро-государств, либо переходят из категории в категорию в основном за счет появления новых и исчезновения старых ячеек межгосударственной сети.

В конечном счете складывается нынешняя конфигурация международной системы и сосуществующих ныне форм государственного устройства.

Сейчас ООН включает наряду с долгожителями, имеющими четырех-пятисотлетний опыт суверенов различных разновидностей (Великобритания, Нидерланды, Швейцария, Испания, Португалия, Швеция, Дания и др.), больше десятка типов иных политических образований. Одни сформировались на западноевропейских перифериях или вновь образовались путем слияния (Германия, Италия) или разделения (отделения от) исходных членов клуба суверенов (Норвегия, Ирландия, Финляндия, Исландия и т.п.). Другие были созданы как бы на пустом месте по западноевропейским лекалам (США, Канада, Австралия и т.п.). Третьи включились в междуна-

родную систему со своими особыми цивилизационными традициями и специфическими структурами неевропейской политической организации (Россия, Япония, Китай и т.п.). Четвертые подверглись сложной переработке по модели «гибели-и-возрождения» (Индия, Египет и т.п.). Пятые заставили признать себя путем решительного сопротивления давлению великих держав (современная Турция, Эфиопия, Таиланд и т.п.). Шестые в разные исторические эпохи искусственно формировались великими державами (Греция, Албания, страны «малой Антанты» и т.п.). Седьмые послужили простым оформлением тех или иных территорий (Микронезия и многие другие подобные островные образования, ряд африканских государств и т.п.) при фактическом сохранении внешнего контроля – нужно было формально заполнить «бреши» в глобальной ячеистой структуре. Наконец, возникло несколько поколений и типов постколониальных политий, в большей или меньшей степени развивших альтернативные версии государственности.

Нынешняя структура ячеистого слоя стала результатом весьма прихотливого взаимодействия внешних и внутренних факторов институционального строительства. Эффекты их действия можно выявить и проанализировать с помощью довольно грубых категорий статусности и состоятельности, а также более тонкого различения внешней и внутренней формы.

Внешняя и внутренняя форма

Еще на завершающем этапе работы над «Политическим атласом современности» было констатировано, что «присоединение к международной системе все новых участников способствует появлению у них некоторых общих или аналогичных черт политического устройства, идентификации и т.п.» [Ильин, 2007]. Одновременно различались «статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний» (statehood), а также их «состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния» (stateness)» [Ильин, 2007]. Они позволяли различить то, что получалось в результате наведения общих институциональных решений сетью (статусность), и то, что порождалось собственными возможностями отдельных ячеек (состоятельность).

В цитированной статье отмечалось, что «статусность преимущественно, хотя и не исключительно, относится к месту политий в координатной сети, т.е. к их внешнеполитическим особенностям, а состоятельность – к собственным, в основном внутривнутриполитическим возможностям. При этом нужно учитывать, что у статусности есть и внутренние аспекты, а у состоятельности – внешние. Грубо говоря, статусность можно соотнести с разными сторонами – внешними и внутренними – признания властного режима, а состоятельность с его возможностями – тоже внешними и внутренними)» [Ильин, 2007].

Данные оговорки и уточнения только отчасти проясняли соотношение внешних и внутренних моментов государственности. Как показали дальнейшие исследования [Ильин, 2016 а; 2016 b], в значительной мере интуитивное различие статусности и состоятельности, подсказанное наличием соответствующей терминологической пары в англоязычной политической науке, находит более основательное и системное понимание с помощью общеморфологических категорий, в частности внешняя и внутренняя форма [Ильин, 2016].

Более эффективным и точным оказывается использование общеморфологических категорий внешней и внутренней формы. Хотя они еще не получили широкого признания в научном мейнстриме институциональных и сравнительных исследований, это фундаментальные категории морфологии как глубинной методологической основы подобных исследований. Вообще термины *форма* и *формальный* употребляются зачастую крайне произвольно, становятся растянутыми жужжалками (*overstretched buzzwords*). Они легко тривиализуются до почти полного лишения смысла. На этом фоне особенно разумно обратиться к базовым принципам морфологии в ее наиболее отчетливых, классических проявлениях.

Решительный шаг в создании научного аппарата морфологии сделал великий Гёте в своем «Опыте объяснения метаморфоза растений» [Гёте, 1957]. Используя понятия метаморфоза и морфологии, он предложил абстрактную модель растения как биологического явления. Гёте продемонстрировал, например, что отдельные органы растений являются лишь превращенными формами или метаморфозами листа. Создание формальной модели растения «прямо вело к следующему важнейшему обобщению: систематическое выявление гомологических сходств любых типов явлений позволяет находить их прафеномен (*Urphänomen*) или обобщен-

ный морфологический аналог и своего рода порождающую модель» [Ильин, 2016 а]. Данная модель была, выражаясь современным языком Матураны и Варелы, автопоэтической, самотворящей. Она из себя самой порождала явления.

Важный шаг в морфологических изысканиях сделал Вильгельм фон Гумбольдт – один из ярчайших преемников и продолжателей гётевских начинаний. Он расширил трактовку прафеномена, включив в него также и практическое осуществление задаваемых их алгоритмов самотворения. Это он назвал внутренней формой, специально сфокусировав внимание на внутренней форме языка, но придавая внутренней форме общеморфологическую значимость.

Гумбольдтовские идеи были и остаются крайне эвристичными. Однако более простые, быстрые и эффективные для частных, сфокусированных на конкретных вопросах исследований давали редуцированные методики порождения форм, выстроенные, например, по иерархической логике лестницы жизни (*scala naturae*). Таким путем пошел создатель лингвистической морфологии Август Шлейхер [Schleicher, 1859], который вместе с целой плеядой первого поколения индоевропейцев разработал теоретико-методологическую концепцию родословного древа языков (*Stammbaumtheorie*) [Schleicher, 1861]. Она предполагала, что все языковые формы логически, по строгим законам порождаются из ранних форм путем дивергенции. Она позволила, к примеру, осуществить великолепные реконструкции исчезнувших языков или несохранившихся языковых форм исходя из внутренней логики формообразования.

Однако все эти замечательные результаты были очень методологически однобоки и были отмечены существенным изъяном. Внешние воздействия либо вообще исключались, либо трактовались как чисто случайные помехи, которые могли, впрочем, дать неожиданные и порой важные, но системно необъяснимые и необъясняемые результаты.

Прямо противоположный поход был предложен наиболее неортодоксальными индоевропейцами следующего поколения Иоганнесом Шмидтом и Гуго Шухартом. В основу предлагалось положить внешние воздействия и влияния, которые как раз и порождали новые формы или модифицировали старые. Была выработана волновая теория (*Wellentheorie*) [Schmidt, 1872]. Движущей

силой образования форм становится конвергенция. Формы передаются от одного языка или диалекта к другому, распространяются из центра инновации к периферии, постепенно затухая и образуя своего рода волны. Тем самым семейному родству через порождение (descent) противопоставляется семейное же свойство через брак (affinity). Любопытно, что первый морфолог Гёте использует в названии своего знаменитого романа выражение *избирательные сродства* (Wahlverwandschaften), а философ Витгенштейн предпочитает говорить о *семейном сходстве* (Familienähnlichkeit, family resemblance)».

Следующий научный прорыв был сделан биологами в рамках морфологии растений. Великий датский ботаник Эугениус Варминг выдвинул новаторскую концепцию жизненной формы (livsform) растений или биоморфы в дополнение к категориям вида и особи, отдельного организма. Одни и те же наблюдаемые феномены, оставаясь и уникальными организмами, и типичными представителями вида, можно очень эффективно и эвристично объяснить как формы их включения в среду [Warming, 1895].

Один из его учеников – Вильгельм Людвиг Иогансен сделал следующий шаг и выделил генотип и фенотип [Johannsen, 1905]. Далее категория формы жизни была использована политологом Рудольфом Челленом. Он рассматривал государства как формы жизни, обусловленные взаимодействием со своими средами – природной, хозяйственной, международной и т.п. [Kjellen, 1916; Челлен, 2008]. Психолог Эдвард Шпрангер связал жизненные формы с типами личности [Spranger, 1914; Spranger, 1921], а философ Людвиг Витгенштейн – с практиками лингвистических игр (см. пункт 241 [Wittgenstein, 1953]).

Что же дает или может дать различение внешней и внутренней форм для развития методологии сравнительного изучения государств? Что это различение добавляет к нашему пониманию сетевой структуры ячеистого слоя? Прежде всего трактовку происходящих процессов как дивергентных и конвергентных, а дивергенцию и конвергенцию как основу формообразования. Соответственно, сложившиеся и относительно устойчивые формы удобно и эвристично трактовать с точки зрения баланса конвергенции и дивергенции.

Трактовка координатной сети ячеистого слоя как совокупного результата взаимных процессов конвергенции и дивергенции открывает доступ к открытости и в этом смысле неокончателности всей этой системы. Ее свойства становятся доступны для изучения.

Появляется возможность пойти дальше простого вычленения как будто бы закрытых фрагментов системы и формально моделировать их в терминах зависимых и независимых переменных, векторных, однонаправленных связей между причинами и следствиями. С точки зрения общих методологических принципов моделирование можно начинать в любой интересующей нас точке, например, в состоянии ячейки на определенный момент, а затем разворачивать в любых направлениях пространства и времени, точнее пространства-времени. Это, однако, лишь теоретико-методологический принцип. Его применение в практике исследований предполагает выработку конкретных методов и методик, если не с нуля, то практически с неосвоенных современной наукой позиций. Подобного рода методологическое творчество может и должно стать основным научным вызовом для нового этапа изучения «семейного дела Левиафанов».

Список литературы

- Гёте И.В.* Опыт объяснения метаморфоза растений // Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: АН СССР, 1957. – 556 с.
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю.* Формирование новых государств: Внешние и внутренние факторы консолидации // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 3. – С. 26–39.
- Ильин М.В.* Большие и малые волны государственного строительства // ПОЛИТЭКС. – М., 2012 г. – № 4. – С. 17–45.
- Ильин М.В.* Включение новых государств в международные системы: Сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: Традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
- Ильин М.В.* Влияние имперского наследия, форм и порядков управляемости на развитие // Модернизация и демократизация в странах БРИКС / И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев (ред.). – М.: Аспект-пресс, 2015. – С. 261–292.
- Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – № 4. – С. 8–41.
- Ильин М.В.* Волны трансформации мирового порядка: 1970–2000-е годы // Сравнительная политология: Трансформация мирового порядка, региональных режимов и государственности. – М.: Аспект-Пресс: МГИМО, 2013 г. – С. 17–22.
- Ильин М.В.* Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков (ред.). – М.: ЗАО Издательство «Аспект-пресс», 2013 г. – С. 54–68.

- Ильин М.В. Имперская форма и политические порядки различной эволюционной сложности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013 с. – № 3. – С. 98–116.
- Ильин М.В. Масштабы мировой политической динамики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012 с. – № 4. — С. 31–51.
- Ильин М.В. Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики и эволюционной морфологии // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6: Способы представления знаний. – В печати.
- Ильин М.В. Политическая глобализация: Институциональные изменения // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. – М.: Альбина паблишер, 2003 а. – С. 193–248.
- Ильин М.В. Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы. – М., 2012 б. – № 2. – С. 18–27.
- Ильин М.В. Россия как создатель международных общественных благ // Вестник Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Брюсова. Вопросы руссиеведения. – Ереван, 2012 д. – № 1(24). – С. 5–11.
- Ильин М.В. Структурные параметры неблагополучия государств // Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО, 2010. – С. 20–47.
- Ильин М.В. Суверенитет: Развитие понятийной категории. – Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под. ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова. – М.: МГИМО, 2007. – 228 с.
- Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
- Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития / Е. Лобза, К. Костюк (ред.). – М.: Московское представительство Фонда им. Конрада Аденауэра: НП «Редакция журнала «Полис», 2003 б. – С. 7–32.
- Лелюхин Д.Н. Коллективные органы управления и их роль в структуре индийского государства // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 56–72.
- Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: Развитие территориальных политий в условиях неконсолидированных границ // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Мелешикина Е.Ю. Институциональные альтернативы становления новых государств в Восточной Европе в XX – начале XXI века: Дис. ... доктора полит. наук, специальность 23.00.02. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 258 с.
- Мелешикина Е.Ю. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий // Сравнительная политика. – М., 2011. – № 2. – С. 118–132.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: Опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 3. – С. 164–183.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 125–143.

- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 8–30.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Методология универсального сравнения мировой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2007. – № 3. – С. 16–42.
- Политический атлас – 2: Мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 98–104.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Челлен Р. Государство как форма жизни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
- Frobenius L. Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre. – München, 1921. – 125 S.
- Goethe J.W. Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären. – Gotha, 1790. – 86 S.
- Humboldt W. Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen. – Darmstadt, 1792. – Repr. 1967.
- Humboldt W. Plan einer vergleichenden Anthropologie // Humboldt W. Werke in fünf Bänden / Von A. Flitner, K. Giel. – Stuttgart: JG Cotta'sche Buchhandlung, 1980. – Bd 1. – S. 337–375.
- Humboldt W. Über das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. – Berlin, 1822. – Repr. 1985.
- Humboldt W. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung. – Berlin, 1820. – 252 S.
- Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin, 1836. – 414 S.
- Factors of Post-Soviet stateness: Basic research program / M. Ilyin, T. Khavenson, E. Meleshkina, D. Stukal, E. Zharikova / NRU Higher School of Economics. Working papers. – М., 2012. – N 3. – 44 p. – (Series: Political science. WP BRP 03/PS/2012). – Mode of access: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/58953106> (Дата посещения: 29.08.16.)
- Ilyin M., Meleshkina E., Stukal D. Two decades of Post-Soviet and post-socialist stateness // REGION: Regional studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. – Seoul, 2012. – N 1(2). – P. 177–211.
- Johannsen W.L. Arvelighedslærens elementer. – Copenhagen, 1905.
- Kjellen R. Staten som livsform. – Stockholm: Hugo Gebers, 1916.
- Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Weimar, 1861. – Bd 1.
- Schleicher A. Zur Morphologie der Sprache. – St. Petersburg: Eggers und Comp, 1859. – 38 S. – (Mémoires de Académie Impériale des Sciences; T. 1, N 7).
- Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford: Blackwell Publishing, 1953. – 464 p.

А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, Д.Б. ЕФИМОВ*

**«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЛЕВИАФАН»?
РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ – ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ**

Аннотация. В данной статье рассматривается явление государственной состоятельности и различные подходы к его концептуализации, использовавшиеся исследователями на протяжении последних десятилетий, различные способы измерения этого концепта, а также весь спектр существующих теорий о взаимосвязи государственной состоятельности с динамикой режимных трансформаций. В эмпирической части работы авторы кластеризуют траектории изменения характеристик государственной состоятельности и политического режима в большинстве государств мира за 1992–2011 гг., после чего сопоставляют траектории между собой и формулируют выводы о подтверждении или опровержении тех или иных гипотез о взаимосвязи политического режима и госсостоятельности. В частности, находят довольно много опровержений гипотезы о примате государственной состоятельности над демократизацией и о невозможности успешного развития состоятельности при жестком авторитарном режиме. Вместе с тем гипотеза о возможности параллельного развития демократии и государственной состоятельности, скорее, находит свое подтверждение.

Ключевые слова: государственная состоятельность; демократизация; режимные трансформации; кластерный анализ.

* **Мельвиль Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан факультета социальных наук, руководитель департамента политической науки НИУ ВШЭ, e-mail: amelville@hse.ru; **Ефимов Дмитрий Борисович**, студент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: dbyefimov@gmail.com;

Melville Andrei, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru; **Efimov Dmitry**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: dbyefimov@gmail.com.

A. Yu. Melville, D.B. Efimov
**«The democratic Leviathan?» Regime change, state capacity,
and challenge of interdependence**

Abstract. This article discusses the phenomenon of state capacity, the different approaches to its conceptualization used by political scientists over the last decades, various ways of measuring this concept, as well as the whole spectrum of the existing theories about the relationship between state capacity and dynamics of regime transformation. In the empirical part of the article, the authors cluster trajectory changes in the characteristics of state capacity and the political regime in the majority of countries in the world for 1992–2011, then match trajectories between themselves and formulate conclusions about the acceptance or rejection of hypotheses about the relationship of the political regime and state capacity. In particular, there are quite a lot of refutations of the hypothesis about the primacy of the state capacity before the democratization and the impossibility of successful development of state capacity under autocratic regimes. However, the hypothesis about the possibility of parallel development of democracy and state capacity, rather, is confirmed.

Keywords: state capacity; democratization; regime transformations; cluster analysis.

Введение

Интерес к государству и связанной с ним проблематике еще со времен Античности неизменно пульсирует в мировой политической мысли. Начиная с 1980-х годов после предшествующего периода с преимущественным акцентом на теоретические и методологические вопросы, связанные с политическими системами и их функционированием, *государство*, *государственность* (state-ness) и *государственная состоятельность* (state capacity) вновь оказываются в центре интенсивных политологических дискуссий [см.: Evans, Reuschemeyer, Skocpol, 1985; Spruyt, 1994; Frye, 2010; Migdal, 1988 и др.]. Такое смещение аналитического фокуса было связано с разнообразными факторами, в том числе глобального политического характера – обостряющимися проблемами качества управленческих институтов и социально-экономического развития, распространением феномена «несостоятельных» государств, сложностями демократизации и государственного строительства в развивающихся странах, распадом коммунистической системы и становлением новых независимых государств.

В политической науке в целом и в изучении государственного управления в частности в последние два десятилетия сохраняется устойчивый бум новых теоретических исследований и прикладных разработок, связанных с проблематикой государства, государственности, государственной состоятельности. Особое внимание уделяется изучению влияющих на них факторов и их последствий для экономического и социального развития, эволюции социального и человеческого капитала, динамики режимных изменений и др. [Fukuyama, 2004; Back, Hadenius, 2008; Fortin, 2010; Ильин, 2005; Мелешкина, 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2012; Melville, Stukal, Mironyuk, 2013 и др.]. Среди важных факторов, сказывающихся на направлении и ходе современных сравнительных исследований, выделяются реальные и остро стоящие сегодня проблемы качества существующих государственных институтов в развитых и развивающихся странах, возможности и пределы институциональных заимствований, феномен «несостоятельных» государств, вопрос о последовательности экономических и политических реформ в трансформирующихся обществах и др.

Отдельное исследовательское направление связано сегодня с теоретически значимой и политически крайне актуальной проблематикой, касающейся *взаимосвязи* политических режимов (разных типов) и режимных изменений (в разных направлениях) с государственностью и государственной состоятельностью. Ее отдельный и крайне важный срез – проблема *последовательности* (так наз. sequencing¹) государственного строительства, становления и развития управленческих институтов, одной стороны, и демократических реформ и преобразований – с другой. Основное содержание этой проблемы заключается в следующем: является ли формирование и развитие эффективных государственных институтов (прежде всего – принуждающего характера) необходимым предварительным условием для последующей демократизации или же оба процесса могут быть взаимодополняющими и развивающимися параллельно? Иными словами, какова оптимальная последовательность реформ и преобразований, способных привести к формированию в новых независимых государствах своего рода «демократического

¹ Проблема «sequencing» породила чрезвычайно интенсивную теоретическую и политическую дискуссию [Carothers, 2007; Mansfield, Snyder, 2007; Weinstein, Halperin, 2004; Fukuyama, 2004 a; Fukuyama, 2007; Berman, 2007; MacLaren, 2009].

Левиафана» – эффективной государственной власти и демократических институтов?

Ниже мы рассматриваем основные параметры и направления попыток концептуализации и разработки эмпирических индикаторов государственной состоятельности. Мы также проанализируем основные существующие в современной литературе теоретико-методологические подходы к проблеме sequencing и предложим собственный опыт ее эмпирического анализа, в том числе в более широком контексте обозначенной выше проблемы взаимосвязи режимных изменений и государственной состоятельности. В Заключении будут сформулированы основные выводы осуществленного нами анализа и предложены перспективные направления для дальнейших исследований.

Понятие государственной состоятельности: История, подходы, проблемы

Обращение политических исследователей к изучению понятия государственной состоятельности не могло не быть связано с общим повышением интереса к тематике государства как объекта для политологического анализа. После фокуса на менее объемном понятии индивидуальных акторов (в бихевиоральном подходе) и фокуса на, напротив, более объемном понятии политических систем (в подходе системном) политическая наука с конца 1960-х – начала 1970-х годов возвращается к анализу государства как основополагающего, структурирующего разнообразные политики конструктора. Работы Дж. Неттла [Nettl, 1968], Ч. Тилли [Tilly, 1975], П. Эванса с соавторами [Evans, Rueschemeyer, Skocpol, 1985] ознаменовали основные вехи нового прилива интереса к проблематизированию государства и его влияния на социально-политические процессы. В числе характеристик государства, выделенных и с той или иной степенью успеха проанализированных, одно из основных мест и заняла государственная состоятельность.

Но даже в современной литературе, несмотря на ведущиеся бурные и в целом весьма плодотворные теоретико-методологические дискуссии, а во многом и вследствие таковых, нет полного согласия относительно ключевых параметров проблематики государственной состоятельности, ее компонентов, показателей и последствий,

в том числе в контексте общественных трансформаций и режимных изменений¹. Тем не менее в ходе этих дискуссий можно выделить, по крайней мере, некоторые общие узловые моменты, связанные с концептуализацией и способами измерения государственной состоятельности.

Фундаментальным предположением, распространенным в большей части существующих в политической науке исследований понятия государственной состоятельности, является четкая ассоциация этой характеристики государства с возможностью эффективного формулирования и реализации им собственной внутренней и социально-экономической политики, достижения поставленных целей в политике, экономике и социальной сфере [Kjaer, Hersted, Thomsen, 2002]. Этот подход перекликается и со многими концепциями в смежных науках, в частности менеджменте: эффективность управления заключается в возможности обеспечить процессы принятия правильного решения и качественной его реализации [Adizes, 2004]. Но это внешнее согласие таит в себе множество противоречий и проблем, связанных с необходимостью дать концептуальные определения различным компонентам государственной состоятельности, определить их соотношение между собой в статике и в динамике, изучить факторы влияния и разнонаправленные последствия государственной состоятельности для социально-политических, экономических, внутри- и внешнеполитических аспектов существования государства и общества.

Своего рода отправным методологическим пунктом такого анализа может служить едва ли не классическое различие между «формами» правления (во многом – режимными характеристиками) и «степенью» управляемости, предложенное еще С. Хантингтоном [Huntington, 1968]. Основной смысл этого принципиально важного аргумента применительно к рассматриваемой нами проблематике заключается в необходимости и важности учета и конкретного рассмотрения особенностей взаимовлияния уровней государственной состоятельности и характеристик политических режимов, а также их собственной и взаимообусловленной динамики. В свою очередь, постановка такой задачи предполагает определение теоретико-методологической позиции в отношении содержательного

¹ По словам К. Хендрикса, государственная состоятельность – это «концепт все еще в поисках точных определений и измерений» [Hendrix, 2010, с. 273].

понимания компонентов государственной состоятельности в их связи с влияющими на них факторами и их последствиями / результатами.

В данном контексте важной также является базовая логика Ч. Тилли, в соответствии с которой ключевыми характеристиками и базовыми функциями государства являются его способности извлекать ресурсы и создавать управляющий ими административно-бюрократический аппарат, чтобы иметь возможность вести войны [Tilly, 1990]. По крайней мере, имплицитно здесь также содержится определенное представление о государственной состоятельности, вытекающее из качества реализации отмеченных выше государственных функций¹.

М. Манн, концептуальные разработки которого оказали значительное влияние на ход современных дискуссий по рассматриваемой проблематике, различает два типа государственной состоятельности – «принуждающую состоятельность» (*despotic, coercive capacity*) и «инфраструктурную состоятельность» (*infrastructural capacity*) [Mann, 1984]. Первая по сути дела отсылает нас к веберовскому тезису о монополии на принуждающее насилие и представляет собой своего рода базовую способность государственного состояния *sine qua non*: нет принуждающей способности – нет и государства как такового. Вторая же, по его мысли, отражает реальные различия между существующими государствами в части их возможностей по формулированию и воплощению своей экономической, социальной и иной политики на всей своей территории и получаемым результатам. Именно второе – «инфраструктурное» – понимание государственной состоятельности задает основные теоретико-методологические параметры одного из влиятельных направлений в современных исследованиях государственной состоятельности [Fortin-Rittberger, 2014; Soifer, 2014; Soifer, Hau, 2014].

С различием «принуждающей» и «инфраструктурной» состоятельности связан и такой часто дискутируемый сегодня в литературе вопрос, как оппозиция «*сильных*» и «*слабых*» государств [Rotberg, 2007]. Это достаточно распространенная, хотя и вызывающая определенные сомнения точка зрения. Во-первых, в литературе существуют разные определения «силы» и «слабости» (ко-

¹ Сходная позиция прослеживается и в некоторых современных исследованиях. См.: [Gennaioli, Voth, 2015].

торые, к тому же, часто лишены аналитической строгости). Во-вторых, использование государством силы / насилия (особенно в отношении гражданского общества) может быть свидетельством как раз недостаточной государственной состоятельности. Далеко не всегда понятно, каковы источники и факторы этой «силы» – слабость оппозиции, репрессивные возможности и монополия исполнительной власти, монопольный контроль над политическим процессом, партийной системой, средствами массовой информации и пр.? Заметим при этом, что данный вопрос имеет не только теоретический, но зачастую и вполне прикладной политический характер.

Переходя к обобщению существующих в политической науке подходов к определению компонентов государственной состоятельности, следует еще раз отметить, что они базируются во многом на различных традициях представлений о функциях государства. Исследователи, опирающиеся на марксистскую или олсоновскую традицию понимания государства, будут склонны к выделению фискально-экономических и принудительных функций государства, функций извлечения средств из подвластного населения и принуждения его к тем или иным повинностям. Исследователи, опирающиеся на веберианскую традицию мысли и представление о государстве как единственном акторе в политической системе, имеющем право и возможность осуществлять легитимное насилие, также будут склонны к выделению принудительных функций государства. Исследователи, опирающиеся на институционалистскую традицию воззрений на политические системы, будут склонны к выделению административно-институциональных функций государства, способствующих установлению четких «правил игры» в обществе, повышению качества государственного управления и т.д. Из этих и примыкающих к ним традиций политической мысли и формируются три основных подхода к определению компонентов государственной состоятельности: (а) *фискально-экономический*, (б) *административно-бюрократический* и (в) *военно-принудительный*.

Многие современные исследователи рассматривают различные сочетания этих трех основных компонентов. Ф. Фукуяма, например, выделяет следующие аспекты государственной состоятельности: обеспечение обороны; поддержание закона и порядка; обеспечение прав собственности; защита неимущих; здравоохра-

нение; образование; защита окружающей среды; поддержка безработных; макроэкономическое регулирование; содействие развитию рынков и др. [Fukuyama, 2004]. Ц. Робертс и Т. Шерлок говорят о трех измерениях (аспектах) государственной состоятельности: институциональном; политическом и административном [Roberts, Sherlock, 1999]. Для К. Хендрикса государственная состоятельность – это военная способность; бюрократически-административная способность и качество политических институтов [Hendrix, 2010]. В рамках индекса трансформации Бертельсманна государственная состоятельность трактуется как один из критериев оценки уровней демократии в переходных странах. С этой точки зрения ее компоненты включают в себя монополию государства на применение насилия на своей территории; согласие относительно гражданства; разделение конституционного порядка и религиозной догматики; а также существование функционирующей административной структуры [Transformation index... 2016]. Из числа современных авторов к выделению и фиксации всех трех основных компонентов государственной состоятельности наиболее близко подошли Дж. Хансен и Р. Сигман, которые выделяют три аспекта государственной состоятельности: способность к налогообложению, способность к принуждающему насилию и административную способность [Hansen, Sigman, 2011].

Первый из обозначенных компонентов, *фискально-экономический*, является и самым популярным, по крайней мере, в современной мировой литературе. В широком смысле он включает в себя *способность государства извлекать ресурсы у подконтрольного ему населения, а также направлять эти ресурсы на решение тех или иных задач*. Предполагается, что государство, действуя в логике стационарного бандита М. Олсона [Olson, 1993], будет в той степени более состоятельным, в какой оно сумеет добиться увеличения возможных налоговых поступлений от собственного населения. С другой стороны, чем больше государство может позволить себе тратить, тем оно также в большей степени может считаться состоятельным – тем больший фундамент у проводимой им политики. Для оценки такого компонента государственной состоятельности в первую очередь подходит такой индикатор, как фискальные возможности, т.е. *общая собираемость налогов*, с помощью которых государство способно достигать поставленных целей.

Как правило, в существующих исследованиях этот параметр предлагается исчислять как соотношение собираемых налогов к ВВП, хотя существуют и другие варианты – соотношение только подоходного налога к ВВП, соотношение подоходного налога к сумме всех налогов, соотношение всех налогов, кроме торговых и косвенных, к сумме всех налогов в целом, а также соотношение реальной величины извлекаемых налогов к ожидаемой исходя из предикторов социально-экономического развития страны и ежегодные подушевые налоговые поступления [Besley, Person, 2010; Schmitter, Wageman, Obydenkova, 2005; Gehlbach, 2008; Fykuyama 2004 и др.].

В целом это вполне логичный и распространенный подход, но вместе с тем необходимо учитывать некоторые встроенные в него ограничения. Например, нерешенной проблемой в таком случае остается так называемая «теневая» экономика, которая не учитывается в этом параметре [см., например: Ottervik, 2013; Hendrix, 2010]. Кроме того, при осуществлении эмпирических сравнительных исследований, прежде всего применительно ко многим посткоммунистическим и значительной части развивающихся стран в целом, необходимо принимать во внимание такую проблему, как так называемые «пропущенные данные», в частности отсутствие достоверной статистики о реальной собираемости налогов. В качестве альтернативы предлагаются и реально используются другие показатели, например, так или иначе связанные с уровнями *ВВП на душу населения*. Необходимо, однако, учитывать, что это тоже не лучшее решение – хотя бы потому, что в ВВП на душу населения могут быть «защиты» и другие показатели, напрямую не связанные с уровнями государственной состоятельности. Поэтому при возможном использовании этого индикатора нужно принимать во внимание также встроенные в него ограничители.

Среди других используемых альтернативных индикаторов для измерения этого компонента государственной состоятельности – *доля государственной собственности в экономике* [Thies, 2010], *уровень инфляции* [Besley, Persson, 2008], *процент государственных расходов в ВВП* [Fjelde, De Soysa, 2009]. Каждый из этих индикаторов еще в большей степени, чем ВВП на душу населения, обременен теми или иными проблемами – в частности тем, что они в еще большей мере отражают концепты, не связанные напрямую с государственной состоятельностью. Применение подобных

индикаторов всегда должно сопровождаться осторожностью со стороны исследователя.

Второй из обозначенных компонентов, *административно-бюрократический*, по популярности в современной литературе лишь немного уступает первому. В широком смысле он включает в себя *способность государства определять и эффективно, без вмешательства каких-либо посторонних факторов вроде коррупции, реализовывать политику и качественное государственное управление* – обеспечивая при этом защиту таких ценностей и работу таких институтов, как *защита прав собственности, исполнение контрактов, внутренний порядок и безопасность*. Предполагается, что государство, которое может обеспечить своим гражданам вышеперечисленные условия и на этом фоне имеет возможность грамотно и эффективно определять собственный политический и социально-экономический курс, по определению является куда более состоятельным, нежели государство, которое этого обеспечить не может. Эмпирическая оценка этого компонента государственной состоятельности, однако, сталкивается с проблемой: определение пригодных для сравнительного анализа индикаторов качества институтов как важного показателя государственной состоятельности также является непростой задачей. Одна из основных сложностей здесь – множественность измерений качества управленческих институтов и различные концептуальные подходы, влияющие на выбор конкретных показателей или их сочетаний.

В некоторых случаях для решения этой задачи используются уже существующие информационные базы и формируемые на их основе индексы. Крайне распространенными источниками являются *индексы качества государственного управления* – Quality of Government (QoG) по версии одноименного проекта Гётеборгского университета [Data, 2015] и Worldwide Governance Indicators (WGI) [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2011], рассчитываемые по методике Всемирного банка [см. Charron, Lapuente, 2010; Bratton, Chang, 2006]. В ряде исследований для этого используются индексы «бюрократического качества», рассчитываемые по известной базе данных International Country Risk Guide [International Country Risk Guide, 2007; Back, Hadenius, 2008].

Другие походы к измерению качества управленческих институтов опираются не столько на существующие индексы, сколько на отдельные специально отобранные показатели, используемые как

так называемые «прокси-переменные», т.е. «замещающие» те переменные, значения которых не выявляются непосредственным образом при попытках измерения уровней государственной состоятельности в разных странах. Это, например, *соблюдение прав собственности и деловых контрактов* [Soifer, Hau, 2008], *уровни коррупции, контроль над коррупцией* [Back, Hadenius, 2008], *гарантии прав «физической целостности»* (physical integrity), понимаемой как обеспечение личной безопасности и неприкосновенности и рассчитываемой по отдельным показателям специальной базы данных Cingranelli-Richards Human Rights Data Project (CIRI) [Cingranelli, Richards, 2010], разработанной и поддерживаемой Д. Сингранелли и Д. Ричардсом. В. Попов предлагает еще две «прокси-переменные» для измерения государственной состоятельности – *уровень убийств на 100 тыс. населения* (по данным Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка) и *процент теневой экономики в ВВП*, прежде всего тоже по данным Всемирного банка [Попов, 2011]. Распространенным и в целом удачным индикатором являются также «контрактные деньги» (contract intensive money, CIM), используемые в качестве показателя доверия к финансовым институтам и рассчитываемые по показателям Международного валютного фонда [Fortin, 2010]. Возможным его заменителем является индикатор *доли частных кредитов от ВВП* (это также коррелирует с доверием к финансово-экономическим институтам страны) [Persson, Besley, 2009]. Также в ряде исследований используется индекс *легкости ведения бизнеса*, разработанный и поддерживаемый Всемирным банком [Cardenas, 2010].

Наконец, третий из компонентов государственной состоятельности, *военно-принудительный*, в современных исследованиях куда менее популярен, однако остается теоретически очень значимым. В широком смысле он включает в себя *способность государства и его лидеров принуждать своих граждан к повиновению, эффективность потенциального использования ими силы*. Эта трактовка state capacity, как отмечалось выше, проистекает еще из веберовского определения государства как института, обладающего монополией на легитимное насилие – именно государство, которое может эффективно осуществлять эту основную свою функцию, лежащую в основе собственного определения, будет более состоятельным. Другим источником этой трактовки является выдвинутое

Манном и упомянутое ранее разделение на деспотическую и инфраструктурную власть. Для измерения этого компонента государственной состоятельности в существующих исследованиях используются, прежде всего, показатели, отражающие военную мощь и милитаризацию страны (доля военнослужащих от общей численности населения или рабочей силы, военные расходы на душу населения и как процент от ВВП, степень контроля легальных политических институтов над военными из Institutional Profiles Database [Institutional Profiles Database III, 2009], степень владения монополиями на использование силы на своей территории из Bertelsmann Transformation Index) [Fortin-Rittberger, 2014; Thompson, 2016].

Использование всех этих индикаторов также сопряжено с очевидной проблемой: они не совсем подходят для мирных демократических государств, обеспечивающих верховенство права и статус единственного имеющего право на легитимное насилие на своей территории посредством не военных инструментов. В разных исследованиях, пытающихся операционализировать этот компонент государственной состоятельности, используются также иные прокси-индикаторы, в том числе, к примеру, степень ограничений на власть лидера страны из Polity IV [Marshall, 2016 b; Fortin-Rittberger, 2014] и измерения степени контроля чиновников локального уровня со стороны центральной власти [Edin, 2003].

Итак, в современном аналитическом арсенале существуют весьма различные теоретико-методологические и эмпирические подходы к концептуализации и измерению государственной состоятельности. Очевидно, что какие-либо идеальные варианты здесь вряд ли возможны – особенно с учетом *многомерности* проблемы и ее различных измерений, особенностей и разновидностей аналитического фокуса, неявного характера причинно-следственных зависимостей и др. Тем не менее мы имеем дело с относительно ясно очерченным кругом важных и актуальных исследовательских вопросов, в том числе имеющих прикладной политический характер, оригинальными вариантами исследовательских методологий, а также богатой информационной базой, позволяющей проводить эмпирическую проверку предположений и гипотез.

С теоретико-методологической точки зрения важными различиями в исследовательских ракурсах являются также два основных альтернативных варианта использования государственной состоятельности (прежде всего в эмпирическом анализе) – как *зависимой* и

независимой переменной. В первом случае фокус внимания исследования обращен на выявление эмпирическим путем совокупности разнородных факторов (экономических, социальных, политических и иных), которые потенциально могут оказывать либо реально оказывают влияние на качество государственной состоятельности в разных странах. Среди таких факторов – уровни экономического и социального развития, качество человеческого капитала, режимные характеристики и др. Во втором – сама государственная состоятельность (независимо от ее концептуализации) рассматривается как фактор влияния на различного рода эффекты и последствия. Например, на все те же уровни экономического и социального развития, место и положение того или иного государства в системе мировой политики, конкретные режимные характеристики и др. Наконец, возможен и третий вариант – когда сама по себе государственная состоятельность не выступает ни зависимой, ни независимой переменной, поскольку сама по себе не оказывает влияния на тот или иной процесс, но оказывается тесно связанной с одним из участников этого процесса, уже непосредственно осуществляющим влияние. В этом случае можно говорить о роли государственной состоятельности как инструментальной переменной.

Прежде чем приступить к результатам осуществленного нами опыта эмпирического анализа одного из важных аспектов рассматриваемой проблематики, рассмотрим еще одно лежащее в его основе и крайне важное измерение государственной состоятельности – ее взаимосвязь с другими переменными, используемыми в междисциплинарных исследованиях, а именно проблематикой режимных трансформаций и демократизации. Статус этой взаимосвязи и места государственной состоятельности в ней – на одной из упомянутых выше позиций зависимой, независимой или инструментальной переменной, либо в какой-либо иной роли – представляет собой предмет долгих и обстоятельных дискуссий в политической науке.

Государственная состоятельность и демократизация: Неоднозначность взаимосвязи

Само по себе наличие взаимосвязи государственности, государственной состоятельности и демократии / демократизации не вызывает сомнений – с точки зрения как теоретического, так и эм-

пирического анализа. Рассматривая проблему в более широком контексте связи государственной состоятельности с политическим режимом в стране, в рамках теоретических рассуждений можно прийти к совершенно различным выводам: исследователи выдвигают предположения о линейном росте качества государственного управления (как было выяснено ранее, одного из основных компонентов государственной состоятельности) при движении от менее демократического к более демократическому порядку, о зависимостях по моделям *J-кривой* и *U-кривой*, а также иные варианты, согласно данным большинства исследований, относительно высокие уровни государственной состоятельности способствуют стабилизации авторитарных режимов и препятствуют демократизации. Но они же способствуют выживаемости новых демократий [Kuthy, 2010]. Другой распространенный вывод сводится к тому, что демократизация на начальных стадиях режимных изменений ослабляет государственную состоятельность [Schmitter, Wageman, Obydenkova, 2005; Back, Hadenius, 2008].

Критика государственной состоятельности гибридных режимов переключается с логикой аргументации в моделях «демократуры» и «диктабланды» О’Доннела и Шмиттера [O’Donnell, Schmitter, Whitehead, 1986], рассматривающих их как переходные и неустойчивые, в том числе с точки зрения качества выполнения собственных функций, состояния «мягкой диктатуры» и «жесткой демократии» при переходе от авторитарного к демократическому правлению, и «демократуры» Адизеса, предусматривающей, в целях эффективного управления, демократическое принятие решений и авторитарную их реализацию: в условиях режимов как без устоявшихся демократических, так и без твердых авторитарных политических институтов корректная работа сразу обеих частей механизма эффективного управления оказывается под угрозой [Adizes, 2004]. Необходимо при этом подчеркнуть, что большинство данных исследований не позволяет говорить о сколько-нибудь четком направлении причинно-следственной зависимости, а вместо этого говорит только о тех или иных корреляциях [Fortin, 2011].

В контексте же проблемы каузальности государственная состоятельность в рамках анализа ее связи с процессом демократизации предстает либо в роли независимой переменной, от значения которой зависит успех процесса демократизации, либо в роли инструментальной переменной, связанной с демократическими ин-

ститутами, но развивающейся параллельно с ними в рамках общего процесса реформ государственного устройства. Есть и отдельные модели, в рамках которых государственная состоятельность и демократия оказываются не связаны друг с другом.

За первой из обозначенных вариантов логики стоит хорошо развернутая система аргументации, суть которой может быть выражена в базовом тезисе *Stateness First*, т.е. государственность и государственная состоятельность как предварительные условия для демократизации [Rustow, 1970; Linz, Stepan, 1996; Tilly, 1990]. Из этого следует предположение, что современная демократия и демократизация невозможны без относительно высокого уровня государственной состоятельности [Fukuyama, 2007; Mansfield; Snyder, 2007; Moller, Skaaning, 2011]. В противном случае без качественных институтов демократизация чревата социально-политическим хаосом и экономической деградацией [Полтерович, Попов, 2006].

В целом с учетом имеющихся теоретических аргументов и эмпирических свидетельств, нельзя не согласиться, что демократизация оказывается более эффективной после достижения относительно высокого уровня государственной состоятельности, в том числе в ее «принуждающем» аспекте [D'Arcy, Nistotskaya, 2015]. С этим трудно спорить, но проблема sequencing, тем не менее, заключается в другом – может ли демократизация идти параллельно процессу выстраивания эффективных государственных институтов? Представленная выше аргументация ответа на этот вопрос не дает.

Второй вариант исследовательской логики – государственная состоятельность как инструментальная переменная – связан с важным и альтернативным тезисом: условно о *Democratization Backwards / Building the Ship of State at Sea* (выражение Р. Роуза и Д.Ч. Шина [Rose, Shin, 2001]. Его главный смысл в вопросе о возможности одновременного и взаимно подкрепляющего государственного строительства, укрепления качества управленческих институтов и демократизации, демократических реформ. Эта линия аргументации убедительно представлена в работах [Bratton, Chang, 2006; Carbone, Memoli, 2011/2012 и др.].

В последнее время появился целый ряд теоретических и эмпирических исследований, свидетельствующих в пользу такой возможности. Так, [Mazzuca, Munck, 2014] в своем сравнительном анализе с использованием эмпирического материала показывают,

как демократия и демократизация могут способствовать решению проблем государственного строительства в развивающихся странах. Эта же позиция подтверждается и в других работах [Slater, 2008].

Третий вариант логики, предусматривающий отсутствие какой бы то ни было сильной взаимосвязи между государственной состоятельностью и демократизацией, может быть охарактеризован тезисом *Democratization Without a State* – иными словами, в современном взаимозависимом мире государственность и государственная состоятельность вовсе не обязательны как предпосылка демократии. Строго говоря, это логически и теоретически возможная, но в содержательном отношении совершенно маргинальная позиция [Tansey, 2007]. Как бы то ни было, эта аргументация совершенно не приоритетна в контексте рассматриваемой нами проблематики¹.

Наконец, в отношении рассматриваемой нами проблематики возможна и четвертая линия аргументации – условно говоря, *Stateness Without Democratization*. Здесь центральный аргумент сводится к рассмотрению и обоснованию своего рода «авторитарного равновесия», при котором диктатуре нет никакой нужды в создании, развитии и укреплении тех или иных демократических институтов для развития или поддержания на сравнительно высоком уровне государственной состоятельности, поскольку она добивается этого и с использованием имеющихся в ее распоряжении недемократических политических институтов. Это в контексте нашей проблематики, разумеется, тоже предельная позиция, но важная и вполне представительная [см.: Wintrobe, 1990; Clague, 1996; Weede, 1996; The logic of political survival, 2003; Haber 2006; Gandhi, Przeworski, 2007; Besley, Kudamatsu, 2009; Svolik, 2012; Boix, Svolik, 2013; Roller, 2013; McGuire, 2013; Guriev, Treisman, 2015; Knutsen, Nygård, 2015 и др.].

Далее, в ходе сравнительного анализа на материале основной выборки государств мира за 1992–2011 гг. мы осуществляем эмпирическую проверку существующих гипотез относительно взаимосвязи режимных характеристик и их трансформаций, с одной стороны, и государственной состоятельности – с другой, а наиболее подробно останавливаемся на гипотезе, связанной с проблемой sequencing – а именно предположения, что процессы госу-

¹ Подробнее об этих подходах см.: [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2012].

дарственного строительства, укрепления государственной состоятельности, с одной стороны, и демократизация, формирование демократических институтов и практик – с другой, могут быть взаимодополняющими и идти параллельно друг другу.

Эмпирический анализ и проверка гипотез о взаимосвязи режимных изменений и государственной состоятельности

В основе представленного ниже эмпирического анализа – выборка, включающая 162 государства, в том числе 28 посткоммунистических, 35 азиатских и 18 европейских (за пределами бывшего коммунистического лагеря), 50 африканских, 14 северо- и центральноамериканских, 12 южноамериканских и пять государств Океании. Происходит оценка и сопоставление траекторий режимных трансформаций за 1992–2011 гг. и траекторий достижения тех или иных уровней государственной состоятельности за тот же период¹.

Оценка траекторий режимных трансформаций осуществляется, исходя из усредненного и стандартизированного на промежутках от 0 до 10 индекса демократичности политического режима по соответствующим индикаторам Polity IV [Marshall, 2016 b] и Freedom in the World [Global country status overview, 2015]. Измерение динамики государственной состоятельности осуществляется на основе трех ее рассмотренных выше концептуальных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, рассчитывается, исходя из значений нескольких прокси-переменных.

Первый концептуальный компонент – *фискально-экономический* – измеряется нами с учетом обозначенных выше ограничителей в отношении доступных данных, с использованием показателей ВВП на душу населения (усредненное по базе данных проекта Мэдисона [Bolt, Zanden, 2014] и World Penn Tables [Feenstra, Inklaar, Timmer, 2015]) и индикатора Relative Political Capacity (co-

¹ Пространственный и временной состав выборки обусловлены степенью доступности необходимых для эмпирических расчетов данных, а также представлениями об общей – чрезвычайно противоречивой – динамике процессов демократизации в мире после окончания холодной войны (как в бывшем социалистическом лагере, так и среди недемократических режимов, поддерживавших связи с США и их союзниками) [Levitsky, Way, 2010].

отношение реальной величины различных экономических показателей страны, в том числе налоговых сборов, к ожидаемой исходя из предикторов социально-экономического развития страны) из базы данных Relative Political Capacity Dataset [The performance of nations, 2012], путем умножения показателей друг на друга, логарифмирования получившегося произведения и его z-стандартизации.

Второй концептуальный компонент – *административно-бюрократический* – измеряется нами на основе среднего по доступным для данной страны в данный год предварительно агрегированным и стандартизированным путем использования метода главных компонент или z-преобразования различным показателям качества государственного управления (компоненты Investment Profile, Corruption, Bureaucracy Quality, Socioeconomic Conditions из базы данных International Country Risk Guide [International Country Risk Guide, 2007]; компоненты Government Effectiveness, Regulatory Quality и Control of Corruption из базы данных Worldwide Governance Indicators [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2011]; компонент Physical Integrity Rights из базы данных Cingranelli-Richards [Cingranelli, Richards, 2010], свидетельствующий, в том числе, о степени соблюдения индивидуальных прав и верховенства закона).

Третий концептуальный компонент – *военно-принудительный* – рассчитывается на основе среднего по доступным для данной страны в данный год четырем индикаторам: (1) агрегированные методом главных компонент показатели Government Stability, Internal Conflict, Law and Order из базы данных International Country Risk Guide; (2) агрегированные методом главных компонент показатели Stability and No Violence и Rule of Law из базы данных Worldwide Governance Indicators; (3) стандартизированный z-преобразованием индекс интенсивности внутренних конфликтов из базы данных Major Episodes of Political Violence [Marshall, 2016 a]; (4) стандартизированная z-преобразованием по каждому году логарифмированная величина военных расходов на душу населения из базы данных National Material Capabilities версии 4 [Singer, Bremer, Stuckey, 1972]. Индексы, соответствующие концептуальным компонентам государственной состоятельности, затем агрегируются в единый индекс путем использования метода главных компонент.

Для эмпирического анализа, как уже отмечалось, избран временной промежуток 1992–2011 гг., на который пришлось мно-

жество политических трансформаций во всем мире, причем идущих в разных направлениях. Необходимо также учитывать, что в этот период в целом ряде стран имела место и противоречивая *нелинейная режимная динамика*, в том числе своего рода «взлеты» и «падения», в результате которых переходили из одних кластеров в другие.

Методология дальнейшего анализа базируется на иерархической кластеризации траекторий режимных трансформаций (в одном случае) и трансформаций государственной состоятельности (в другом). Переменными для каждой из реализаций кластерного анализа выступают, соответственно, значения демократии и государственной состоятельности в каждый год на промежутке 1992–2011 гг. В анализе используется метод Варда, минимизирующий необъясненную полученной классификацией информацию, в качестве метрики «расстояния» между странами и их кластерами используется квадрат расстояния Евклида.

В ходе проведенного анализа были выделены несколько основных кластеров по различным основаниям – в соответствии с используемыми индексами демократии – автократии и государственной состоятельности. По критерию режимных траекторий это: (а) демократии в течение всего периода; (б) автократии в течение всего периода; (в) равномерная демократизация от авторитарных режимов до несовершенных демократий в течение всего периода; (г) трансформации гибридных режимов, близких к демократиям; (д) трансформации гибридных режимов, близких к автократиям. По критерию траекторий динамики государственной состоятельности это: (а) стабильно очень высокая состоятельность в течение всего периода; (б) стабильно высокая состоятельность в течение всего периода с тенденцией к росту в конце периода; (в) стабильно низкая состоятельность в течение всего периода с тенденцией небольшого роста в 2000-е; (г) трансформации государств с состоятельностью сильно ниже среднего; (д) трансформации государств со средней состоятельностью; (е) трансформации государств с состоятельностью несколько выше среднего). В свою очередь, последние два из пяти кластеров режимных траекторий и последние три из шести кластеров траекторий развития *state capacity* были подвергнуты углубленному кластерному анализу, выделившему различные конкретизированные варианты трансформаций. Дендрограммы общей кластеризации представлены на рисунке.

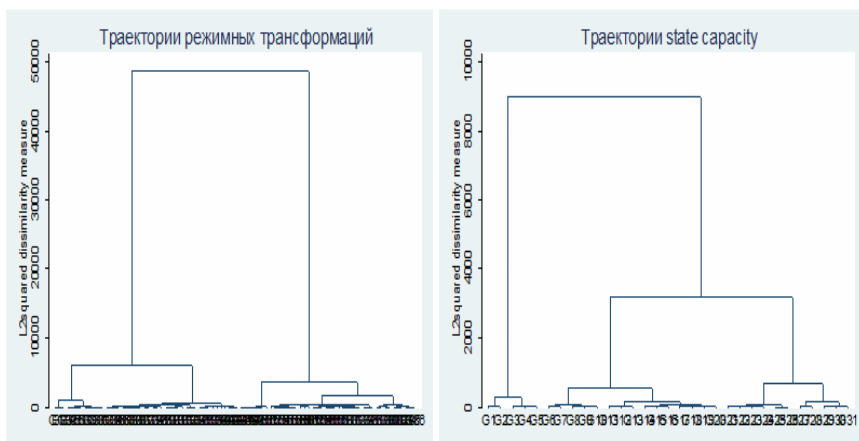

Рис.

Дендрограммы кластеризации данных по трансформациям за 1992–2011 гг. показателей демократичности политического режима (слева) и государственной состоятельности (справа)

После проведения дополнительного анализа по наиболее неоднозначным (и, как следствие, в наибольшей степени интересующим нас) кластерам мы сопоставляем для каждой страны траекторию ее режимных трансформаций и траекторию ее успехов или неудач в сфере достижения и упрочения государственной состоятельности. Перечисление и краткий анализ получившихся в результате таких сопоставлений групп стран со схожими связями траекторий демократизации и государственной состоятельности представлены далее. Следует особо отметить, что государства с противоречивыми траекториями режимных изменений или укрепления либо ослабления состоятельности, а также с траекториями, входящими в противоречие с общим уровнем развития демократических институтов или состоятельности, могут, благодаря разным периодам своей истории в анализируемых временных рамках, входить в разные сочетания групп стран, описанные ниже. Так, например, государство, политический режим которого в ходе исследуемого периода трансформировался в разные периоды как в сторону демократии, так и в сторону авторитаризма, могло испытывать падение уровней государственной состоятельности на про-

тяжении всего рассматриваемого временного отрезка: в этом случае это государство является иллюстрацией как к случаям падения состоятельности при авторитарных режимах, так и к случаям падения состоятельности при демократиях.

В первую очередь, эмпирическое подтверждение находит распространенный в современной литературе аргумент о сильной и *положительной корреляции демократичности режима и состоятельности* государства: такие страны, как США, Канада, Великобритания, Ирландия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Германия, Австрия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Испания, Португалия, Италия, Греция, Кипр, Чили, Тайвань, Республика Корея, Япония, Ботсвана, Маврикий, Словения, Эстония, Венгрия, Чехия, Польша, Латвия, Литва и Словакия одновременно демонстрируют демократический (разной степени) политический режим и высокие уровни государственной состоятельности (тоже разной степени) в течение всего анализируемого периода.

Вместе с тем рассмотрение группы государств с несовершенной демократией (около 7 по стандартизованному от 0 до 10 индексу) заставляет сохранить сомнения в линейности и универсальности этой корреляции. Такие, например, государства, как Гайана, Эквадор, Гондурас, Никарагуа, Бенин, Мадагаскар, Гамбия, Гана и Молдова при всей относительной демократичности режима, но уступающей лидерам соответствующего индекса, *гораздо менее состоятельны* и, что самое важное, не демонстрируют при этом положительной динамики по этому критерию.

Вопрос, напрямую вытекающий из анализа и постулирования любой корреляции – кроется ли за этой корреляцией та или иная причинно-следственная связь? В поисках возможных и хотя бы частичных ответов на этот наиболее интригующий в контексте рассмотрения взаимосвязей государственной состоятельности и политического режима вопрос мы далее рассматриваем другие сочетания исследуемых траекторий. В частности, тезис о том, что формирование демократических институтов и укрепление государственной состоятельности могут *положительно развиваться параллельно друг другу*, подтверждается на траекториях развития таких государств из совершенно различных регионов мира, как Доминиканская Республика, Сальвадор, Панама, Тринидад и Тобаго, Коста-Рика, Боливия, Уругвай, Ямайка, Бразилия, Перу, Намибия,

Джибути, Алжир, Нигер, Коморские острова, Мозамбик, Малави, Мали, Замбия, Кабо-Верде, Ботсвана, Маврикий, ЮАР, Лесото, Сенегал, Гвинея-Бисау, Ливан, Бутан, Таиланд, Фиджи, Словакия, Югославия (Сербия и Черногория), Босния и Герцеговина, Польша, Латвия, Литва, Монголия. Все они осуществляли как переход к более демократическим формам политического режима, так и одновременно повышение уровня своей состоятельности.

Примеров государств, в которых демократические преобразования (впрочем, очень разной степени успешности) происходили *без укрепления государственной состоятельности или даже при ее снижении*, также достаточно много – среди них Аргентина, Венесуэла, Буркина-Фасо, Танзания, Либерия, Сьерра-Леоне, Бурунди, Кения, Нигерия, Индонезия, Индия, Непал, Бангладеш, Филиппины, Израиль, Болгария, Румыния, Россия в первой половине 1990-х годов, Армения. Поскольку за исключением Аргентины, Болгарии, Румынии, Израиля (а также частично России, Армении и Венесуэлы) изначальный уровень государственной состоятельности в этих странах был достаточно низок, можно сделать предварительный вывод о том, что пример этих стран не подтверждает распространенный в исследовательской литературе тезис о более-менее высокой государственной состоятельности как обязательном предварительном условии для демократии (того или иного уровня) и / или демократизации.

Далее, полученные эмпирические данные показывают, что авторитарные режимы в большинстве своем обладают *более низкой государственной состоятельностью*, нежели демократические, и во-вторых, в большинстве случаев при отсутствии более-менее демократических институтов положительной динамики государственной состоятельности ожидать тоже не приходится. Такие «эталонные» недемократические режимы в исследуемый период, как, например, Куба, Судан, Сомали, Эфиопия, Чад, Мавритания, Гамбия, Египет, Иран, Ирак, Афганистан, Мьянма, КНДР и Таджикистан, отличаются низкими уровнями государственной состоятельности, хотя и в разной степени (у Египта, Кубы, Ирана и Мавритании они несколько выше).

Есть, однако, и примеры своего рода «аномалий»: так, Марокко, Иордания, Тунис и Габон при недемократичности своих политических режимов достигают уровней государственной состоятельности несколько выше среднего по этой группе. Более того,

несколько стран – Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн и Сингапур – при авторитарности политических режимов обладают относительно высокими уровнями государственной состоятельности. Эти примеры, как и примеры стран с несовершенной демократией, не достигших и сколько-нибудь высоких уровней государственной состоятельности, заставляют вновь усомниться в линейном характере исследуемой корреляции характеристик политического режима государства и его состоятельности.

Динамика государственной состоятельности в авторитарных или авторитаризирующихся странах представляет собой примечательную картину. В части соответствующих государств она, действительно, *отрицательная* – так происходило или происходит, к примеру, в Свазиленде, Кот-д’Ивуаре, Центрально-Африканской Республике, Ливии, Сирии, Лаосе, Йемене, Бангладеш, Саудовской Аравии, Бахрейне, Пакистане, Таиланде, Узбекистане, Туркменистане, Кыргызстане. Однако в других государствах, почти столь же многочисленных, наблюдается прямо противоположная тенденция – *относительный рост государственной состоятельности* при недемократичном или авторитаризирующемся режиме. В этой логике происходило развитие, например, Уганды, Руанды, Анголы, Экваториальной Гвинеи, Республики Конго, Камбоджи, Китая, Вьетнама и Азербайджана.

Выявляется также и отдельная группа государств – те, в которых режимные изменения в авторитарном направлении (хотя и разной степени) не сопровождались ни в момент их «старта», ни впоследствии, значимыми изменениями уровней государственной состоятельности. К таким государствам относятся Россия в 2000-е годы., Армения, Венесуэла, Гамбия. Нахождение подобного глубокого различия в исходах трансформаций близких друг к другу в изначальных ситуациях государств заставляет обратиться к поиску причин, его обусловивших, и искать их, в том числе, в акторно ориентированных, а не структурных факторах развития государств и политических режимов. Подробный ответ на данный вопрос – предмет других, более специализированных будущих исследований.

При более детальном изучении гибридных (в разных пониманиях) режимов в контексте рассматриваемой нами проблематики анализ позволяет выделить две группы – гибридные режимы с *положительной* динамикой состоятельности (в их числе Гватемала,

Колумбия, Папуа – Новая Гвинея, Турция, Албания, Грузия) и режимы с динамикой состоятельности *отрицательной* (в их числе Мексика, Парагвай, Малайзия, Шри-Ланка, Украина). Как и в предыдущем случае, на данном уровне анализа можно только предположить влияние более глубинных, в том числе акторно ориентированных факторов на процессы демократизации и государственного строительства в этих странах, после чего оставить это в качестве предмета для дальнейшего изучения.

В дальнейших исследованиях стоит сосредоточиться и на том выявленном нами эмпирически обстоятельстве, что *режимная нестабильность*, как ни парадоксально, *слабо связана с уровнями государственной состоятельности*. Государства, характеристики политического режима в которых серьезно менялись за исследуемый период, по крайней мере, несколько раз, разделяются на две группы по динамике своей состоятельности: положительной (Соломоновы острова, Камерун) и отрицательной (Гаити, Зимбабве). Таким образом, говорить об обусловленности динамики государственной состоятельности режимной стабильностью (как можно было бы предположить, опираясь на примеры наиболее состоятельных – и «успешных» – демократий и автократий) также не приходится.

Проведенный эмпирический анализ позволяет в общем и целом подтвердить аргумент о возможности параллельных процессов демократизации и повышения государственной состоятельности. Удастся это, впрочем, далеко не всегда, о чем свидетельствует достаточно большое число государств, осуществивших демократизацию без повышения государственной состоятельности. Последний факт свидетельствует против распространенной в современной литературе точки зрения о примате государственности и государственной состоятельности, необходимых для движения к демократии. Подвергаются большим сомнениям также и соображения о том, что недемократические или неустойчивые режимы не могут добиваться повышения уровней государственной состоятельности – обилие примеров, как подтверждающих, так и опровергающих данные тезисы, заставляет отложить их и обратить внимание в дальнейших исследованиях на иные факторы, обуславливающие успех или неуспех действий недемократических, неустойчивых и гибридных режимов по повышению государственной состоятельности.

Заклучение и перспективы дальнейших исследований

Проблематика государственной состоятельности остается сегодня в центре интенсивных политологических дискуссий. Различные варианты эмпирических индикаторов, предлагаемых для ее измерения и сравнительной межстрановой оценки, обусловлены существующими различиями в подходах к концептуализации этого многомерного феномена. В соответствии с конкретным исследовательским дизайном государственная состоятельность может выступать в качестве как зависимой, так и независимой и инструментальной переменной. Предлагаемые в современных сравнительных исследованиях эмпирические индикаторы (в том числе используемые «прокси-переменные») государственной состоятельности отражают три ее основных концептуальных компонента – фискально-экономический, административно-бюрократический и военно-принудительный – или, иными словами, имеющиеся у государства ресурсы, с одной стороны, и институты, используемые для осуществления государственной политики в различных общественных сферах – с другой.

Проведенный нами эмпирический анализ подтверждает зафиксированную в литературе общую позитивную корреляцию между характеристиками политического режима и уровнями государственной состоятельности. Вместе с тем мы показываем, что эта корреляция не является линейной, здесь есть существенные «аномалии», которые должны стать предметом дальнейшего углубленного исследования.

Нынешнее состояние исследований не позволяет, к нашему сожалению, установить сколько-нибудь четкие направления каузальной зависимости между компонентами и измерениями государственной состоятельности и связанными с ней эффектами в социально-экономической и политической областях. В частности, это относится к крайне важному и актуальному вопросу о взаимосвязи государственной состоятельности и режимных изменений, в том числе наиболее оптимальной (с точки зрения достижения желаемых идеальных результатов) последовательности процессов государственного строительства и демократизации. Вместе с тем имеющиеся эмпирические данные, в том числе представленные выше, свидетельствуют в пользу *возможности синхронизации* этих процессов как наиболее оптимального варианта их сочетания,

не исключającego, впрочем, и другие. Также можно довольно уверенно говорить о возможностях продвижения к демократии без сильной государственной состоятельности и повышения состоятельности государств с недемократическими политическими режимами.

В перспективных исследованиях представляется важной дальнейшая концентрация аналитических усилий на углубленной концептуализации государственной состоятельности и ее компонентов, а также вытекающих из этого эмпирических индикаторов. В разрезе эмпирических сравнений перспективными направлениями могли бы стать расширение анализируемых временных рядов, глубинное изучение различных стратегий повышения уровня государственной состоятельности в разных странах и режимах, в том числе в схожих условиях, а также исследование эффектов не только самой государственной состоятельности как единого концепта, но и ее компонентов.

Список литературы

- Ильин М.В. Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 4. – С. 10–28.
- Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 4. – С. 83–105.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 8–30.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 125–142.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Adizes I. The ideal executive: Why you cannot be one and what to do about it: A new paradigm for management. – Santa Barbara, CA, 2004. – Mode of access: http://www.adizes.com/wp-content/uploads/The_Ideal_Executive_Sample_CH.pdf (Дата посещения: 25.07.2016).

- Bäck H., Hadenius A. Democracy and state capacity: Exploring a J-shaped relationship // Governance. – L., 2008. – Vol. 21, N 1. – P. 1–24.
- Berman S. The Vain hope for «correct» timing // Journal of Democracy. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 14–17.
- Besley T.J., Kudamatsu M. Making Autocracy Work // Institutions and economic performance / E. Helpman (ed.). – Harvard: Harvard univ. press, 2009. – P. 452–510.
- Besley T., Persson T. State capacity, conflict, and development // Econometrica. – N.Y., 2010. – Vol. 78, N 1. – P. 1–34.
- Besley T., Persson T. The origins of state capacity: Property rights, taxation, and politics // The American economic review. – Pittsburgh, 2009. – Vol. 99, N 4. – P. 1218–1244.
- Boix C., Svolik M.W. The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships // The Journal of Politics. – Chicago, 2013. – Vol. 75, N 2. – P. 300–316.
- Bolt J., Zanden J.L. The Maddison project: Collaborative research on historical national accounts // The Economic history review. – Glasgow, 2014. – Vol. 67, N 3. – P. 627–651.
- Bratton M., Chang E.C. C. State building and democratization in sub-saharan Africa forwards, backwards, or together? // Comparative political studies. – Thousand Oaks, 2006. – Vol. 39, N 9. – P. 1059–1083.
- Carbone G., Memoli V. Does democratization foster state consolidation? A panel analysis of the ‘Backward Hypothesis’: Unpublished paper – 2012. – Mode of access: http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf (Дата посещения: 08.08.2016.)
- Cárdenas M. State capacity in Latin America // Economía. – Washington, 2010. – Vol. 10, N 2. – P. 1–45.
- Charron N., Lapuente V. Does democracy produce quality of government? // European journal of political research. – Hoboken, 2010. – Vol. 49, N 4. – P. 443–470.
- Cingranelli D.L., Richards D.L. The Cingranelli and Richards (CIRI) human rights data project // Human rights quarterly. – Baltimore, 2010. – Vol. 32, N 2. – P. 401–424.
- Clague C. Property and contract rights in autocracies and democracies // Journal of economic growth. – Berlin, 1996. – Vol. 1, N 2. – P. 243–276.
- D’Arcy M., Nistotskaya M. State first, then democracy: Using cadastral records to explain governmental performance in public goods provision. – Gothenburg, 2015. – Vol. 2015, N 11. – 30 p. (QoG Working Paper Series.)
- Data // The quality of government institute. – 2015. – Mode of access: <http://qog.pol.gu.se/data> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Edin M. State capacity and local agent control in china: CCP cadre management from a township perspective // The China Quarterly. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – Vol. 173. – P. 35–52.
- Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the state back in. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – 404 p.
- Feenstra R.C., Inklaar R., Timmer M.P. The next generation of the penn world table // The American economic review. – Pittsburgh, 2015. – Vol. 105, N 10. – P. 3150–3182.
- Fjelde H., De Soysa I. Coercion, co-optation, or cooperation? State capacity and the risk of civil war, 1961–2004 // Conflict management and peace science. – Thousand Oaks, 2009. – Vol. 26, N 1. – P. 5–25.

- Fortin J.* A tool to evaluate state capacity in post-communist countries, 1989–2006 // *European journal of political research*. – Hoboken, 2010. – Vol. 49, N 5. – P. 654–686.
- Fortin J.* Is there a necessary condition for democracy? The role of state capacity in postcommunist countries // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, 2012. – Vol. 45, N 7. – P. 903–930.
- Fortin-Rittberger J.* Exploring the relationship between infrastructural and coercive state capacity // *Democratization*. – L.: Taylor & Francis, 2014. – Vol. 21, N 7. – P. 1244–1264.
- Global country status overview, FIW 1973–2015 // Freedom House. – 2015. – Mode of access: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Global_Country_Status_Overview_1973-2015.pdf (Дата посещения: 07.08.2016.)
- Frye T.* Building states and markets after communism: the perils of polarized democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 314 p.
- Fukuyama F.* Liberalism versus state-building // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 10–13.
- Fukuyama F.* State-building: Governance and world order in the 21 st century. – Ithaka: Cornell univ. press, 2004 a. – 160 p.
- Fukuyama F.* The imperative of state-building // *Journal of Democracy*. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2004 b. – Vol. 15, N 2. – P. 17–31.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gehlbach S.* Representation through taxation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 216 p.
- Gennaioli N., Voth H.J.* State capacity and military conflict // *The Review of economic studies*. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – Vol. 82, N 4. – P. 1409–1448.
- Gurieva S., Treisman D.* How modern dictators survive: an informational theory of the new authoritarianism. – Cambridge: National bureau of economic research, 2015. – N 21136. – 46 p. – (NBER Working Paper).
- Haber S.* Authoritarian government // *The Oxford handbook of political economy* / B. Weingast, D. Wittman (eds.). – Oxford, 2006. – P. 693–707.
- Halperin M.H., Siegle J.T., Weinstein M.M.* Why democracies excel // *Foreign Affairs*. – N.Y., 2004. – Vol. 83, N 5. – P. 57–71.
- Hanson J.K.* Democracy and state capacity: complements or substitutes? // *Studies in comparative international development*. – Berlin, 2015. – Vol. 50, N 3. – P. 304–330.
- Hanson J.K., Sigman R.* Leviathan's latent dimensions: measuring state capacity for comparative political research // *APSA 2013 Annual meeting paper*. – 2013. – Mode of access: http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Hendrix C.S.* Measuring state capacity: theoretical and empirical implications for the study of civil conflict // *Journal of peace research*. – Thousand Oaks, 2010. – Vol. 47, N 3. – P. 273–285.
- Huntington S.P.* Political order in changing societies. – New Haven: Yale univ. press, 1968. – 512 p.

- Institutional Profiles Database III // Presentation of the Institutional Profiles Database.– 2009. – Mode of access: <http://www.cepii.fr/institutions/EN/ipd.asp> (Дата посещения: 04.08.2016.)
- International Country Risk Guide Researchers Dataset // The PRS Group.–2007. – Mode of access: <https://www.prsgroup.com/about-us/our-two-methodologies/icrg> (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* The Worldwide Governance Indicators: methodology and analytical issues // Hague journal on the rule of law. – Hague, 2011. – Vol. 3, N 2. – P. 220–246.
- Kjær M., Hansen O.H., Thomsen J.P.F.* Conceptualizing state capacity // Democracy, the state and administrative reforms, DEMSTAR report. – Nicosia, 2002. – Mode of access: <http://documents.mx/documents/conceptualizingstatecapacity-hensen-e-thomsen.html> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Knutsen C.H., Nygård H.M.* Institutional characteristics and regime survival: Why are semi-democracies less durable than autocracies and democracies? // American journal of political science. – Hoboken, 2015. – Vol. 59, N 3. – P. 656–670.
- Kuthy D.* The effect of state capacity on the survival of new democratic regimes // APSA 2010 Annual Meeting Paper. – 2010. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1643525 (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 536 p.
- Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 1996. – 504 p.
- MacLaren M.* «Sequentialism» or «gradualism»? On the transition to democracy and the rule of law /WP 38. National Center of Competence in Research: Challenges to Democracy in the 21 st Century. – Bern: Swiss national science foundation, 2009. – Mode of access: <http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/wp38.pdf> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Mann M.* The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // European journal of sociology. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1984. – Vol. 25, N 02. – P. 185–213.
- Mansfield E.D., Snyder J.L.* The sequencing «fallacy» // Journal of democracy. – Baltimore, 2007. – Vol. 18, N 3. – P. 5–10.
- Marshall M.G.* Polity IV project, political regime characteristics and transitions, 1800–2015 / Center for systemic peace. – 2016 b. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2015.xls> (Дата посещения: 05.08.2016.)
- Marshall M.G.* Major episodes of political violence (MEPV) and conflict regions, 1946–2015. – 2016 a. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/MEPVcodebook2015.pdf> (Дата посещения: 06.08.2016.)
- Mazzuca S.L., Munck G.L.* State or democracy first? Alternative perspectives on the state-democracy nexus // Democratization. – L., 2014. – Vol. 21, N 7. – P. 1221–1243.
- McGuire J.W.* Political regime and social performance // Contemporary Politics. – L., 2013. – Vol. 19, N 1. – P. 55–75.

- Melville A., Stukal D., Mironyuk M. Trajectories of regime transformation and types of stateness in post-communist countries // Perspectives on European politics and society. – L.: Taylor & Francis, 2013. – Vol. 14, N 4. – P. 431–459.
- Migdal J.S. Strong societies and weak states: state-society relations and state capabilities in the Third World. – Princeton: Princeton univ. press, 1988. – 320 p.
- Møller J., Skaaning S.E. Stateness first? // Democratization. – L., 2011. – Vol. 18, N 1. – P. 1–24.
- Nettl J.P. The state as a conceptual variable // World politics. – Cambridge, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.
- O'Donnell G., Schmitter P.C., Whitehead L. Transitions from authoritarian rule: comparative perspectives. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 208 p.
- Olson M. Dictatorship, democracy, and development // American political science review. – Cambridge, 1993. – Vol. 87, N 3. – P. 567–576.
- Ottervik M. Conceptualizing and measuring state capacity. – Gothenburg, 2013. – Vol. 2013, N 20. – 39 p. – (QoG Working Paper Series).
- Political atlas of the modern world / A. Melville (ed.). – Hoboken: John Wiley & Sons, 2010. – 256 p.
- Roberts C., Sherlock T. Bringing the russian state back in: explanations of the derailed transition to market democracy // Comparative politics. – N.Y., 1999. – P. 477–498.
- Roller E. Comparing the performance of autocracies: issues in measuring types of autocratic regimes and performance // Contemporary politics. – L.: Taylor & Francis, 2013. – Vol. 19, N 1. – P. 35–54.
- Rose R., Shin D. Democratization backwards: the problem of third-wave democracies // British journal of political science. – Cambridge, 2001. – Vol. 31, N 2. – P. 331–354.
- Rotberg R.I. The challenge of weak, failing, and collapsed states // Leashing the dogs of war. – Washington, DC: United States Institute for Peace, 2007. – P. 83–94.
- Rustow D.A. Transitions to democracy: toward a dynamic model // Comparative politics. – N.Y., 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.
- Scheuerman W.E. Postnational democracies without postnational states? Some skeptical reflections // Ethics & Global politics. – Stockholm, 2009. – Vol. 2, N 1. – P. 41–63.
- Schmitter P., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and state capacity // Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública. – Santiago, Chile, 2005. – Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/clad/clad0052201.pdf> (Дата посещения: 05.08.2016.)
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965 // Peace, war, and numbers / B. Russett (ed.). – Thousand Oaks, 1972. – 352 p.
- Slater D. Can Leviathan be democratic? Competitive elections, robust mass politics, and state infrastructural power // Studies in comparative international development (SCID). – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 252–272.
- Soifer H. State infrastructural power: approaches to conceptualization and measurement // Studies in comparative international development (SCID). – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 231–251.

- Soifer H., Vom Hau M.* Unpacking the strength of the state: the utility of state infrastructural power // *Studies in comparative international development (SCID)*. – Berlin, 2008. – Vol. 43, N 3–4. – P. 219–230.
- Spruyt H.* The sovereign state and its competitors: An analysis of systems change. – Princeton: Princeton univ. press, 1996. – 304 p.
- Svolik M.W.* The politics of authoritarian rule. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 258 p.
- Tansey O.* Democratization without a state: democratic regime-building in Kosovo // *Democratization*. – L., 2007. – Vol. 14, N 1. – P. 129–150.
- The logic of political survival / B. Bueno de Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J. Morrow. – Cambridge; L.: Cambridge univ. press, 2003. – 550 p.
- The performance of nations / J. Kugler, R.L. Tammen (eds). – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2012. – 348 p.
- Thies C.G.* Of rulers, rebels, and revenue: state capacity, civil war onset, and primary commodities // *Journal of peace research*. – Thousand Oaks, 2010. – Vol. 47, N 3. – P. 321–332.
- Thompson W.R., Ganguly S.* Ascending India and its state capacity. – New Haven: Yale univ. press, 2016. – 352 p.
- Tilly Ch.* Coercion, capital, and European states, AD 990–1990. – Cambridge: Basil Blackwell, 1990. – 288 p.
- Tilly Ch.* Democracy. – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 248 p.
- Tilly Ch., Ardant G.* The formation of national states in Western Europe. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – 711 p.
- Transformation index BTI 2016 // Bertelsmann Stiftung. – Mode of access: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/unsere-projekte/transformationsindex-bti/> (Дата посещения: 25.07.2016.)
- Weede E.* Political regime type and variation in economic growth rates // *Constitutional political economy*. – Dordrecht, 1996. – Vol. 7, N 3. – P. 167–176.
- Wintrobe R.* The tinpot and the totalitarian: an economic theory of dictatorship // *American political science review*. – Cambridge, 1990. – Vol. 84, N 3. – P. 849–872.

Е.А. ЮРЕСКУЛ*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ¹

Аннотация. В статье представлен анализ современных подходов к исследованию эффективности государственной власти, особое внимание уделяется двум ключевым: организационному, направленному на исследования микроуровня, и институциональному, ориентированному на межстрановые сравнения. Автор указывает на возможность синтеза данных подходов с помощью метода оболочечного анализа (Data Envelopment Analysis). Автором проводится эмпирическое исследование региональных систем здравоохранения в России и Канаде, иллюстрирующее преимущества оболочечного анализа при изучении эффективности государства.

Ключевые слова: эффективность государства; оболочечный анализ; Data Envelopment Analysis; эффективность общественного сектора; эффективность здравоохранения.

Е.А. Yureskul

State effectiveness: New approaches

Abstract. The article deals with contemporary approaches to state effectiveness research. The author compares the advantages and drawbacks of two key approaches prevailing in the field: the organizational approach, dealing with micro-level research; and

* **Юрескул Егор Анатольевич**, магистр, преподаватель департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: eyureskul@hse.ru;

Egor Yureskul, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: eyureskul@hse.ru.

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Фундаментальные факторы устойчивости общественно-государственных систем к неоптимальному функционированию политических институтов и ошибочным политическим решениям», реализуемой Лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов.

the institutional approach, aimed at state-level comparative research. There is a way to combine the advantages of these approaches when using Data Envelopment Analysis. The author conducts an empirical research into Russian and Canadian public health care systems to illustrate the advantages of using DEA when analyzing state effectiveness.

Keywords: state effectiveness; state efficiency; Data Envelopment Analysis; public sector efficiency; public health sector efficiency.

Перед государством, как и перед любой организацией или системой организаций, всегда стоят определенные задачи. Научные представления об этих задачах как для государства в целом, так и для отдельных его частей, менялись в разные исторические периоды (например, спасение индивидов от «войны всех против всех» у Т. Гоббса, предоставление услуг в обмен на ресурсы в модели «оседлого бандита» М. Олсона или построение эффективной организационной структуры, подотчетной населению, в рамках доктрины New Public Management), однако сам факт наличия задач никогда не ставился под сомнение ни учеными, ни управленцами.

При этом еще со времен Античности показано, что различные государства в разной степени успешны в выполнении стоящих перед ними задач: на разных уровнях государственной власти это может относиться как к вопросу существования государства в целом или эффективности управления, так и к качеству предоставления общественных благ.

На современном этапе взаимодействия государства и общества критерии успешности выполнения задач приобретают особую важность: процесс демократизации правящих режимов выводит на первый план механизмы подотчетности властных структур населению; полноценное развитие авторитарных и гибридных режимов опирается на каналы обратной связи между обществом и государственными организациями. Необходимость получения оперативной информации о работе государственных институтов и организаций приводит к потребности в объективном понимании эффективности власти и выработке эмпирических методик измерения. Таким образом, изучение эффективности государства имеет важное прикладное значение: объективная оценка деятельности властных организаций обеспечивает работу механизмов обратной связи в политической системе, что, в свою очередь, помогает принимать верные управленческие решения и корректировать долгосрочный политический курс.

Тема эффективности власти в той или иной степени релевантна для исследований большинства направлений современной политической науки. С одной стороны, высокий спрос на исследования в данной предметной области обусловлен фундаментальными трудностями в концептуализации понятия «эффективная власть»: ученые до сих пор не могут дать однозначного определения данному явлению [Rostein, Teorell, 2008]. С другой стороны, эффективность власти представляется одной из ключевых характеристик политических систем, требующих измерения: к примеру, сравнительные исследования политических режимов неизбежно учитывают данную характеристику в качестве объяснительной или контрольной переменной.

Дополнительные трудности в данном предметном поле создает терминологическое разнообразие, присущее зарубежным исследованиям эффективности. В литературе встречаются термины «effectiveness», «efficacy», «efficiency», «quality», «performance», часто употребляемые синонимично и переводимые в отечественной науке одним словом – «эффективность». Термины «effectiveness» и «efficacy» по смыслу относятся скорее к способности организации достичь поставленных целей (или результативности) и более применимы в рамках институционального направления исследований эффективности, о котором пойдет речь ниже. В свою очередь, термины «efficiency» и «performance» скорее предполагают экономическое понимание эффективности как соотношения затрат и результата. В отдельных случаях исследователи используют термины «effectiveness» и «efficacy» в контексте экономического понимания эффективности, однако такие работы являются скорее исключением из общего правила. Далее в тексте будет предложен анализ существующих подходов к пониманию и измерению эффективности власти; будет показано, что в рамках одного концептуального подхода возможно совмещение методик измерения, опирающихся на результативность («effectiveness», «политическое» понимание термина) и на соотношение затрат и результата («efficiency», «экономическое» понимание термина). Также будут продемонстрированы преимущества экономического понимания эффективности с точки зрения эмпирического анализа.

Попытки концептуализации понятий «эффективность власти» или «эффективность управления» неизбежно сталкиваются с необходимостью охватить широкий круг проблем, для которых

применим термин «эффективность». Иллюстрацией может служить следующее определение: «Эффективное управление – многогранное понятие. Не существует единой меры для оценки эффективности управления. Очевидно, данное понятие предполагает способность претворять в жизнь политические решения как в ответ на социальные проблемы, так и в соответствии с предпочтениями демократического большинства. Эффективное управление также включает в себя способность выполнять рутинные функции, как то: бюджетирование, управление собственностью, распределение обязанностей между исполнительной, законодательной и судебной властью. [...] Наконец, эффективное управление включает в себя вопросы устойчивости политической системы: теряют или приобретают государственные институты власть относительно друг друга, поддерживается ли система сдержек и противовесов?» [Lee, 2015]. Содержательно данное определение отражает два исторически сложившихся подхода к пониманию эффективной власти.

Первое восходит к достижениям теории организаций и относится в большей степени к сфере Public Administration. В рамках данного направления рассматривается качество работы государственных организаций и систем организаций на среднем и микроуровнях, а само направление получило название «организационного подхода» (organization-related approach) [Brewer, Hupe, 2007]. Эффективность в данном случае может рассматриваться как характеристика процесса целедостижения [Waheed, 2011], а в фокусе рассмотрения находятся бюджетные организации, их сотрудники и системы связей между ними. Представители данного подхода заинтересованы, в первую очередь, в эмпирических исследованиях, и стремятся ответить на вопросы «как должна быть устроена эффективная государственная организация?» и «как повысить производительность такой организации?» Содержательное наполнение понятия «эффективность» для представителей данного подхода неразрывно связано с измерением результатов деятельности государства и его организаций, а эффективность такой деятельности понимается в экономическом смысле: как соотношение затрат и результата. При этом наблюдается значительная вариативность количественных мер эффективности [Boyne, 2003]: это может быть как количество произведенных организацией благ (output [Carter, 1991]), так и их качество; оптимальное соотношение произведенного блага за единицу затраченных ресурсов (value for money или

efficiency [Kelly, 1980]); социальные последствия деятельности организации (outcomes [Lusthaus, 2002]); наличие стимулов для повышения производительности сотрудников [Waheed, 2011]. В конечном счете понимание эффективности управления определяется поставленным исследовательским вопросом. Методами измерения эффективности в рамках данного подхода служат кейс-стади [Rauch, Evans, 2000], опросы сотрудников бюджетных организаций [Heaton, 1977] и построение сложных эконометрических индексов на основе дезагрегированных данных о количестве и стоимости произведенного организацией продукта. Примером подобной меры эффективности может служить индекс QPR (quality productivity ratio), вычисляющий долю качественно оказанных услуг с поправкой на потерю стоимости в результате некачественно оказанных услуг [Kelly, 1980].

В рамках данного подхода, как правило, разрабатываются внутригосударственные методики оценки эффективности органов власти, служащие основой для принятия политических, бюджетных или кадровых решений. Хотя подобные методики, как правило, успешно выполняют поставленные перед ними задачи, область их применения вряд ли можно назвать универсальной: опора на глубокое понимание организационных практик внутри конкретной государственной системы делает невозможным распространение как понимания, так и средств оценки эффективности на другие государства.

Второй подход, в большей мере находящийся в предметном поле политической науки, ориентируется на институциональную составляющую эффективной власти (policy-related approach) [Brewer, Hure, 2007]. Если представители организационного подхода отвечали на вопрос «как организации наилучшим образом достичь поставленной цели?», то данное направление фокусируется на том, какие цели необходимо ставить перед организацией, а также какими средствами возможно их достижение. Сам процесс имплементации политического курса, связанный как раз с организационной эффективностью, остается за рамками данного подхода, поэтому единицами анализа становятся системы предоставления общественных благ, а особое внимание уделяется формальным и неформальным политическим институтам, обеспечивающим работу таких систем.

Основываясь на представлениях об эффективном управлении в рамках теории New public management [The state in a changing world, 1997], предполагающей построение эффективной государственной организации, подотчетной населению и использующей достижения теории управления [Hood, 2001], исследования в рамках данного подхода фокусируются на различиях в конечных результатах работы государства [Dahlberg, Holmberg, 2014]. Поводом для исследований остается нерешенный на фундаментальном уровне вопрос: как объяснить вариацию в успешности властных структур как среди стран мира, так и в рамках одного государства? Несмотря на теоретически-познавательный характер такого вопроса, он сопряжен и с практическим измерением: какие факторы ведут к тому, что одни страны управляются успешно, а другие нет?

Ключевым термином, служащим концептуальной основой для понимания эффективности власти, на протяжении уже более 15 лет является «good governance». Сам термин «governance» в контексте «корпоративного управления» активно применялся в американских деловых кругах и юридической практике в XX в., однако в начале 1990-х годов стал использоваться политологами для сознательного противопоставления традиционному понятию «government». При этом исследователи отмечают, что данный термин активно применялся учеными для обозначения целого ряда процессов, относящихся к управлению государством и обществом [Fukuyama, 2016]. В свою очередь, понятие «good governance» в политической науке было впервые предложено теоретиками Всемирного банка [Governance and development, 1992] и восходит к целям, провозглашенным в Декларации тысячелетия ООН:

«Мы привержены тому, чтобы превратить право на развитие в реальность для всех и избавить весь род человеческий от нужды. В этой связи мы твердо намерены создать, как на национальном, так и на глобальном уровне, условия, благоприятствующие развитию и ликвидации нищеты. Успех в достижении этих целей зависит, в частности, от обеспечения **благого управления (good governance)** в каждой стране» [Декларация тысячелетия... 2000].

Переход к повсеместному использованию понятия «good governance» в противовес традиционному «government» стал следствием изменения роли государства в глазах ученых: если до 1990-х годов государства воспринимались скорее как помеха ус-

тойчивому экономическому росту, то после неоднозначных результатов либерализации экономики в странах бывшего советского блока ученым пришлось обратить внимание на иные аспекты успешного экономического развития, напрямую связанные с государственным участием. Теоретической основой для нового видения роли государства стали труды Д. Норта о роли эффективных государственных институтов в достижении устойчивого экономического роста [North, 1990].

Популярность понятия «good governance» в научных кругах также во многом обусловлена практическими соображениями: усиление роли международной финансовой помощи в 1990-е годы потребовало от ученых выработки прикладных инструментов измерения эффективности власти, способных доказать возможность или невозможность устойчивого развития политических и экономических систем в странах, претендующих на такую помощь [Iftimoaei, 2014].

Стремление современных ученых опираться на термин «good governance» во многом предопределило и содержание большинства научных работ в данной области: для современных исследователей значение эффективной власти заключается в ее связи с экономическим и социальным развитием. Долгое время необходимым условием успешного развития государства считалось наличие демократической формы правления или развитых демократических институтов [Diarra, Plane, 2014].

Как отмечает Ф. Фукуяма [Fukuyama, 2016], до сих пор остаются нерешенными многие теоретические вопросы, связанные с понятием «good governance»: относится ли оценка «хороший» к качеству целеполагания или эффективному выполнению уже поставленных целей; в частности, включает ли «качественное управление» демократическую подотчетность, защиту индивидуальных свобод; возможна ли эффективная власть в авторитарном государстве. В научной литературе наблюдается значительное расхождение мнений по данным проблемам [Grindle, 2007]. К примеру, если исходные труды Д. Норта касались в первую очередь проблем формальных институтов (таких, как права собственности), то в последующих работах ученый использовал в определении «good governance» наличие демократических механизмов доступа к власти [Weingast, Wallis, North, 2009]. Традиции Д. Норта поддержали Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, предложившие учитывать в каче-

стве меры качества управления институты демократического участия и наличие в обществе политического плюрализма [Acemoglu, Robinson, 2012]. Ученые Института качества управления в Гётеборге отмечают комплексный характер связи между демократическими институтами и социально-экономическим развитием, и, как следствие, оживленные дискуссии на эту тему в научной среде, вызванные, в первую очередь, безуспешными попытками раз и навсегда концептуализировать понятие «good governance» [Rothstein, Holmberg, Nasiritousi, 2009].

Проблемы концептуализации понятия «good governance» нашли отражение и в неоднозначности результатов эмпирических исследований. Как правило, исследования в рамках данного подхода опираются на данные Всемирного банка – экспертные оценки эффективности управления Worldwide Governance Indicators [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2006], призванные измерять наличие или отсутствие good governance в государствах, а типичными исследовательскими вопросами являются «какие политические институты ведут к возникновению good governance?» или «как связаны показатели WGI с экономическими, политическими или социальными переменными на макроуровне?». При этом до сих пор так и не удалось выявить институциональной структуры, напрямую обеспечивающей эффективное управление [Hooghe, Marks, 2009]; одинаковые с формальной точки зрения политические системы демонстрируют принципиально разный уровень результативности (и как следствие – разные траектории социально-экономического развития) [Fishman, 2016]. Так, возникновение в конце XX в. большого числа формально демократических стран привело к распространению термина «глобальное расхождение демократий» («global divergence of democracies» [Diamond, Plattner, 2001]), обозначающего фактические различия между характеристиками политических систем «новых демократий» и традиционно демократических государств. Кроме того, существуют эмпирические доказательства первоочередного влияния на развитие государств не демократических институтов, а качества оказания услуг бюрократическим аппаратом [Rothstein, Holmberg, 2011], или, в более широком смысле – качества бюрократических процедур [Dahlberg, Holmberg, 2014]. Кроме того, поскольку различные операциональные переменные измеряют разные стороны многоаспектного понятия эффективности власти, результаты сравнительных

эмпирических исследований зачастую противоречат друг другу: так, в одних работах высокое качество управления в государстве приводит к росту имущественного неравенства [Lopez, 2004], а в других – наоборот [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme, 1998].

Подводя небольшой итог сказанному выше, необходимо отметить следующее. Исследования в области эффективности власти второй половины – конца XX в. осуществлялись в рамках теории управления (организационный подход) и были сконцентрированы на микро- и среднем уровне. Несмотря на значительный дескриптивный потенциал организационного подхода, его использование сопряжено с рядом теоретических и прикладных проблем, таких, как отсутствие единых измерений эффективности, высокие требования к данным, невозможность обобщения полученных результатов на большинство организаций.

С конца XX в. широкое распространение получили институциональные исследования, направленные на поиск взаимосвязей между макропеременными, так или иначе связанными с эффективностью и понятием «good governance», и характеристиками политических систем. При этом отсутствие концептуального понимания эффективной власти зачастую ставит под сомнение результаты таких исследований [Kurtz, Schrank, 2007].

Перспективным направлением представляется выработка комплексного подхода к исследованию эффективности, сочетающего в себе сильные стороны organization-related и policy-related подходов.

Во-первых, попытки говорить об «эффективной власти вообще» обречены либо остаться теоретическими рассуждениями, не верифицируемыми с помощью методов политической науки; либо привести к ошибкам операционализации и измерению величин, косвенно связанных с эффективностью, но не являющихся ею. Благодаря многомерности структуры и задач политических систем невозможно говорить об эффективной власти вообще: учет всех возможных факторов, влияющих на эффективность (к примеру, эффективность целеполагания, эффективность целедостижения, выполнение политических обязательств, качество управленческой структуры, личные качества управленцев), вряд ли возможен даже в рамках кейс-стади, изучающих отдельное государство, не говоря уже о полноценном научном исследовании каузальных связей эффективности власти с различными факторами. Поэтому наиболее

разумным представляется изучение эффективности отдельных ветвей власти или отдельных совокупностей властных организаций: такой подход позволит не только выдвигать гипотезы о взаимосвязях политических показателей, но и обобщать результаты их проверки на все политические системы.

Во-вторых, ключевой характеристикой такого подхода должна стать опора на четкое концептуальное определение эффективности, свободное от нормативных установок. Само слово «эффективность», будучи по своему происхождению понятием экономической науки, накладывает на исследователя определенные концептуальные рамки. Рассуждения об эффективности будут неизбежно связаны с производительностью, т.е. способностью изучаемого объекта достигать результата, как правило – при минимальных ресурсных затратах. В свою очередь, подобная логика диктует необходимость рассматривать эффективность как относительную меру: с экономической точки зрения нельзя ставить вопрос «эффективна ли данная организация?», но можно задаваться вопросом, «какая из организаций эффективнее?», поскольку эффективность «не имеет единиц измерения; смысл данного понятия появляется при сравнении государств друг с другом или одного государства в разные моменты времени» [Inklaar, Timmer, 2013].

Поскольку речь идет о соотношении затрат и результата, понятие «эффективность» относится, в первую очередь, к исполнительной власти. Действительно, именно исполнительная власть позволяет говорить об эффективности в терминах затрат и результата: хотя возможно измерение результативности работы законодательной и судебной власти (например, в виде анализа характеристик правовой системы и ее способности разрешать возникающие в обществе конфликты), в данном случае сама результативность данных организаций будет иметь нормативный характер, опираясь на изначально идеологизированный процесс политического целеполагания.

В-третьих, представляется необходимым отказ от прескриптивного подхода к пониманию эффективности [Diağa, Plane, 2014]: в силу большого разнообразия социально-экономических, культурных и исторических условий развития государств невозможно применять подход к концептуализации эффективности, основанный на нормативных ценностях, а значит, процедура целепо-

лагания должна остаться вне фокуса исследований эффективной власти.

Учитывая вышесказанное, исследования эффективности власти, на взгляд автора, должны ориентироваться, в первую очередь, на дескриптивный сравнительный анализ политических систем, опирающийся на понимание эффективности в экономическом смысле. При этом важной особенностью таких исследований должно быть сочетание макро- и среднего уровней анализа: объяснение вариации в эффективности государств должно опираться не только на агрегированные данные макроуровня, но и на более глубокое понимание политических и экономических процессов внутри государственных организаций.

Последнее соображение отражает растущий в настоящее время тренд в научной литературе, посвященной эффективности. Несмотря на сотни работ, публикуемых в духе институционального макроподхода [Diarra, Plane, 2014] и основанных на статистическом анализе связей между макропоказателями эффективности, экономического роста и характеристиками политических режимов [Adsera, Boix, Payne, 2003; Quinn, Woolley, 2001], некоторые авторы стремятся перейти к более формализованным моделям политического процесса [Ахременко, 2014]. Такие исследования, как правило, используют достижения системной динамики и математического моделирования для анализа развития политической и экономической системы государства во времени [Ахременко, Локшин, Юрескул, 2015].

Другим перспективным направлением, отражающим современные требования к исследованиям эффективности, стал оболочечный анализ (Data Envelopment Analysis). Хотя данный метод был изначально создан для сравнительного анализа производительности частных фирм [Battese, Rao, O'Donnell, 2004], исследования эффективности государственных организаций, основанные на DEA, в последние годы получили широкое распространение [Hammond, 2002; Balaguer-Coll, Prior, Tortosa-Ausina, 2012; Afonso, Aubyn, 2005]. Приведем краткое описание метода и его основных преимуществ перед классическими эконометрическими и статистическими подходами (подробные описания метода и механизма расчета эффективности не раз приводились как в зарубежной [Coelli, 2005], так и в отечественной литературе [Ахременко, Юрескул, 2013]).

В рамках оболочечного анализа государственная организация рассматривается как «черный ящик», превращающий общественные ресурсы в социально значимый результат. К примеру, «входом» модели может считаться уровень затрат на здравоохранение, «выходом» – средняя ожидаемая продолжительность жизни [Kervasdoué, 2008] или обеспеченность населения государства врачами и медсестрами.

При этом от исследователя не требуется спецификации производственных функций: рассматривается только соотношение величины затраченных ресурсов и полученного результата, однако специфика вычислительного процесса позволяет использовать «сырые» данные без указания стоимости единицы производимого продукта [Charnes, Cooper, Rhodes, 1978] (в отличие от других эконометрических методик).

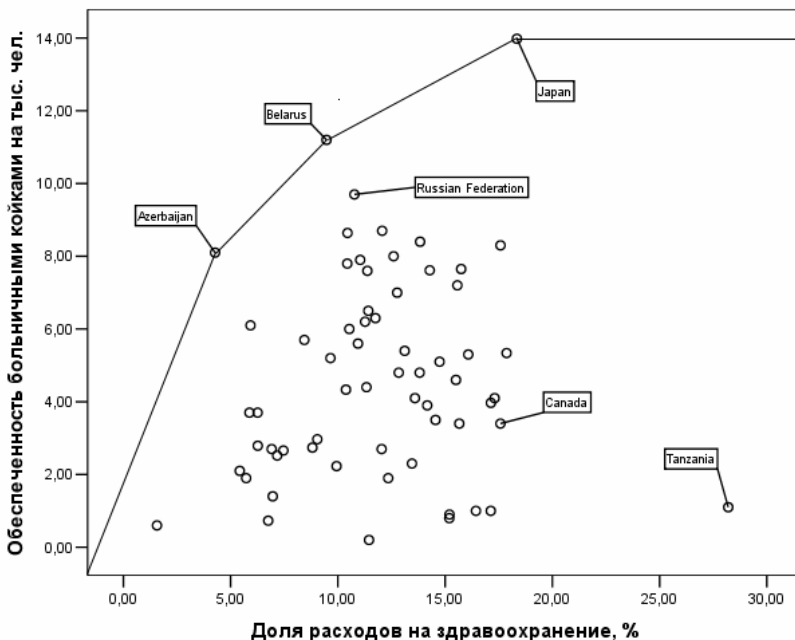

Рис. 1.
Двухмерная модель эффективности здравоохранения
и граница производственных возможностей

На рис. 1 представлен пример построения модели оболочечного анализа для некоторых стран мира. Полученные в результате оболочечного анализа оценки эффективности имеют четкий концептуальный смысл: они показывают, насколько оптимально рассматриваемые организации превращают ресурсы в конечный продукт. Объекты с наиболее оптимальным соотношением затрат и результата становятся эталонными, и вокруг них формируется так называемая «граница производственных возможностей»: линия максимальной эффективности. Объекты (в данном случае – государства), находящиеся на границе (в данной выборке – Азербайджан, Беларусь и Япония), получают оценку эффективности «1», объекты ниже границы получают оценку эффективности от «0» до «1» в зависимости от расстояния до границы. К примеру, Канада на рис. 1 демонстрирует эффективность, равную 0,24 (т.е. при текущей доле расходов возможно увеличение результата на 76%), а Россия – 0,83.

Следует отметить, что метод не ограничен двумя переменными: возможно включение любого числа входных и выходных показателей. Действительно, вряд ли можно говорить об «эффективности государства в области здравоохранения» на основе одной только доли расходов бюджета и числа больничных коек: несмотря на то что материальное обеспечение сферы здравоохранения является важным аспектом эффективности, данный показатель является «техническим» выходом процесса предоставления общественных благ (и отражает техническую эффективность, *output-efficiency*), тогда как социальную значимость имеет скорее конечный результат этого процесса (результативность, *outcome-efficiency*) [Carter, 1991].

Аналогичный расчет эффективности методом оболочечного анализа с использованием доли расходов бюджета в качестве входной переменной и ожидаемой продолжительности жизни в качестве выходной переменной дает другие результаты: эффективность России равна 0,82, Канады – 0,98.

Важно отметить, что метод позволяет использовать данные среднего уровня для получения более детализированной информации именно о конечных, социально значимых результатах работы государственных организаций: агрегированные данные на уровне государства отражают только усредненный результат по стране, что может вносить искажения в представления об эффективности.

Кроме того, приведенные выше расхождения между *output-efficiency* и *outcome-efficiency* могут быть проиллюстрированы многостадийным анализом: оценивается эффективность на разных этапах предоставления общественных благ. К примеру, на первом этапе оценивается эффективность превращения расходов бюджета в материальное обеспечение, на втором – эффективность превращения материальной базы в здоровье населения. Применение многостадийного анализа позволяет частично «раскрыть» производственную функцию и выявить сильные и слабые стороны работы государственной организации [Simar, Wilson, 2007].

В качестве иллюстрации приведем сравнительный анализ эффективности здравоохранения в регионах России и провинциях Канады. Как отмечалось выше, при сравнении «технической» эффективности относительно стран мира показатель России выше, чем показатель Канады, а при сравнении результативности – наоборот. Однако так ли это на региональном уровне?

Рассмотрим следующую концептуальную модель. На первом этапе работы системы здравоохранения входом является доля расходов регионального бюджета на здравоохранение, выходами – обеспеченность населения врачами и медсестрами, а также число больничных коек на душу населения. Результатом оценки данного этапа станет «техническая» эффективность. Данный этап концептуально соответствует институциональному направлению в исследованиях эффективности: наличие работающих правил распределения бюджетных средств приведет к оптимальному их расходованию при осуществлении закупок. Оценка ниже «1» будет означать наличие потенциала для более эффективного обеспечения больниц медицинским персоналом и оборудованием (т.е. возможности обеспечить больше при том же уровне расходов). На втором этапе имеющиеся ресурсы (медицинский персонал и оборудование) становятся входами модели, и определяется их влияние на достижение социально значимого результата (в данном случае – здоровья населения). Второй этап концептуально соответствует организационному подходу к исследованиям эффективности: успешная работа организаций (мотивация и уровень подготовки сотрудников, наличие материальной базы и т.д.) определяет в конечном счете уровень здоровья населения региона.

Для исследования выбраны данные по 82 регионам России и 10 канадским провинциям за 2006 и 2009 гг. Выбор временных

рамок обусловлен стремлением показать динамику эффективности бюджетного здравоохранения на двух этапах и в разных социально-экономических условиях, а также доступностью статистических данных в региональном разрезе.

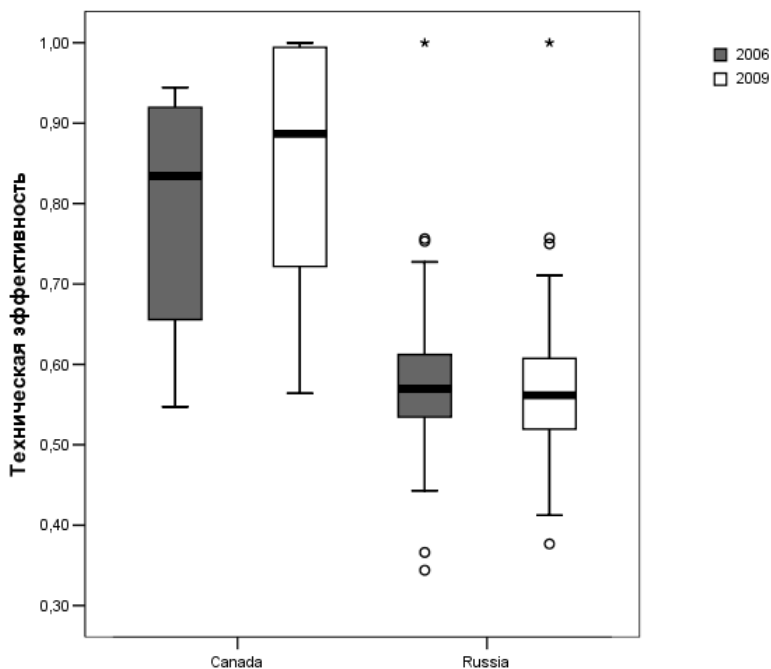

Рис. 2.

Показатели средней технической эффективности здравоохранения регионов и провинций в России и Канаде

Из рис. 2 видно, что канадские показатели технической эффективности в среднем выше российских, однако в обеих странах наблюдается значительная вариация между регионами. Примечательно, что показатели Канады в 2009 г. возросли по сравнению с 2006: это связано с сокращением расходов в условиях последствий мирового экономического кризиса.

На рис. 3 приведены результаты расчетов результативности. Как видно из рисунка, результативность здравоохранения в Канаде значительно выше результативности российского. Кроме того, для

России наблюдается большая вариация показателей, что говорит об отсутствии единой политики в области организационной эффективности между регионами России. При этом в среднем по стране наблюдается положительная динамика в области результативности здравоохранения.

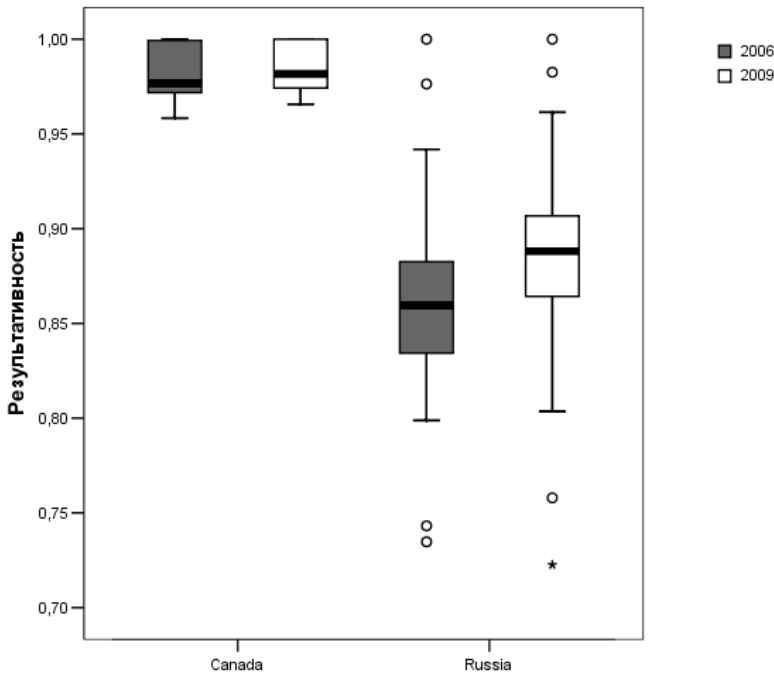

Рис. 3.

Показатели средней результативности здравоохранения регионов и провинций в России и Канаде

В целом из результатов DEA-анализа эффективности органов государственной власти можно сделать следующие выводы. Даже в рамках одного государства и одного вида общественных благ наблюдается значительная вариация в эффективности. При этом анализ эффективности на страновом уровне не позволяет учесть этой вариации, тогда как микроуровень анализа, в свою очередь, зачастую игнорирует институциональный контекст рабо-

ты организации и относится скорее к сфере Public Administration, чем к политической науке.

В настоящее время активно развиваются методы, сочетающие в себе институциональный и организационный подходы и позволяющие одновременно учесть внутристрановую вариацию в эффективности власти как на уровне политического курса, так и на уровне его реализации. К таким методам относятся системно-динамическое моделирование и оболочечный анализ (Data Envelopment Analysis).

Список литературы

- Ахременко А.С.* Эффективность государственных инвестиций в публичный капитал: От модели к оценке // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 6. – С. 9–31.
- Ахременко А.С., Локишин И.М., Юрескул Е.А.* Экономический рост и выбор политического курса в авторитарных режимах: «недостающее звено» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 2015. – Т. 3, № 78. – С. 50–74.
- Ахременко А.С., Юрескул Е.А.* Эффективность государственного управления: Политологический и экономический подходы // Общественные науки и современность. – М., 2013. – № 1. – С. 77–88.
- Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // The United Nations [Сайт]. – Mode of access: http://www.un.org/en/events/pastevents/millennium_summit.shtml (Дата посещения: 16.08.2016.)
- Юрескул Е.А.* Влияние институциональных характеристик политической системы на эффективность государственной власти // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – М., 2013. – № 3. – С. 228–249.
- Acemoglu D., Robinson J.* Why nations fail: The Origins of power, prosperity, and poverty. – N.Y.: Crown Bus, 2012. – 546 p.
- Adsera A., Boix C., Payne M.* Are you being served? Political Accountability and quality of government // The journal of law, economics and organization. – Oxford, 2003. – Vol. 19, N 2. – P. 445–490.
- Afonso A., Aubyn M.* Non-parametric Approaches to education and health efficiency in OECD countries // Journal of applied economics. – Buenos-Aires, 2005. – Vol. 8 (2). – P. 227–246.
- Balaguer-Coll M.T., Prior D., Tortosa-Ausina E.* Output complexity, environmental conditions, and the efficiency of municipalities // Journal of productivity analysis. – Berlin, 2012. – Vol. 39, N 3. – P. 303–324.
- Battese G.E., Rao D., O'Donnell C.J.* A Metafrontier Production function for estimation of technical efficiencies and technology gaps for firms operating under different technologies // Journal of productivity analysis. – Berlin, 2004. – Vol. 21, N 1. – P. 91–103.

- Boyne G.A. What is public service improvement? // *Public Administration*. – Oxford, 2003. – T. 81, N 2. – C. 211–227.
- Brewer G.A., Hupe P.L. Working both sides of the street: Bringing together policy and organizational perspectives on public service performance: Working paper Prepared for delivery at the 9 th Public Management Research Conference, Tucson, Arizona (USA), 25–27 October 2007. – 2007. – 27 p.
- Carter N. Learning to measure performance: The use of indicators in organizations // *Public Administration*. – Oxford, 1991. – T. 69, N 1. – C. 85–101.
- Charnes A., Cooper W.W., Rhodes E. Measuring the efficiency of decision making units // *European journal of operational research*. – Amsterdam, 1978. – N 2. – P. 429–444.
- Coelli T. An introduction to efficiency and productivity analysis. – N.Y.: Springer, 2005. – 349 p.
- Dahlberg S., Holmberg S. Democracy and bureaucracy: How their quality matters for popular satisfaction // *West European politics*. – L., 2014. – Vol. 37, N 3. – P. 515–537.
- Diamond L., Plattner M.F. The global divergence of democracies. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2001. – 416 p.
- Diarra G., Plane P. Assessing the World Bank's Influence on the good governance paradigm // *Oxford development studies*. – Oxford, 2014. – T. 42, N 4. – C. 473–487.
- Fishman R. Rethinking dimensions of democracy for empirical analysis: Authenticity, quality, depth, and consolidation // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2016. – Vol. 19. – P. 289–309.
- Fukuyama F. Governance: What do we know, and how do we know it? // *Annual review political science*. – Palo Alto, 2016. – Vol. 19, N 6. – P. 1–17.
- Grindle M.S. Good enough governance revisited // *Development policy review*. – L., 2007. – T. 25, N 5. – C. 553–574.
- Gupta S., Davoodi H.R., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty?: International monetary fund. Working Paper. – Washington: IMF, 1998. – N 98/76. – 41 p.
- Hammond C.J. Efficiency in the provision of public services: A data envelopment analysis of UK public library systems // *Applied economics*. – Buenos-Aires, 2002. – Vol. 34, N 5. – P. 649–657.
- Heaton H. Productivity in service organizations. – N.Y.: McGraw Hill, 1977. – 233 p.
- Holmberg S., Rothstein B., Nasiritousi N. Quality of government: What you get // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2009. – Vol. 12. – P. 135–161.
- Hood C. New public management // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences* / N. Smelser, B. Baltes (eds). – Amsterdam: Elsevier, 2001. – Vol. 12. – P. 12553–12556.
- Hooghe L., Marks G. Does efficiency shape the territorial structure of government? // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2009. – Vol. 12. – P. 225–241.
- Ifrimoaei C. Toward a sociological approach of good governance // *Scientific annals of the 'Al. I. Cuza' University, Iasi. Sociology & Social Work*. – Iasi, 2015. – Vol. 8, Issue 1. – P. 101–119.
- Inklaar R., Timmer M. Capital, labor and TFP in PWT8.0. – Groningen: Univ. of Groningen, 2013. – 38 p.

- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Measuring governance using perceptions data: International handbook on the economics of corruption / S. Rose-Ackerman (ed.). – Northampton, MA: Edward Elgar, 2006. – 615 p.
- Kelly R.M.* Ideology, effectiveness, and public sector productivity: With illustrations from the field of higher education // *Journal of social issues*. – Hoboken, NJ, 1980. – Vol. 36, N 4. – P. 76–95.
- Kervasdoué J.* Rating and evaluating health systems: The value of the life expectancy approach // *International public management journal*. – L.: Taylor & Francis, 2008. – Vol. 11, N 3. – P. 329–343.
- Kurtz M.J., Schrank A.* Growth and governance: A defense // *Journal of politics*. – Chicago, 2007. – N 69. – P. 563–569.
- Lee F.E.* How party polarization affects governance // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2015. – T. 18. – P. 261–282.
- Lopez J.H.* Pro-growth, pro-poor: Is there a tradeoff?: World Bank policy research working paper. – Washington, DC, 2010. – N 3378. – 29 p.
- Organizational assessment: A framework for improving performance* / C. Lusthaus, M.H. Adrien, G. Anderson, F. Carden, G.P. Montalvan. – Ottawa: International development research center, 2002. – 139 p.
- North D.C., Weingast B.R., Wallis J.* Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – 346 p.
- North D.C.* Institutions, institutional change, and economic performance. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1990. – 159 p.
- Quinn D.P., Woolley J.T.* Democracy and national economic performance: The preference for stability // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2001. – Vol. 45, N 3. – P. 634–657.
- Rauch J., Evans P.* Bureaucratic structure and bureaucratic performance in less developed countries // *Journal of public economics*. – Amsterdam, 2000. – Vol. 75 (1). – P. 49–71.
- Rothstein B., Holmberg S.* The quality of government: Corruption, Social trust, and inequality in international perspective. – Chicago: Univ. Chicago press, 2011. – 304 p.
- Rothstein B., Teorell J.* What is quality of government? A theory of impartial government institutions // *Governance*. – San Diego, 2008. – C. 165–190.
- Theories of the Policy Process* / P. Sabatier (ed.). – 2 nd edition. – Boulder, CO: Westview Press, 2007. – 352 p.
- Simar L., Wilson P.* Estimation and inference in two-stage, semi-parametric models of production processes // *Journal of econometrics*. – Amsterdam, 2007. – N 136. – P. 31–64.
- Waheed A., Mansor N., Ismail N.* Delivering better government: Assessing the effectiveness of public sector organizations // *Asia-Pacific social science review*. – 2011. – N 11 (1). – P. 61–78.
- Governance and development* / World Bank. – Washington, DC: World Bank, 1992. – 69 p.
- The state in a changing world* / World Bank. – Oxford: Oxford univ. press, 1997. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980> (Дата посещения: 16.08.2016.)

К.О. ТЕЛИН, А.В. ПОЛОСИН*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЗАРУБЕЖНОЙ МЫСЛИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация. Современные реалии внешней и внутренней политики ряда государств актуализируют проблему исследования кризисных явлений. В статье авторы уделяют особое внимание накопленному в западной политической мысли опыту исследования кризиса, предлагая рассматривать его через несколько наиболее важных измерений. Дополнительно выделяются «проблемные поля», которыми может быть обусловлен собственно политический кризис, и те параметры кризисной динамики, которые порой выпадают из исследовательского внимания как в зарубежных, так и в отечественных работах.

Ключевые слова: кризис; стабильность; конфликт; внутренняя политика; политические институты.

K.O. Telin, A.V. Polosin

International debate on political crisis: Conceptualization the term

Abstract. Contemporary circumstances of international relations and domestic policy of a large number of states seriously actualize problems of scientific studies of the crisis. In current article, author pays particular attention to the accumulated experience of Western political thought and reflection study of the crisis, offering to consider the last few of the most important measurements. Additionally allocated «problem

* **Телин Кирилл Олегович**, кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: kirill.telin@gmail.com; **Полосин Андрей Владимирович**, доктор политических наук, заведующий лабораторией исследований кризисов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: info@polit.msu.ru;

Telin Kirill, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: kirill.telin@gmail.com; **Polosin Andrei**, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: info@polit.msu.ru.

field», which may be due to the actual political crisis, and the parameters of the dynamics of crisis, which sometimes fall out of the research attention both in foreign and in domestic work.

Keywords: crisis; stability; conflict; domestic policy; political institutes.

Со степенью внимания отечественных авторов к проблематике политического кризиса может соперничать, пожалуй, лишь степень неопределенности исходного понятия (которую, впрочем, отмечают и западные авторы [Voin, 2004]). В постсоветские годы категория «политического кризиса», как и «кризиса» вообще, стала, по всей видимости, одной из «жертв» ухудшающейся экономической динамики и наблюдаемой деградации социально-экономических условий: несмотря на то что обращение к ее терминологии регулярно происходило как в научной литературе, так и в популярной публицистике, разница в интерпретациях была и остается поразительной. Так, **О.В. Петренко** предполагает, что *«категория “кризис” отражает тот момент развития социальной системы, когда появляется возможность ее скачка в новое качество, а такая возможность – результат достижения противоречиями системы определенной степени зрелости и остроты»* [Петренко, 2009, с. 42]; **С.В. Коваленко** и **Л.К. Ермолаева** трактуют кризис как *«сбой функционирования системы с позитивным или негативным исходом»* [Ермолаева, Коваленко, 2012, с. 194]; **А.Н. Сулимин** полагает, что кризис есть *«сознательное или несознательное нарушение политического порядка акторами политической системы»* [Сулимин, 2013, с. 188]; **Т.Ю. Сидорина** в работе, озаглавленной «Философия кризиса», попросту не дает научного определения ключевого понятия, ограничиваясь предложенной **Н.И. Лапиным** [Лапин, 1992, с. 10] формулировкой *«нарушение прежнего равновесия»* [Сидорина, 2003: 18]. Широко используется синергетическая методология, акцентирующая внимания на кризисе «вообще» и определяющая политический кризис через привычные категории «хаоса» и «аттракторов» [Венгеров, 1993]. Не меньшей популярностью пользуется и позиция, предполагающая рассмотрение политических кризисов лишь в их конкретной (национальной, территориальной и иной) специфике, т.е. без обращения к терминам абстрактного «политического кризиса» [Binder, La Palombara, 1971].

Конечно, следуя методологическому рецепту **У. Гэлли** [Gallie, 1956], можно было бы объявить «кризис» сущностно оспаривае-

мым понятием (essentially contested concept), однако нам представляется, что подобное решение лишь усугубило бы существующие проблемы прикладных кризисных явлений и обозначение их границ. Меж тем актуальность и востребованность такого рода разработок не требует дополнительных комментариев: и в России, и в других государствах политический процесс регулярно сталкивается с волнениями, нерешенными проблемами, всплесками насилия и ослаблением имеющихся статусных ролей и идентификаций.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в отечественных исследованиях нередки и важные исследования, выдвигающие конструктивные замечания в отношении кризиса – к таковым можно отнести труды **Р.М. Ключника** [Ключник, 2013], **А.А. Дегтярева** [Дегтярев, 1998], **А.П. Зиновьева**, **С.А. Морозова**, **Е.В. Морозовой** [Зиновьев, Морозов, Морозова, 2003], **О.В. Rogozяна** [Рогозян, 2006], а также недавние исследования семинара «Фундаментальные проблемы политологии» и журнала «ПОЛИС» [Господин Кризис... 2009; Политический атлас – 2... 2009].

Концептуализация кризиса

Странным и почти необъяснимым обстоятельством, препятствующим четкому и непротиворечивому использованию понятия «политический кризис» в современной отечественной политологии, является отсутствие системного внимания к зарубежным работам, которые за давностью лет и уровнем цитирования могут, вероятно, считаться классическими. К таковым мы можем отнести Стэнфордский проект, занимавшийся исследованиями причинности политического развития и представленный в работе **Г. Алмонда**, **Р. Мундта** и **С. Флэнагана** [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], школу исторического институционализма с ее исследованиями «зависимости от пути» (path dependence) и ее «критических развилок» (critical junctures) [Collier, Collier, 1991; Pierson, 2000], а также фундаментальные труды **Р. Козеллека** [Koselleck, 1988; 2002]. Кроме того, значительный вклад в научное исследование политических кризисов внесли работы **Э. Циммермана** [Zimmermann, 1983], **К. Даудинга** и **Р. Кимбера** [Dowding, Kimber, 1983], **У. Розенталя** и его соавторов **М. Чарльза**, **П. т'Харта**, **А. Бойна** [Rosenthal, Charles, t'Hart, 1989; Rosenthal,

Boin, Comfort, 2001]. Характерно, что среди отечественных исследователей, в противовес этим фундаментальным исследованиям, широкой популярностью по-прежнему пользуется упоминание иероглифического написания «кризиса» в китайской культуре, якобы одновременно означающего и «опасность», и «возможность» (на самом деле, это крайне распространенное заблуждение¹). Бесспорно, нельзя утверждать, что тема политического и социального кризиса не разрабатывалась в русской философии, однако существующий сегодня пробел во взаимодействии отечественной политической науки с западными разработками в данном направлении, очевидно, нуждается в исправлении.

Перечисленная теоретическая база для исследования политического кризиса позволяет анализировать происходящие в государстве процессы не с точки зрения эмоциональных реакций или интуитивных догадок, а с позиций достаточно сложной и развитой научной методологии. Так, стэнфордская модель предлагает рассматривать кризис с точки зрения сразу четырех методологических подходов – структурного функционализма, теории социальной мобилизации, теории лидерства и теории рационального выбора [Окунев, 2009]. Р. Козеллек, подчеркивая историчность кризиса и его оценочно-прогностическое значение, указывает на связь одной из трактовок этого понятия с отсутствием легитимного политического и социального строя [Koselleck, 1988, p. 161–163]. Институционалисты, тщательно рассматривающие возможности так называемой «зависимости от пути» (path dependence), указывают, что кризис можно связывать с «критическими развилками» на этом самом пути – периодами «значимых изменений», когда возрастает неопределенность и количество угроз, связанных с вероятной динамикой политического развития [Collier, Collier, 1991, p. 29–31].

В целом приведенные выше зарубежные авторы формулируют относительно непротиворечивую совокупность позиций, разъясняющих природу и возникновение политического кризиса как такового. Вместе с тем из этой совокупности нас интересуют наиболее характерные прикладные суждения, которые мы и постараемся привести ниже.

¹ См. пояснения в: [Суть слов... б. г.] и [Mair, 2009].

Во-первых, У. Розенталь и его соавторы разделяют взгляды К. Даудинга и Р. Кимбера на интерпретацию кризиса как *«серьезной угрозы базовым структурам или фундаментальным ценностям и нормам системы, которая в условиях ограничения времени и непредвиденных обстоятельств вызывает потребность в экстренных решениях»* [Rosenthal, Charles, t'Hart, 1989, p. 10] или как ситуации, *«оспаривающей ключевые элементы идентичности системы и лишаящей ее способности адекватно реагировать на угрозы ее существованию из-за распада институтов или неуправляемой и скоротечной трансформации структурных связей»* [Телин, Полосин, 2016, с. 98]. В условиях такой трактовки очевидно, что кризис неправомерно отождествлять с конфликтом, социальной напряженностью или «нарушением порядка» внутри политической системы. Кроме того, становится очевидным, что управляемые и последовательные изменения, даже масштабного и стратегического характера, не могут называться кризисом, хотя могут быть связаны с конфликтом ожиданий и социальными (адаптационными) шоками; в случае, если система, при прочих равных, обеспечивает воспроизводство легитимных властных структур и преемственность своего курса (даже реформаторского), разговоры о кризисе не представляются оправданными.

Фактически в представлении названных авторов, как и в работах С. Вербы [Verba, 1971] или «стэнфордцев» [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], выход из кризиса – или превентивное уклонение от него – даже подразумевает необходимость инноваций и изменений; эта позиция противостоит широко распространенному мнению о том, что кризису должна противостоять некая неизменная и едва ли не статичная «стабильность»¹. В случае, если структурной или институциональной трансформации политической системы, направленной на развитие и адаптацию к изменениям «окружающей среды»², не происходит в управляемой форме, система действительно сталкивается с кризисом, поскольку оказыва-

¹ Важно отметить, что исследование категории «стабильности» в политической науке также заслуживает отдельного внимания – и совершенно точно несправедливо отождествлять «стабильность» как научное понятие с использованием «стабильности» в речах политических лидеров.

² В данном случае под «окружающей средой» понимаются условия внешнего относительно конкретной политической системы мира – транс- и межнациональные экономические отношения, реалии существующего миропорядка и так далее.

ется не в состоянии справляться с вызовами и поддерживать сложившиеся социальные связи, статусные позиции и роли. Уже упомянутая стэнфордская модель кризиса, хорошо описанная **И.Ю. Окуновым**, подразумевает, что «для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости» [Окунев, 2009, с. 140], и в этом поддержании она обязана отвечать на внешние и внутренние требования в сбалансированном, синхронизированном режиме. В случае если система перестает отвечать выдвигаемым требованиям и не выполняет свои адаптивные функции, она переходит в кризисное состояние.

Это приводит нас ко второму замечанию: одной из важнейших характеристик политического кризиса является всплеск политически мотивированного насилия, которое, с одной стороны, используется государственными институтами для сохранения status quo любыми доступными способами, а с другой – представляет собой следствие размыwania государственной же монополии на насилие – оппозиция может использовать крайние средства для делегитимации и запугивания властей. Этому уделяют особое внимание **Л. Морлино** [Morlino, 1979] и **Э. Циммерман** [Zimmermann, 1983]. **Ч. Джонсон** [Johnson, 1964] также полагает, что зачинающийся кризис неразрывно связан с внешним или внутренним давлением на политическую систему, которое чаще всего выражается в эскалации насилия и выходе последнего из привычных границ государственного контроля; **Р. Йонг-а-Пин**, проведя исследование 98 государств за период 1998–2003 гг., подчеркивает неразрывную связь политически мотивированного насилия и кризисной нестабильности государства [Jong-a-Pin, 2006]. В свою очередь, некоторые отечественные авторы также справедливо отмечают, что наблюдаемый сегодня кризис международных отношений может выражаться в «максимуме массового насилия в мятежах, их подавлении, попытках сепаратизма, гражданских и внешних войнах» [Господин Кризис... 2009, с. 16].

Без сомнения, связь кризиса с насильственными действиями прослеживается едва ли не интуитивно, и тем не менее при исследовании кризиса важно не ограничиваться тем его измерением, которое упомянутый **Р. Йонг-а-Пин** характеризует как «агрессию». «Несмотря на то что исследования фокусируются на вопросах политического насилия (...), ни одно из них не полагает, что поли-

тическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением», – указывает он [Jong-a-Pin, 2006, p. 2–3].

Из этого следует третий ключевой момент: имеющиеся в политической науке исследования кризиса предполагают, что он неразрывно связан с такими обстоятельствами, как «сжатие» времени, выделенного для принятия и реализации политических решений, и возрастающая степень неопределенности [Hermann, 1972] или даже, по выражению **И. Дропа**, «немыслимости» (inconceivability) [Dror, 1999, p. 152]. Р. Козеллек пишет: *«Кризис воспринимается как одноразовый, ускоряющийся процесс, в котором из деструкции существующей системы рождается и развивается новая ситуация»* [Шубрт, 2014, с. 71]. Это необходимые, но конечно же не достаточные признаки кризиса – некая задача или программа могут предполагать и высокую степень неопределенности, и ограничение во времени, но кризисным симптомом они становятся лишь тогда, когда соседствуют с факторами, рассмотренными ранее. Алмонд, Мундт и Флэнаган так описывают этот аспект кризисной ситуации: по сути, дисфункциональное состояние политической системы вызывается рассогласованностью «спроса» (политических ожиданий и запросов) и «предложения» существующих структур, а обострение этой рассогласованности инициируется субъективной [Boin, 2004, p. 167] убежденностью участников в том, что несоответствие не может быть разрешено в рамках status quo. Эта убежденность обеспечивает не только отклонение системы от ранее выделенных приоритетных целей, но и распад имеющихся оснований соотношения и идентификации себя с имеющейся системой политических отношений.

Ч. Херманн подчеркивает, что кризис не просто отличить от интенсивной политической динамики [Hermann, 1972, p. 236]: да, вполне справедливо представление о «стремительности» кризисных явлений, препятствующей адекватному воспроизводству системы в ее основных параметрах, но, по сути, исследователь (или политик-практик) оказывается перед вопросом, что является «нормальным» уровнем динамики и развития. Однако здесь повторяется ситуация с третьим замечанием: сама по себе высокая скорость политических изменений не является определяющим элементом кризиса, однако в соседстве с другими обстоятельствами она действительно имеет значение.

Таблица

Кризис, стабильность и идентификаторы

Политический кризис			
РАВЕН		НЕ РАВЕН	
I	Разрушению существующих структур, статусов, ролей и институтов	≠ изменениям в социально-политической структуре общества	I
II	Неуправляемым, непредсказуемым, чрезмерно скоротечным изменениям	≠ ускоренной модернизации и динамичным социальным изменениям как таковым	II
III	Отсутствию коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне	≠ отсутствию государственной идеологии	III
IV	Ограниченности сроков для принятия решения и ограничению прогнозного потенциала акторов		
V	Распространению политически мотивированного насилия и выходу его из-под контроля		

Нам представляется, что ключевое внимание в вопросе концептуализации «кризиса» политической системы может быть уделено пункту «идентификаторов» – ключевых параметров, характеризующих эту систему, определяющих ее существование и внутренние связи акторов или элементов системы между собой. Сам поиск такого рода параметров представляет собой исключительно серьезную задачу, ограничиваемую или трансформируемую национальной, территориальной и историко-темпоральной спецификой, что не означает, впрочем, возможности проигнорировать или «пропустить» ее.

Мы можем предположить некоторый перечень если не «идентификаторов» (их конкретное представление требует тщательного рассмотрения локальных условий или вдумчивого анализа на уровне как минимум монографии), то тех проблемных полей, анализ которых способен подтолкнуть нас к более целостному и системному пониманию сложившихся социально-политических отношений и обнаружению кризисных явлений до их перехода в актуализированную, конфликтную стадию.

Во-первых, это политический режим, т.е. «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период» [Quermonne, 1986]. Внутри этой «идентификационной зоны» мы, конечно, должны обратиться к взаимодействию власти и населения, определению степени демократического участия, уровня плюрализма и конкуренции, а также общему характеру взаимодействия между самими властными структурами. Кризис внутри этого поля должен восприниматься не только как постепенный распад сложившейся системы отношений, статусов и ролей¹, но и как накопление угроз и рисков, связанных с противоречиями в этой системе, – таким образом, проблематизация должна увязываться не столько с уровнем демократических свобод и прав человека, как это нередко представляют исследователи-транзитологи [Fukuyama, 1992], сколько с эффективной выработкой и принятием решений. Чрезмерная эксклюзивность системы, как, впрочем, и ее популистский или плебисцитарный характер [Урбинати, 2016], приводит к ошибкам и aberrациям в обработке информации [Thomas, 1995; Irvin, Stansbury, 2004], неконкурентная публичная политика увеличивает издержки на обеспечение государственного аппарата [Barro, 1973; Boyne, James, John, Petrovsky, 2012; Pavletic, 2009, p. 199; Gayvoronsky, 2015, p. 13], а неразрешенные конфликты внутри элиты или бюрократии резко снижают адаптивные возможности системы и ее модернизационный потенциал [Jonh-a-Pin, 2006]. Требования прозрачности и инклюзивности являются, таким образом, направлены на совершенствование управленческих практик, а не на отдельно стоящую ценность демократии per se.

Проблема определения и влияния режима представляется тесно связанной со вторым примечательным фактором, куда мы можем отнести механизмы политической социализации и содержание идеологии, а также политической или даже (в терминологии **К. Грэя** [Gray, 1981]) стратегической культуры. Бесспорно, характерной особенностью любой стабильной и устойчивой системы является наличие некоего культурно-ценностного фундамента,

¹ Так, Х. Линц обозначает распад как результирующий момент кризиса, полное исчезновение существующих структурных решений, норм и институтов [Linz, Stepan, 1978].

выполняющего функции социального сплочения и интеграции, поэтому недостаточное внимание к таким вопросам нередко является одним из ключевых кризисных триггеров. Состояние аномии или резкого, но не учитываемого разрыва между пропагандируемыми и имеющимися ценностями выступает своеобразной «миной замедленного действия», которая может подрвать вполне устойчивое, на первый взгляд, социально-экономическое развитие. Это может быть проиллюстрировано многочисленными примерами одного только XX в.: накопленные внутри франкистской Испании противоречия привели к всплеску регионального терроризма басков [Хенкин, 2011, с. 159–160] и каталонцев [Bjørge, 2005, p. 124–125], имитационные режимы Ближнего Востока стали жертвами «арабской весны» [Кудряшова, 2015], а нестабильность центральноазиатских режимов порой прорывается сквозь официозные заявления, возлагающие вину за нее на происки США и других стран. В некоторых случаях культурная преемственность может нарушаться из-за динамичного экономического развития и стремительной интеграции в мировую экономику, которая поневоле сталкивает друг с другом различные типы социального поведения. Так, по мере углубления китайских реформ, направленных на интеграцию страны в международное разделение труда, в Китае наблюдалось достаточно серьезное сопротивление этому процессу, начиная с выступления на площади Тяньаньмэнь и заканчивая трудовыми забастовками, бунтами и нападениями на партийные ячейки в провинциях [Cai, 2010]; в Южной Корее нередко не только протесты против рыночных порядков, но и вызванные культурным конфликтом самоубийства¹ [Kwon, Chun, Cho, 2009].

Нередко встречается и обратная ситуация, когда обращение к такого рода детерминантам идентичности принимает форму поиска различных «традиций», «традиционных ценностей» и «духовных скреп» (носящих одинаково эссенциалистский характер), а зачастую и воображаемого «национального духа» или «народного менталитета», давно заставляющих социологов сомневаться в адекватности и валидности таких конструкций. Даже К. Грэй, одним из первых предложивший концептуализировать «стратегическую культуру» для исследований внешней политики, через несколько

¹ Уровень самоубийств в Республике Корея по состоянию на 2015 г. – самый высокий среди стран ОЭСР.

лет признавал неспособность «разработать конкретную методологию для идентификации национальных культур и стилей» [Алексеева, 2012, с. 134]. Опасность представляет и ложное отождествление культурных основ социальной интеграции с наличием государственной идеологии: хотя последняя и представляет собой отдельный инструмент, чаще всего используемый для мобилизации населения и инкорпорирования в специфические рамки интерпретаций исторических событий, в бытовом словоупотреблении ее нередко путают с наличием общей культуры или общих поведенческих паттернов.

В-третьих, особую роль имеет институциональный срез социально-политического участия, т.е. отличительные особенности, связанные с самими структурами и формами вовлеченности в общественную жизнь. Институты, отвечающие за первичную или подростковую социализацию, могут оказывать крайне серьезное влияние на уровень политической активности в более зрелом возрасте [Шестопал, 2002]; кроме того конечно же нельзя недооценивать влияние институтов и на уровень выражения собственной позиции [Townsend, Womack, 1986; Abubakar, Olasupo, 2015; Jin, 1993]. Отсутствие профсоюзов, общественных объединений, think tanks, некоммерческих организаций спортивного, научного и культурного характера – все это серьезно отталкивает население от самой возможности политического участия, притом что социальные проблемы и конфликты все равно возникают. Еще более масштабное влияние оказывает отсутствие основных форм социализации – недостаточный охват системой образования, несовершенство рынка труда и пр.; эти факторы могут привести к всплеску насилия и вообще принудительной перестройке всей политической системы [Социально-демографический анализ... 2012]. Особенности же, обнаруживаемые внутри имеющихся институциональных форм социальной вовлеченности, накладывают серьезный отпечаток на уровень политической веры (т.е. уверенности в том, что сотрудничество с другими акторами может привести к реальному ощущаемому результату) [Пивоваров, 1995, с. 13], политический стиль и даже сохранение правил игры, задействованных в обществе на момент социализации его новых членов и способных стать источником поколенческого разрыва. Иными словами, «молчаливое» общество по-прежнему обладает многочисленными проблемами, но не использует политическую систему для их оперативного решения, и причиной тому могут являться именно существующие в

обществе особенности социализации и встраивания в общественное пространство.

В случае с подобными дефектами социализации, несомненно, имеются и более зримые и значимые проблемы: в обществе распространяется бедность, увеличивается расслоение, возможно возникновение маргинальных сообществ или в целом угроза существованию государства. Мы, однако, отдельно рассматриваем именно феномен политического кризиса, и поэтому внимание к экономическим факторам или социальным основаниям системного кризиса представляется в условиях такой задачи условно вторичным. Более интересны такие ситуации, как описанная **А. Юрчаком** «внеаходимость» некоторых социальных групп в СССР или ослабление идентичности через эрозию реальных групп, на которое указывают **Р. Патнэм** или **П. Норрис** [Putnam, 2000]. Российские авторы, к примеру, в некоторых случаях вообще выражают сомнения в наличии реальной «публичной политики» из-за отсутствия общества как такового [Федорова, 2011], другие же предполагают, что содержание социализации в соответствующих институтах устойчиво воспроизводит лоялистские формы идентичности, не представляет собой угрозы для конкретного политического режима, но может затруднить развитие политической системы [Ярославцева, 2012].

В-четвертых, поиск идентификаторов может быть связан с функционированием экономики — не только эффективность как таковая, но и стандарты ее измерения, формирования рынка труда и самих принципов трудовой этики могут оказывать не меньшее влияние на социально-политические процессы [Duff, McCanant, 1968; Шабров, 2002], чем, к примеру, институты представительной демократии. Примерами такого влияния может быть не только японская система пожизненного найма (終身雇用, *shūshin koyō*), но и китайский опыт «железной чашки риса» (铁饭碗, *tiě fàn wǎn*), почасовая оплата труда в развитых странах и т.д. Каждый из этих трудовых стандартов тесно связан с определенной этикой коллективного и индивидуального поведения, иллюстрируя взаимное влияние существующих в обществе институтов и поведенческих схем, а отсутствие внимания к такого рода детерминантам способно вызвать в обществе трансформационный шок и накапливающееся напряжение, могущее привести к политическим демонстрациям и выступлениям.

В-пятых, представляется важным подчеркнуть значимость для исследования политического кризиса механизмов избирательной системы и формального представительства. Характерным примером того, как электоральные особенности могут повлиять на политический процесс, могут быть не только формулировки «законов Дюверже» [Duverger, 1959], но и практический опыт современной Испании, где конфигурация «несовершенного бипартизма» [Кутузова, 2005] выступает уже не как один из симптомов политического кризиса, а как один из его источников [Телин, Полосин, 2016] – сложившиеся отношения ключевых партий усугубляют общую атмосферу недоверия граждан к политической системе. Кроме того, в рамках динамики электоральных отношений недооцененной оказывается и возможность так называемых «опрокидывающих выборов» [Хантингтон, 2003], которые неожиданно для инкумбента изменяют расклад политической жизни, переводя в публичную плоскость латентные до того момента конфликты и противоречия. Классическими примерами «опрокидывающих выборов» считаются выборы в Бразилии 1974 г., в Перу 1980 г., а также выборы в Польше 1988 г., ставшие катализаторами дальнейших демократических преобразований. Кроме того, в Чили в 1988 г. диктаторский режим **А. Пиночета** закончил свое существование «опрокидывающим референдумом», по результатам которого за продление полномочий «верховного лидера нации» высказалось только 43% граждан – иллюзия всеобщей поддержки оказалась развеянной под влиянием экономических и социальных неурядиц.

Вопрос о том, достаточен ли такой перечень или нет, остается открытым – многое зависит от национальной специфики, особенностей социального развития и пр. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что кризис – в представлении, к примеру, теорий path dependence [Pierson, 2000] – может быть «вложенным», включенным во внутреннюю логику трансформации политической системы; его симптомы долгое время могут оставаться скрытыми, а переход кризиса в открытую фазу часто проходит едва ли не незаметно.

В этом отношении приходится признать скверное влияние на исследования кризиса его ложного отождествления с конфликтом: и в науке, и в популярной литературе эти явления нередко рассматриваются едва ли не как синонимы. Это конечно же не соот-

ветствует действительности – не каждый политический конфликт достигает кризисного уровня, но и кризис как таковой не стоит сводить лишь к конфликту противоборствующих сторон: его влияние на систему социально-политических отношений гораздо многограннее и глубже. Кризис выражает неспособность воспроизводства системы в прежней ее конфигурации и неизбежный, как было указано выше, пересмотр функционально-ролевых, статусных и иных отношений; конфликт, даже разрешенный, может не иметь столь глубокого потенциала и столь фундаментальных последствий.

Заключение

В современных условиях проблема исследования политического кризиса, несомненно, приобретает все большую актуальность. В различных регионах мира формируются зоны нестабильности, развитые демократии сталкиваются со сложностями представительства и социально-экономической эффективности, а развивающиеся страны привычно оказываются в «ловушке среднего роста», которая не способствует бесконфликтной публичной политике. От политической науки требуется, таким образом, более четкий, взвешенный и грамотный анализ происходящих процессов, который не может быть связан с вульгаризацией или чрезмерно широкими трактовками основных понятий.

К сожалению, вплоть до последнего времени понятие «кризиса» сталкивалось именно с такими рисками. Можно предположить, что использование накопленного зарубежными исследователями массива знаний по указанной проблеме способно исправить или хотя бы скорректировать имеющиеся пробелы научных и околонаучных дискуссий. Изыскание кризисных проявлений в конфигурации политического режима, механизмах и формах социализации, стандартах экономического развития, имеющихся институтах и, в особенности, действии электоральной системы способно дать возможность оперативного прогноза и диагностики кризисных явлений, а опора на классические разработки позволит точнее определить возможные сценарии их развития и адекватного поведения участников политического процесса.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Стратегическая культура: Эволюция концепции. – Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 5. – С. 130–147.
- Венгеров А.Б. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. – М., 1993. – № 4. – С. 4–18.
- Дегтярев А.А. Основы политической теории / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.
- Ермолаева Л.К., Коваленко С.В. Синергетическая парадигма политики. – М.: Флинта, 2014. – 229 с.
- Зиновьев А.П., Морозов С.А., Морозова Е.В. Политический менеджмент. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 346 с.
- Ключник Р.М. Основные подходы к исследованию политического кризиса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – Белгород, 2013. – Том 25, N 1 (144). – С. 144–147.
- Социально-демографический анализ арабской весны / А.В. Коротаев, А.С. Ходунов, А.Н. Бурова, С.Ю. Малков, Д.А. Халтурина, Ю.В. Зинькина // Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. – М.: Либроком / URSS, 2012. – С. 28–76.
- «Господин Кризис, как Вас теперь называть?»: Круглый стол / А.Г. Володин, А.И. Кольба, И.В. Кудряшова, В.В. Лапкин, М.М. Лебедева, С.А. Макаренко, В.И. Пантин, Я.А. Пляйс, Н.С. Розов, В.М. Сергеев, И.А. Чихарев // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 9–33.
- Кудряшова И.В. Арабское государство до и после «арабской весны». Часть 1 // Портал «Перспективы». – 2015. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/arabskoje_gosudarstvo_do_i_posle_arabskoj_vesny_chast_1_2015-10-20.htm (Дата посещения: 01.07.2016.)
- Кутузова В.Л. Националистические партии в политической системе Испании // Латинская Америка. – М., 2005. – № 11. – С. 51–67. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=267> (Дата посещения: 30.06.2016.)
- Латин Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. – М., 1992. – № 1. – С. 10–116.
- Политический атлас – 2: Мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 98–104.
- Петренко О.В. Политический кризис как научное понятие // Армия и общество. – М., 2009. – № 2. – С. 41–46
- Пивоваров Ю.С. Концепция политической культуры в современной науке // Политическая наука (теоретико-методологические и историко-компаративные исследования). – М., 1995. – С. 6–46.
- Рогозян О.В. Политический кризис: Анализ и технологии урегулирования: На примере Краснодарского края: Автореф. дис. ... канд. полит. н., 23.00.02 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – Режим доступа: <http://www.vevivi.ru/best/>

- Politicheskii-krizis-analiz-i-tehnologii-uregulirovaniya-na-primere-Krasnodarskogo-kraya-ref56592.html (Дата посещения: 14.08.2016.)
- Сидорина Т.Ю. Философия кризиса – М.: Флинта, 2003. – 456 с.
- Сулимин А.Н. Кризис политической системы: Системно-синергетический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (34), Ч. 1. – С. 187–189.
- Суть слов: означает ли «кризис» по-китайски «возможность» // Южный Китай: Особый взгляд. – Режим доступа: <https://www.south-insight.com/node/217926> (Дата посещения: 15.08.2016.)
- Телин К.О., Полосин А.В. Кризисный гамбит пакта Монклоа // Сравнительная политика. – М., 2016. – № 2 (23). – С. 96–105.
- Урбинати Н. Искаженная демократия: Истина и народ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
- Федорова К.С. Общество: Между всем и ничем // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. – С. 13–68. – (Серия Res publica; Вып. 5).
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века: Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
- Хенкин С.М. ЭТА: Расцвет и кризис националистического терроризма в Испании // Политика. – М., 2011. – № 4. – С. 155–171.
- Шабров О.Ф. Политическая власть, ее эффективность и легитимность // Политология / Отв. ред. В.С. Комаровский. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 122–136.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология. – М.: Инфра-М, 2002. – 448 с.
- Шубрт И. Размышления о понятии «кризис» // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. – Вологда, 2014. – № 6. – С. 70–84.
- Ярославцева А.О. Политическая стабильность: Современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: Новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. – М.: РУДН, 2012. – С. 11–44.
- Abubakar S.O., Olasupo M.A. Political socialization and social harmony in china: policy lesson for president Buhari administration of Nigeria // Journal of humanities and social science (IOSR-JHSS). – 2015. – Vol. 20, Issue 9, Ver. 4. – P. 75–81.
- Barro R. The control of politicians: An economic model // Public choice. – Blacksburg, 1973. – Vol. 14. – P. 19–42.
- Binder L., La Palombara J. Crises and sequences in political development. – Princeton: Princeton univ. press, 1971. – 337 p.
- Bjergo T. Root causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – N.Y.: Routledge, 2005. – 288 p.
- Boin A. Lessons from crisis research. Managing crises in the twenty-first century / B.W. Dayton (ed.) // International studies review. – Oxford, 2004. – N 6. – P. 165–194.
- Party control, party competition and public service performance / G.A. Boyne, O. James, P. John, N. Petrovsky // British journal of political science. – Cambridge, 2012. – N 42. – P. 641–660.

- Cai Y. Collective resistance in China: Why popular protests succeed or fail. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 2010. – 300 p.
- Collier R.B., Collier D. Shaping The political arena: Critical junctures, the labor movement, and regime dynamics in Latin America. – Princeton: Princeton univ. press, 1991. – 888 p.
- Dowding K., Kimber R. The meaning and use of «political stability» // European journal of political research. – Colchester, 1983. – Vol. 11, Issue 3. – P. 229–243.
- Dror Y. Beyond uncertainty: Facing the inconceivable // Technological forecasting and social change. – Amsterdam, 1999. – Vol. 62, Issues 1–2. – P. 151–153
- Duff E., McCanant J. Measuring Social and political requirements for system stability in Latin America // American political science review. – Cambridge, 1968. – N 62. – P. 11–25.
- Duverger M. Political parties: Their organization and activity in the modern state. – Second English Revised edn. – L.: Methuen & Co, 1959. – 439 p.
- Flanagan S.C. Models and methods of analysis // Crisis, choice and change crisis, choice and change / G. Almond, S. Flanagan, R. Mundt (eds). – Boston: Little, Brown & Co., 1973. – P. 43–102.
- Fukuyama F. The end of history and the last man. – N.Y.: Free press, 1992. – 441 p.
- Gaivoronsky Y. The influence of political competition on the efficiency of the regional executives in Russia // Working papers series: political science WP BRP 28/PS/2015. – Mode of access: <https://www.hse.ru/data/2015/11/23/1081839438/28PS2015.pdf> (Дата посещения: 05.07.2016.)
- Gallie W.B. Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian society. – Oxford, 1956. – Vol. 56. – P. 167–198.
- Gray C. National styles in strategy: The American example // International security. – Cambridge, 1981. – Vol. 6, N 2. – P. 21–47.
- Guantao J. Socialism and tradition: The formation and development of modern Chinese political culture // Journal of contemporary China. – Oxford: Routledge, 1993. – N 2, Vol. 3. – P. 3–17.
- Hermann C. Indicators of international political crises: Some initial steps toward prediction // Herrschaft and Krise / J. Janicke (ed.). – Oplanden: West German Press, 1972. – P. 233–243. – Mode of access: <http://www.voxprof.com/cfh/hermann-pubs/Hermann-Indicators%20of%20International%20Political%20Crises.pdf> (Дата посещения: 04.07.2016.)
- Irvin R.A., Stansbury J. Citizen participation in decision making: Is it worth the effort? // Public administration review. – Washington, 2004. – N 64. – P. 56–65.
- Johnson C.A. Révolution and the social system. – Stanford: Stanford univ., 1964. – 68 p.
- Jong-A-Pin R. On the measurement of political instability and its impact on economic growth // Research Report 06 C05. – Univ. of Groningen: Research Institute SOM, 2006. – Mode of access: <https://ideas.repec.org/a/eee/poleco/v25y2009i1p15-29.html> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Koselleck R. Critique and crisis: Enlightenment and the pathogenesis of modern society. – Cambridge: Massachusetts: MIT Press, 1988. – 214 p.
- Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. – Stanford: SUP, 2002. – 377 p.

- Kwon J.-W., Chun H., Cho S.-I.* A closer look at the increase in suicide rates in South Korea from 1986–2005 // BMC public health. – L., 2009. – N 9. – Mode of access: <http://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-9-72> (Дата посещения: 06.07.2016.)
- Linz J., Stepan A.* The breakdown of democratic regimes. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1978. – 376 p.
- Mair V.H.* How a misunderstanding about Chinese characters has led many astray // Pinyin.info. – 2009. – Mode of access: <http://pinyin.info/chinese/crisis.html> (Дата посещения: 15.08.2016.)
- Morlino L.* La crisi della democrazia // Rivista Italiana di scienza politico. – Trento, 1979. – N 9. – P. 37–70.
- Pavletic I.* Political competition, economic reform and growth: theory and evidence from transition countries: Diss. ETH No. 18525. – Fribourg, 2009. – Mode of access: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:442/eth-442-02.pdf> (Дата посещения: 02.07.2016.)
- Pierson P.* Increasing returns, path dependence, and the study of politics // The American political science review. – Cambridge, 2000. – Vol. 94, N 2. – P. 251–267.
- Putnam R.D.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
- Quermonne J.-L.* Les regimes politiques occidentaux. – Paris: Seuil, 1986. – 337 p.
- Rosenthal U., Boin R.A., Comfort L.K.* Managing crises: threats, dilemmas, opportunities. – Springfield: Charles C. Thomas Pub Ltd., 2001. – 366 p.
- Rosenthal U., Charles M.T., t'Hart P.* The World of crises and crisis management // Coping with crises: The management of disasters, riots, and terrorism / U. Rosenthal, M.T. Charles, P. t'Hart (eds). – Springfield: Charles C. Thomas Pub Ltd., 1989. – P. 3–33.
- Thomas J.C.* Public participation in public decisions. – San Francisco: JosseyBass, 1995. – 240 p.
- Townsend J.R., Womack B.* Politics in China. – Toronto: Little, Brown & Co., 1986. – 464 p.
- Verba S.* Sequences and development // Crises and sequences in political development / L. Binder, J. La Palombara (eds). – Princeton: Princeton univ., 1971. – P. 283–316.
- Zimmermann E.* Political violence, crises, and revolutions: theories and research. – Boston: G.K. Hall, 1983. – 810 p.

РАКУРС: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООБЩЕСТВ

СЕТЕВОЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ / Ф.Т. Алескеров, М.С. Курапова, Н.Г. Мещерякова, М.Г. Миронюк, С.В. Швыдун*

Аннотация. Приведен обзор работ по теории сетевого подхода в международных исследованиях, обсуждены методология сетевого анализа и критерии отбора эмпирических данных для анализа межгосударственных конфликтов. Предложена модель сети межгосударственных конфликтов и ее визуализация. С помощью классических (Eigenvector и PageRank) и нового индекса центральности (Short-Range Interaction Centrality) выявлены государства, в наибольшей степени втянутые в определенные периоды в межгосударственные конфликты.

Ключевые слова: межгосударственные конфликты; сетевой анализ; влияние.

* **Алескеров Фуад Тагиевич**, доктор технических наук, ординарный профессор, заведующий Международной научно-учебной лабораторией анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, руководитель департамента математики факультета экономических наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия), заведующий лабораторией ИПУ РАН (Москва, Россия), e-mail: alesk@hse.ru; **Курапова Мария Сергеевна**, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: kms1207@mail.ru; **Мещерякова Наталья Геннадьевна**, студентка, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: natamesc@gmail.com; **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, первый заместитель декана факультета социальных наук, доцент департамента политической науки факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru; **Швыдун Сергей Владимирович**, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ (Москва, Россия), младший научный сотрудник ИПУ РАН (Москва, Россия), e-mail: shvydun@hse.ru

**A network approach to analysis of international conflicts /
F.T. Aleskerov, M.S. Kurapova, N.G. Meshcheryakova,
M.G. Mironyuk, S.V. Shvydun**

Abstract. A survey of works on network models for international studies is provided. The methodology of the network analysis and selection criteria of empirical data for the analysis of the interstate conflicts are discussed. The model of a network of the interstate conflicts and its visualization are offered. By means of two classical centrality indices (Eigenvector and Page Rank) and a new index of centrality (Short-Range Interaction Centrality), the most influential states during certain periods are revealed.

Keywords: interstate military conflicts; network analysis; influence.

Введение

В условиях существенного усложнения системы международных отношений, в том числе увеличения числа политических акторов, сетевой подход, позволяющий рассматривать политические процессы на глобальном уровне, не упуская из виду разнонаправленные действия как государств и акторов внутри государства (от бюрократии, бизнеса, регионов до гражданских активистов и т.п.), так и негосударственных акторов с интересами, выходящими за пределы государственных границ (например, ТНК, неправительственные организации и т.п.), стал мощным инструментом анализа политических процессов.

В международных исследованиях сети рассматриваются как определенный способ организации и взаимодействия акторов, отличающийся от упрощенных иерархических моделей, отражающих линейные связи, зачастую формальные и не тождественные реальным отношениям между акторами. Возможно, именно акцент не на

Aleskerov Fuad, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: alesk@hse.ru; **Kurapova Mariia**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: kms1207@mail.ru; **Meshcheryakova Natalia**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: natamesc@gmail.com; **Mironyuk Mikhail**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru; **Shvydun Sergey**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), shvydun@hse.ru.

участниках, а на их взаимоотношениях превратил сетевой анализ в один из главных инструментов в современных политических исследованиях [см.: Maoz, 2012; Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009].

Несмотря на то что проблематика конфликтов является традиционной для международных исследований, сетевой подход к анализу межгосударственных конфликтов начал применяться только в последние годы [Dorussen, Gartzke, 2016].

В настоящей работе мы моделируем сеть межгосударственных конфликтов, что позволяет также визуализировать структуру взаимоотношений конфликтующих государств, с одной стороны, и понять структуру самих конфликтов – с другой. Кроме того, наш анализ позволяет выявить наиболее влиятельные государства в определенные периоды. Начинается статья рассмотрением общей теории сетевого подхода в применении к международным исследованиям, обсуждается методология сетевого анализа и критерии отбора эмпирических данных на примере анализа межгосударственных конфликтов.

Теория политических сетей и методология сетевого анализа

Обсудим сначала основы теории политических сетей.

Центральный элемент теории политических сетей – собственно сам термин «политическая сеть» (и его ключевые характеристики). Политическая сеть определяется как «набор относительно стабильных неиерархичных отношений разнообразных взаимозависимых акторов, которые разделяют общий интерес относительно вырабатываемой политики и обмениваются имеющимися ресурсами для достижения поставленных целей, признавая тот факт, что сотрудничество является наиболее подходящим для этого методом» [Borze, 1998].

В теории политических сетей важным аспектом является четкое понимание внутренней структуры сети, а именно конфигурации входящих в нее акторов и характер взаимоотношений между ними. Д. Ноук и Дж. Куклинский [Knoke, Kuklinski, 1982] предложили разделять всех акторов сети на так называемые «центры» (образуют «полюса» сетей) и коммуникационные образования, которые характеризуются наибольшей интенсивностью внутренних взаимодействий – «клики». Упомянутые авторы также подчеркивали, что отношения между участниками заданы самой сетью и обладают определенными свойствами, такими как интенсивность

(частота и объемы распределения или передачи различных ресурсов) и направленность (направления перемещения ресурсов внутри сетевой структуры) [Comparing policy networks... 1996].

В целом для исследований, в которых применяется сетевой подход, характерным является фокус не на участниках сети как таковых, а на взаимоотношениях между ними. Эти отношения могут основываться как на обмене различными ресурсами, так и на идеологических и даже эмоциональных связях [Wasserman, Faust, 1994].

Работы начала 2000-х годов позволили добиться конкретизации теории политических сетей при помощи ввода спецификации границ и уровней анализа, различных механизмов систематизации информации и принципов ее обработки [см.: Borgatti, 2003; Breiger, 2004; Keast, Brown, 2005; Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009]. Тогда же окончательно сложились два основных метода анализа данных, используемых при проведении сетевого исследования. Первый метод – графический – дает возможность визуализации данных в сетевом подходе и позволяет взглянуть на структуру взаимоотношений участников сети, с одной стороны, и понять, как складывается сеть в целом, – с другой. То, как размещаются элементы сети относительно друг друга и всей сети в целом, помогает понять их роль, значение для работы сети и позволяет «диагностировать» работу сети в целом. Графическое изображение данных отображает отношения внутри сети на различных уровнях: на уровне отдельных фрагментов, внутрисетевых групп, а также двусторонних отношений между акторами сети.

Второй метод, использующий модели теории графов, позволяет выделить основных участников сети, оценить их влияние и выделить группы наиболее влиятельных акторов.

Принципы, лежащие в основе сетевого подхода, специфичны по сравнению с принципами, лежащими в основе общепринятых методологий. Так, Р. Кист и К. Браун [Keast, Brown, 2005] отмечают, что методология сетевого подхода представляет собой альтернативу другим теориям и концептам, поскольку делает акцент на схемах отношений и связях между акторами в сети. За счет этого, по мнению Д. Ноука и др., сетевой подход позволяет исследователям выявлять всех существенных политико-управленческих акторов, которые задействованы в процессе выработки и принятия решений (при условии, что между ними есть стабильные связи) [Comparing policy networks... 1996].

Сетевой подход позволяет проводить исследования на трех различных уровнях: (1) изучать сеть в целом (как выглядят взаимоотношения акторов, как строится сеть); (2) анализировать связи между группами акторов (т.е. изучать взаимодействия между различными частями сети); (3) анализировать двусторонние отношения акторов.

Теория политических сетей появилась как теория, описывающая процесс принятия решений в рамках какой-либо группы, затем она стала использоваться для описания и анализа принятия политических решений в рамках одного государства. Теперь же сетевой подход используется и для изучения международных отношений и мировой политики [Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009]. Причем некоторые авторы усматривают в нем потенциал обеспечения «разговора на одном языке», используя универсальный инструментарий сетевой методологии [Keast, Brown, 2005]. Действительно, применение сетевого анализа на разных уровнях взаимодействий широкого круга акторов, а также соединение этих уровней в одном исследовании, может позволить изучать сложные социальные процессы, в том числе глобальные, при этом выявляя скрытые взаимодействия и неочевидные причинно-следственные связи.

Но уже здесь необходимо учитывать ряд ограничений. Первоначально теория политических сетей основывалась на анализе взаимоотношений между индивидами. Принципы и особенности отношений между индивидами и отношений между государствами, очевидно, не могут считаться тождественными. Также для анализа отношений на международном уровне требуется учитывать большее число факторов [Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009], от этого напрямую зависит эвристический потенциал полученной сетевой модели.

До недавнего времени в фокусе сетевого анализа находились не атрибуты акторов (возраст, пол, социальный статус, политическая принадлежность, религиозные верования, этничность, психологические предрасположенности), «но отношения между социальными объектами как средство объяснения поведения акторов и результатов реализации их политических действий» [Emirbayer, Goodwin, 1994]. Сетевой анализ основывается на двух главных компонентах: наборах объектов, называемых узлами, позициями или акторами, и наборах отношений между данными объектами, называемых фронтами, связями или звеньями [Knoke, 1990].

Сетевой анализ, будучи эмпирическим инструментом для объяснения социальной структуры на основе отношений между социальными субъектами [Kenis, Schneider, 1991], аналитически формален. Он предполагает использование систематических и воспроизводимых процедур, требует строгих правил кодировки и обладает внутренней логикой, что обеспечивает дескриптивные и дедуктивные результаты [Klijn, 1996]. Достоинство методологии сетевого анализа состоит в хорошо отработанных процедурах сбора данных, которые доступны для анализа и измерения свойств целых структур (их централизации, иерархизированности, плотности и т.п.) и социального положения отдельных социальных субъектов в этих системах (центрированность, членство в кликах, престиж, структурная эквивалентность и т.д.) [Explorations... 1999].

Построение сетевой модели позволяет визуализировать эмпирические данные графически в виде сети. Вершины сети – это акторы сети (применительно к международным исследованиям – это государства, международные организации и др.) [Дегтерев, 2015]. Ребра – это связи между вершинами, которые свидетельствуют о контактах между акторами. Более формально сетевая структура может быть представлена в виде направленного графа $G = (V, E, W)$, где $V = \{1, \dots, n\}$ – множество вершин, $|V| = N$, $E \subseteq V \times V$ – множество ребер, а $W = \{w_{ij}\}$ – множество весов (интенсивности взаимосвязей, например объем поставок вооружений и т.п.), которые могут быть присвоены каждому ребру. Граф G может быть также представлен в виде матрицы смежности $A = [a_{ij}]_{N \times N}$, где $a_{ij} = 1$ при $(i, j) \in E$ и $a_{ij} = 0$ в ином случае, а также в виде взвешенной матрицы смежности $W = [w_{ij}]_{N \times N}$, где w_{ij} показывает интенсивность связи вершины i с вершиной j .

Показатели центральности являются важными характеристиками вершин сети, которые дают глубокое понимание свойств сети. Существует несколько видов центральностей.

Центральность по степени (degree centrality) показывает наиболее активную вершину в сети. Измеряется количеством связей актора i с другими вершинами в сети с учетом интенсивности данных связей:

$$C_i^{\text{total w deg}} = \sum_{j=1}^n (w_{ji} + w_{ij}).$$

Промежуточность (betweenness centrality) – показатель центральности, отражающий количество раз, в которых вершина i находится на кратчайшем пути между любыми другими парами вершин:

$$C_i^{btw} = \sum_{j,k \in V: j \neq k} \sigma_{jk}(i),$$

где $\sigma_{jk}(i)$ – количество кратчайших путей между вершинами j и k , содержащих вершину i .

Центральность по собственному значению (eigenvector centrality) – рекурсивная характеристика важности вершины, учитывающая важность вершины на основе важности ее соседей и получаемая на основе следующего уравнения

$$W \cdot C^{eigen} = \lambda \cdot C^{eigen}.$$

В данном случае центральность зависит также от центральности соседних вершин; та же идея лежит в основе показателя «Page Rank». Как правило, показатель центральности по собственному значению вычисляют при помощи специализированных компьютерных программ [Батура, 2012].

Центральность по близости (closeness centrality) — показатель, который позволяет понять, насколько близок данный участник ко всем остальным участникам сети, при этом в качестве меры расстояния используется кратчайший путь по графу. В дальнейшем сумма всех расстояний нормируется, и подсчитывается величина, обратная нормированной сумме

$$C_i^{cl} = \sum_{j \in V} \frac{1}{d_{ij}},$$

где d_{ij} – длина кратчайшего пути между вершинами i и j .

Оценка влияния участников сети возможна при помощи расчёта индексов центральности, учитывающих ближние взаимодействия, например, влияние государства А на государство Б через государство В (short-range interactions, SRIC). Данные индексы были разработаны в 2006 г. Ф.Т. Алескеровым [Aleskerov, 2006] и адаптированы к сетям в более поздней работе 2014 г. (там SRIC был назван KBI) [Aleskerov, Andrievskaya, Permjakova, 2014]. Интенсивность прямого влияния вершины i на вешину L можно рассчитать в виде

$$p_{Li} = \frac{w_{Li}}{\sum_k w_{Lk}}.$$

Интенсивность влияния вершины i на вершину L через промежуточную вершину j рассчитывается по формуле

$$p_{ji} = \begin{cases} \frac{w_{ji}}{\sum_k w_{Lk}}, & \text{если } w_{Lj} > 0, w_{ji} < w_{Li} \text{ и } i \neq j, \\ \frac{w_{Li}}{\sum_k w_{Lk}}, & \text{если } w_{Lj} > 0, w_{ji} > w_{Li} \text{ и } i \neq j, \\ 0, & \text{в ином случае.} \end{cases}$$

Индекс SRIC дополнительно использует пороговые значения q , отражающие критические значения, по достижении которых одна вершина начинает влиять на другую. Данный параметр позволяет исключить не имеющие реального влияния связи между вершинами, а также выявить наиболее важные вершины, которые могут влиять на рассматриваемую вершину как поодиночке, так и в группе с другими вершинами. Итоговое влияние вершины i на вершину L рассчитывается как

$$\chi_i = \sum_{\Omega(i)} \frac{p_{Li} + p'_{Li}}{|\Omega(i)|},$$

где $\Omega(i)$ – группа, влияющая в совокупности на вершину L (общее влияние группы выше порогового значения q), исключение из которой вершины i делает данную группу не влияющей на вершину L , $|\Omega(i)|$ – размер этой группы, p'_{Li} – общее не прямое влияние вершины i на вершину L , которое вершина i в сумме оказывает на L через все вершины j группы $\Omega(i)$ с интенсивностью p_{ji} . Итоговое влияние вершины нормируется на единицу.

Ключевая особенность анализа взаимодействия состоит в том, что он позволяет учитывать косвенные взаимосвязи элементов.

В [Aleskerov, Meshcheryakova, Shvydun, 2016] предложена весьма общая модель, в которой учитываются как характеристики вершин и интенсивность их ближних и дальних связей, так и «коалиционные эффекты» – воздействие групп вершин на одну.

Источники данных для сетевого анализа международных конфликтов

Изучение конфликтов через построение сетевых структур, где узлами сети являются государства, а связи представляют собой сам факт конфликта между двумя странами, является специфической задачей и требует тщательного подбора используемых при построении сети эмпирических данных, поскольку упущение, отсутствие или неточность даже малой части данных способно негативным образом сказаться на качестве результатов исследования. Существует ряд баз данных, которые описывают международные конфликты с разных сторон, их можно условно разделить на два основных типа: субъектно ориентированные (аккумулирующие информацию об определенных участниках международных отношений) и проблемно ориентированные (информация об определенном конфликте или международной проблеме).

Для нашего исследования необходима база данных о конфликтах, отвечающая следующим требованиям:

1. Под конфликтом в базе данных должно подразумеваться вооруженное столкновение как минимум двух сторон, которое привело к боевым потерям сторон.

2. Она должна содержать информацию о конфликтах между двумя акторами, как минимум один из которых – общепризнанное государство.

3. Необходимо, чтобы в базе данных присутствовала информация о том, какие государства поддерживают ту или иную сторону конфликта (в том случае, если эта поддержка осуществлялась).

4. Информация о конфликте должна быть представлена за каждый год конфликта.

5. В базе данных должна присутствовать дополнительная переменная, которая позволяет определять степень интенсивности конфликта, например, число жертв конфликта.

6. Желательно, чтобы число пропущенных данных было минимальным.

7. База данных должна охватывать большой временной промежуток.

В ходе работы нами было выделено три основные базы данных, которые в той или иной степени отвечают требованиям к данным, необходимым для сетевого анализа в данном исследовании.

UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset

Авторство: Uppsala Conflict Data Program (UCDP), Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University и Centre for the Study of Civil War at the International Peace Research Institute in Oslo (PRIO).

Охватывает временной период: 1946–2014 гг.

Представление данных в формате «конфликт – год»: (1) каждый конфликт размещен во всех годах, где в результате военных столкновений погибло не менее 25 человек в диаде; (2) если конфликт длится в период июнь – сентябрь и в результате имеет 30 жертв, то этот год будет отмечен как год конфликта. Если длится с ноября по февраль и ни в один календарный год не было 25 жертв, ни один из годов не будет отмечен как год конфликта.

Источники данных: Conflict Site, Data on Religious Cleavages and Civil War, Onset and Duration of Intrastate Conflict, Battle Deaths Data, ACLED, UCDP.

Ключевые понятия, используемые при кодировке [UCDP / PRIO Armed Conflict... 2013]:

Вооруженный конфликт – «оспариваемая несовместимость, касающаяся правительства и / или территории, с использованием военной силы между двумя сторонами, как минимум одна из которых – правительство государства, а результат столкновения – как минимум 25 жертв».

Типы вооруженных конфликтов

1. Внесистемный вооруженный конфликт (Extrasystemic armed conflict) – конфликт между государством и негосударственной группой за территорией государства.

2. Межгосударственный вооруженный конфликт (Interstate armed conflict) – конфликт между двумя или более государствами.

3. Внутренний вооруженный конфликт (Internal armed conflict) – конфликт между правительством государства и внутренней оппозиционной группой без интервенции из других государств.

4. Межнациональный внутренний вооруженный конфликт (Internationalized internal armed conflict) – конфликт между правительством государства и внутренней оппозиционной группой с проникновением других государств.

Под стороной конфликта подразумевается правительство государства или любая оппозиционная организация / альянс организаций. Государство – это признанное суверенное правительство,

контролирующее определенную территорию, или непризнанное правительство, суверенитет которого не оспаривается другим признанным суверенным правительством, ранее контролировавшим ту же территорию.

Major Episodes Of Political Violence And Conflict Regions

Авторство: Center for Systemic Peace (CSP), собран под руководством Монти Г. Маршалла.

Охватывает временной период: 1946–2013 гг.

Всего база данных содержит 391 эпизод конфликтов, каждый эпизод включает определенное количество лет, а также оценку влияния конфликта на общество. Влияние конфликта оценивается для каждой страны за каждый год конфликта.

Ключевые понятия, используемые в базе [Marshall, 2014]

Основные эпизоды политического насилия – систематическое и устойчивое использование насилия организованными группами, в результате которого есть не менее 500 погибших в течение всего эпизода насилия (базовый уровень – 100 жертв в год).

Эпизоды кодируются в одну из семи категорий конфликтов:

1. Международное насилие (International violence).
2. Международная война (international war).
3. Международная война за независимость (international independence war).
4. Гражданское насилие (civil violence).
5. Гражданская война (civil war)
6. Этническое насилие (ethnic violence).
7. Этническая война (ethnic war).

При оценивании степени влияния конфликта на общество учитываются следующие показатели:

1. Человеческие ресурсы (прямые и косвенные смерти, прямые и косвенные травмы, сексуальные преступления).
2. Дислокация населения (расходы, травмы, косвенные эффекты, связанные с перемещением людей для личной безопасности, логистики как внутри пострадавшего общества, так и за его границы).
3. Социальные сети (повреждение межличностных ассоциаций, распад отношений идентичности на основе дружбы, доверия, обмена, взаимной выгоды; отношений, необходимых для эффективного функционирования политико-правовой и экономической систем).
4. Качество окружающей среды (прямой и косвенный ущерб и разрушение экосистемы, использование взрывчатых, химических

соединений, механических устройств, которые ограничивают использование сельскохозяйственных ресурсов, водных ресурсов, загрязняют атмосферу, распространяют токсичные вещества и уничтожают диких животных и среду обитания).

5. Степень повреждений, нанесенных инфраструктуре, и истощение ресурсов (ущерб, разрушение, чрезмерное потребление материала и механической инфраструктуры и ресурсов (производственной мощности, транспортных сетей, транспортных средств, водоснабжения, пахотных земель, продуктов питания, медикаментов)).

6. Ухудшение качества жизни (материальные и нематериальные убытки, связанные с общим ухудшением качества жизни, доступом к основным потребностям, перспективами в пострадавших обществах; гуманитарные кризисы, отток капитала, отсутствие инвестиций и обмена, потери в человеческом потенциале, психологическая травма).

В этой базе данных вводится оценка интенсивности конфликтов (10 категорий).

Категория 10 – истребление и уничтожение (Extermination and Annihilation): обширное, систематическое, неизбирательное уничтожение населения и (или) инфраструктуры.

Категория 9 – общая война (Total Warfare): массовое, механизированное уничтожение человеческих ресурсов и физической инфраструктуры, целые общества являются мишенями для уничтожения, количество погибших – 5 млн человек, 90–100% производства задействовано для ведения боевых действий.

Категория 8 – технологическая война (Technological Warfare): массовое, механизированное уничтожение человеческих ресурсов и физической инфраструктуры, мишень для уничтожения – военные возможности противника. Количество погибших превышает 2 млн человек, 60–90% производства потребляется в ходе войны.

Категория 7 – повсеместная война (Pervasive Warfare): технология уничтожения обширна, но ресурсы ограничены, продолжение военных действий зависит от дополнительных ресурсов внешних поставщиков. Количество погибших превышает 1 млн человек.

Категория 6 – обширная война (Extensive Warfare): технология уничтожения обширна, но ограничена, дополнительные ресурсы ограничены. Важные области защищены от нападения, количество погибших – от 500 тыс. до 1 млн человек.

Категория 5 – существенная и длительная война (Substantial and Prolonged Warfare): технологии уничтожения на высоком уровне, но цели плохо определены и ограничены. Война ограничивается конкретным регионом. Количество погибших – от 100 до 500 тыс. человек.

Категория 4 – серьезная война (Serious Warfare): технологии уничтожения на низком уровне, война локализуется в конкретных областях. Количество погибших – от 50 до 100 тыс. человек.

Категория 3 – серьезное политическое насилие (Serious Political Violence): технологии уничтожения ограничены, цели сосредоточены на власти, количество погибших в диапазоне от 10 до 50 тыс. человек.

Категория 2 – ограниченное политическое насилие (Limited Political Violence): технологии насилия ограничены, количество погибших в диапазоне от 3 тыс. до 10 тыс. человек.

Категория 1 – отдельное или экспрессивное политическое насилие (Sporadic or Expressive Political Violence): технологии насилия находятся на низком уровне, цели плохо определены, насильственные действия происходят в качестве выражения общего недовольства или проявления социального контроля. Количество погибших меньше 2 тыс. человек.

Correlates of War Data

Авторство: Correlates of War Project (далее «COW»).

Охватывает временной период с 1816 по 2007 г.

Ключевые понятия, используемые при сборе данных [Sarkees, Reid, Wayman, 2010]: (1) под войной в проекте «COW» подразумевается вооруженное столкновение с применением организованных вооруженных сил обеими сторонами конфликта (применение силы в одностороннем порядке, при условии, что вторая сторона не может эффективно оказывать сопротивление, не считается войной), которое приводит к 1000 или более жертвам конфликта с обеих сторон за 12 месяцев; (2) государство считается участником войны в том случае, если с его стороны в войне участвуют не менее 1000 солдат или оно несет боевые потери в количестве не менее 100 человек. Негосударственное образование считается участником войны, если с его стороны участвует не менее 100 человек, или оно несет как минимум 25 боевых потерь.

Проект «COW» использует классификацию войн, которая основана на статусе территориальных образований, в особенности

государств. Набор данных делится на три отдельные базы данных исходя из типа конфликта.

1. Non-State Wars (негосударственные войны).

Изначально проект «COW» исследовал только войны с участием как минимум одного государства, однако для расширения понимания современных войн был создан набор данных, который включает в себя информацию о войнах между негосударственными образованиями. Эти войны разделяют на два типа: война между негосударственными общностями, которые занимают место на негосударственной территории, и война между негосударственными вооруженными группами на территории государства.

2. Inter-State Wars (межгосударственные войны).

Учитываются войны, которые происходят между государствами – общепризнанными участниками международной системы.

3. Intra-State Wars (внутригосударственные войны).

Внутригосударственные войны разделены на три типа в зависимости от статуса воюющих сторон. Гражданские войны включают войну правительства государства против негосударственного образования; региональные внутренние войны включают войну правительства региональной единицы против негосударственного образования; межкоммунальные войны включают вооруженные столкновения между двумя или более негосударственными образованиями в пределах территории государства. Кроме того, гражданские войны разделены на два типа исходя из целей участников: за контроль над центральным правительством и для разрешения споров о местных проблемах.

4. Extra-State Wars (войны между государством или государствами и негосударственным образованием).

Война государства или государств с негосударственным образованием вне территории государства. Эти войны делятся на два типа: имперские (системный участник – государство борется с непризнанным государством) или колониальные (государство колонизирует ранее независимую географическую область).

Все базы данных, приведенные в обзоре, отвечают нашим требованиям относительно сбора данных за каждый год конфликта и большого временного промежутка, а также понимания конфликта как вооруженного столкновения как минимум двух сторон, повлекшего за собой человеческие жертвы, однако акцент на том, что одна из сторон конфликта является общепризнанным государством.

вом, сделан в двух базах: «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» и «COW War Data». Обе базы данных также содержат информацию о поддержке одним государством другого в конфликте. Что касается переменной, которая бы позволила определить интенсивность конфликта, то в «COW War Data» указывается число жертв конфликта, а в «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» изначально присутствует переменная интенсивность конфликта исходя из числа жертв (до 1000 человек и свыше 1000 человек). Таким образом, как «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset», так и «COW War Data» подходят для нашего анализа, но важным достоинством базы «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» является то, что она регулярно дополняется и исправляется, что практически решает проблему пропущенных данных. Кроме того, несмотря на то что в «COW War Data» собраны данные за больший временной промежуток (с 1816 по 2007 г.), больший интерес для исследования представляют конфликты, произошедшие после Второй мировой войны. Временной охват базы «UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset» (с 1946 по 2014 г.) и минимальные в сравнении с «COW War Data» пропуски в данных – дополнительные преимущества этой базы, которые позволили нам в конечном счете использовать именно ее для сетевого анализа в данном исследовании.

Моделирование сети межгосударственных конфликтов

Для выявления влияния государств в сетевой структуре конфликтов в первую очередь необходимо построить саму сетевую модель на основе отобранных нами эмпирических данных. Мы использовали набор данных «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» не полностью, поскольку нас интересуют только конфликты, где оба участника – государства, либо конфликты, в которых негосударственный актор поддерживается общепризнанным государством, т.е. нас интересуют два типа конфликтов представленных в базе: межгосударственный вооруженный конфликт (Interstate armed conflict) и интернационализированный внутренний вооруженный конфликт (Internationalized internal armed conflict).

Сетевая модель выглядит следующим образом: акторы конфликта – государства являются узлами (вершинами) сети, а ребра

(связи между вершинами) – факт конфликта между государством А и государством Б. Таким образом мы получим ненаправленный граф.

Однако сетевая модель будет неполной, если не ввести дополнительную переменную, которая позволит учесть интенсивность конфликта. В базе «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» интенсивность конфликта определяется числом жертв (до 1000 жертв и свыше 1000 жертв), но подобное определение интенсивности существенно ограничивает аналитический потенциал модели. Для наших целей необходимо несколько более детальное определение интенсивности конфликта, оно также будет основываться на числе жертв конфликта, но с большим числом градаций, поскольку диапазон жертв конфликта за весь выбранный период (с 1946 по 2014 г.) значительно выше. По причине отсутствия в базе «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» данных о числе жертв каждого конфликта мы использовали дополнительный набор данных – «UCDP Battle-Related Deaths Dataset», в том числе для конфликтов с 1989 по 2014 г. – версию «UCDP Battle-Related Deaths Dataset v.5–2014», а для конфликтов с 1946 по 1988 г. – версию «The Battle Deaths Dataset v.2–2006». Эти наборы данных содержат информацию обо всех боевых потерях в конфликтах, которые указаны в базе данных «UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset» за каждый год конфликта. Мы использовали значение «BDBest» – это наиболее точная оценка «UCDP» для связанных с боевыми действиями потерь в ходе конфликта в данном году.

В результате получена следующая сетевая структура, в которой вершины – государства, связи между вершинами – факт конфликта, интенсивность взаимодействия – число жертв конфликта (рис.).

Построенная сеть отражает только связи, основанные на конфликте, однако представляется интересным расширить данную модель и учитывать также связь, основанную на поддержке сторон конфликта другими странами. Кроме того, в ходе исследования при построении сети был сделан ряд допущений.

Интенсивность связи, которая основана на поддержке, зависит от интенсивности конфликта (чем выше уровень интенсивности конфликта, тем выше степень поддержки), но при этом она нормируется по уровню ВВП. Уровень ВВП не влияет на интенсивность конфликта государства А с государством Б, но если государство А поддерживают несколько других государств, то степень интенсивности их поддержки нормируется по стране с большим ВВП. Это свя-

Если государство А поддерживает государство Б в конфликте с государством В, то государство А также находится в состоя-

нии конфликта с государством В, но его характер и интенсивность на (как минимум) один уровень ниже (опосредованный конфликт первого порядка).

Если в конфликте государства А с государством Б государство В поддерживает А, а государство Г поддерживает Б, то В и Б также конфликтуют, но интенсивность конфликта снижается на два уровня относительно конфликта А и Б (опосредованный конфликт второго порядка).

Приведем ниже все возможные типы взаимоотношений между странами.

1. Прямой конфликт между государствами А и Б.
2. Поддержка государством А государства Б.
3. Опосредованный конфликт первого порядка (если государство А воюет с государством Б, а В поддерживает А, то конфликт В и Б обозначается оранжевым цветом).
4. Опосредованный конфликт второго порядка (если государство А и Б конфликтуют, а государство В поддерживает А и государство Г поддерживает Б, то конфликт между В и Г будет обозначен синим цветом).

В результате мы получили сетевую структуру конфликтов с 1946 по 2014 г., которую показать в настоящей работе по причине ее большого объема невозможно (все сети приведены в: [Сети международных конфликтов, б.г.]).

Подсчет индексов влияния в сетевой модели межгосударственных конфликтов

В рамках построенной сетевой модели были посчитаны следующие классические индексы центральности: «PageRank» и «Eigenvector» – для каждого узла в сети оценивается относительный вес, значение которого зависит от того, с кем связаны соседи конкретного узла. Кроме того, влияние в сети определяется через расчет индексов «SRIC». Для расчета этих индексов дополнительно учитывалось членство государств в военных блоках и региональных организациях обеспечения безопасности.

Сетевая модель межгосударственных конфликтов охватывает большой временной промежуток и в ней учитываются конфликты в разных регионах мира, что является ее достоинством. Однако

неверно предполагать, что влияние той или иной страны не изменялось в течение этого времени. Поэтому для более точного расчета влияния стран мы приняли решение построить сетевые модели с более короткими временными промежутками. В основу нашего разделения легла распространенная периодизация этапов холодной войны, а также период после ее окончания. Кроме того, мы учитывали, что в нашей модели интенсивность конфликта определяется числом жертв конфликта, а это означает, что нецелесообразно разделять крупные конфликты с большим числом жертв (например, Корейскую войну, войну во Вьетнаме и др.) на разные периоды. Таким образом, мы построили сетевые модели по следующим временным периодам:

- 1946–1956 гг.: период после окончания Второй мировой войны;
- 1957–1975 гг.: период крушения колониальной системы и «вспышек» гонки вооружений;
- 1976–1990 гг.: период, предшествовавший распаду СССР – второй сверхдержавы;
- 1991–2000 гг.: период после распада СССР;
- 2001–2007 гг.;
- 2008–2014 гг.

Далее представлены рейтинги стран за каждый период по показателям центральности PageRank и Eigenvector, а также Short-Range Interaction Centrality.

Таблица 1

**Рейтинги стран по трем показателям центральности
в 1946–1956 гг. (после окончания Второй мировой войны)**

Страна	SRIC	PageRank	Eigenvector
КНДР	0,307	0,131	1
СССР	0,240	0,113	0,758
Китай	0,114	0,100	0,694
Пакистан	0,062	0,033	0,075
Египет	0,022	0,026	0,001
Южная Корея	0,021	0,033	0,558
Великобритания	0,017	0,038	0,416
Франция	0,017	0,033	0,415
Таиланд	0,016	0,023	0,334
Канада	0,014	0,024	0,371

По индексам центральности SRIC, а также PageRank и Eigenvector наиболее влиятельная страна в данном периоде – Северная Корея, за ней идут СССР и Китай.

Таблица 2

Рейтинги стран по трем показателям центральности в 1957–1975 гг. (распад колониальной системы и гонка вооружений)

Страна	SRIC	Страна	PageRank	Страна	Eigenvector
Северный Вьетнам	0,177	Северный Вьетнам	0,048	Северный Вьетнам	1
СССР	0,137	Китай	0,044	СССР	0,804
КНДР	0,114	Израиль	0,042	Южный Вьетнам	0,801
Тунис	0,080	Южный Йемен	0,042	Китай	0,715
Индонезия	0,055	СССР	0,035	КНДР	0,641
Китай	0,054	Индонезия	0,032	Австралия	0,583
Южный Вьетнам	0,042	Гондурас	0,029	США	0,577
Куба	0,037	КНДР	0,028	Таиланд	0,548
Южный Йемен	0,036	Южный Вьетнам	0,026	Южная Корея	0,544
Австралия	0,031	США	0,025	Филиппины	0,539

По индексам центральности PageRank и Eigenvector, а также SRIC на первом месте Северный Вьетнам, на втором по индексам SRIC и Eigenvector – СССР, а по индексу PageRank – Китай. В целом СССР и Китай остаются влиятельными на протяжении обоих рассматриваемых периодов (с 1946 по 1975 г.), а Северная Корея, которая до 1957 г. занимала верхнюю строчку по всем индексам, остается в этом периоде на третьем месте по индексу, учитывающему ближние взаимодействия.

Таблица 3

Рейтинги стран по трем показателям центральности в 1976–1990 гг. (период перед распадом СССР)

Страна	SRIC	Страна	PageRank	Страна	Eigenvector
Панама	0,456	Вьетнам	0,048	Ливан	1
Гренада	0,228	Ирак	0,045	Израиль	0,707
Аргентина	0,103	Ливан	0,045	Сирия	0,707
Вьетнам	0,054	ЮАР	0,045		
Пакистан	0,037	США	0,045		
Чад	0,027	Чад	0,045		
Ирак	0,021	Ливия	0,044		
Великобритания	0,018	Иран	0,033		
Ангола	0,008	Танзания	0,031		
Ливан	0,007				

Наибольший показатель PageRank у Вьетнама, а Eigenvector – у Ливана, при этом наиболее влиятельные страны по индексу, который учитывает ближние взаимодействия, в данном промежутке – Панама, Гренада и Аргентина.

Таблица 4

**Рейтинги стран по трем показателям центральности
в 1991–2000 гг. (период после распада СССР)**

Страна	SRIC	Страна	PageRank	Страна	Eigenvector
Ирак	0,679	Ирак	0,240	Ирак	1
Югославия	0,283	Югославия	0,057	Кувейт	0,260
Пакистан	0,019	Босния и Герцеговина	0,025	США	0,215
Эквадор	0,002	Азербайджан	0,023	Франция	0,203
Сьерра-Леоне	0,001	ДР Конго (Заир)	0,022	Великобритания	0,202
Камерун	0,001	Руанда	0,020	Италия	0,202
Босния и Герцеговина	0,001	Уганда	0,020	Канада	0,197
Индия	0,001	Ангола	0,019	Испания	0,197
Перу	0,001	Сьерра-Леоне	0,017	Нидерланды	0,194
Уганда	0,0006	Республика Конго	0,017	Бельгия	0,191

По индексам центральности PageRank и Eigenvector, а также SRIC на первом месте Ирак. Югославия на втором месте по индексу, учитывающему ближние взаимодействия и PageRank.

Таблица 5

**Рейтинги стран по трем показателям центральности
в 2001–2007 гг.**

Страна	SRIC	Страна	PageRank	Страна	Eigenvector
Афганистан	0,711	Афганистан	0,240	Афганистан	1
Ирак	0,256	Руанда	0,099	США	0,343
Пакистан	0,024	Ирак	0,053	Австралия	0,343
Индия	0,003	Азербайджан	0,041	Великобритания	0,343
Руанда	0,001	Индия	0,041	Ирак	0,276
США	0,0004	Пакистан	0,041	Франция	0,268
Великобритания	0,0004	США	0,037	Германия	0,268
Австралия	0,0004	Австралия	0,037	Италия	0,268

В этом периоде наиболее влиятельная страна по всем индексам – Афганистан.

Таблица 6

**Рейтинги стран по трем показателям центральности
в 2008–2014 гг.**

Страна	SRIC	Страна	PageRank	Страна	Eigenvector
Пакистан	0,387	Азербайджан	0,081	Грузия	1
Украина	0,263	ДР Конго (Заир)	0,081	Россия	1
Грузия	0,131	Грузия	0,065	Южная Осетия	0,780
Камбоджа	0,081	Россия	0,065	Украина	0,780
Индия	0,044	Камбоджа	0,055		
Россия	0,039	Джибути	0,055		
Южный Судан	0,015	Эритрея	0,055		
Армения	0,013	Индия	0,055		
ДР Конго (Заир)	0,006	Пакистан	0,055		
Судан	0,003	Южный Судан	0,055		

По показателю центральности PageRank на первом месте Азербайджан, по показателю центральности Eigenvector – Грузия и Россия. Наиболее влиятельные страны по индексам, учитывающим близкие взаимодействия – Грузия, Пакистан и Украина.

Сетевой анализ модели конфликтов, представленной в данном исследовании, позволяет сделать ряд интересных выводов. Во-первых, центры сети наиболее четко выделяются, если в сети есть один крупный конфликт с большим числом участников, при этом двусторонние конфликты оказываются на периферии. Во-вторых, клики (сетевые образования с наивысшей степенью интенсивности взаимодействия) образуются вокруг стран, участвующих в крупных конфликтах, с большим количеством стран, оказывающих поддержку одной из сторон. В-третьих, в некоторых случаях сетевая модель, основанная только на конфликтах (без поддержки), представляет собой набор двух-трех сторонних взаимодействий, однако, если добавить в модель связи, основанные на поддержке одной страны другой, то получается намного более богатая сетевая структура. В-четвертых, страны с высокими показателями «PageRank» и «Eigenvector» не всегда являются наиболее влиятельными акторами, например, в модели с временным промежутком с 1976 по 1990 г. наибольший показатель PageRank у Вьетнама, а Eigenvector – у Ливана. В-пятых, несмотря на имеющиеся исключения в большинстве случаев страны с высокими по-

казателями «PageRank» и «Eigenvector» имеют высокие показатели индексов SRIC, например Афганистан в периоде с 2001 по 2007 г. или Северный Вьетнам во временном периоде 1957–1975 гг.

Заключение

Как уже было отмечено выше, теория политических сетей и сетевой анализ первоначально и вполне успешно были использованы для описания того, как и кем принимаются решения, когда участников этого процесса формально много и процедуры принятия решений систематически не искажаются. Конечно, и на уровне выше государств также существуют организации, в которых решения принимаются в соответствии с процедурами, схожими с теми, которые применяются, например, в национальных парламентах. Однако международные отношения и мировая политика в силу участия множества акторов с разными статусами – это существенно более сложная реальность.

В настоящей статье мы описали опыт применения сетевого анализа к такому заметному явлению в международных отношениях и мировой политике, как конфликты между государствами с масштабным использованием вооруженных сил. Иными словами, мы применили сетевой подход к военным конфликтам и войнам с участием государств.

Использование в сетевом анализе нового индекса влияния (SRIC) дает возможность по-новому посмотреть на акторов конфликтов и их взаимоотношения, поскольку позволяет учитывать опосредованное влияние государств, которые не являются первичными сторонами конфликта. Применительно к представленному опыту использования сетевого анализа надо признать, что благодаря индексу, учитывающему не прямые взаимодействия в сети, получено объемное представление вооруженных конфликтов.

Список литературы

Батура Т.В. Методы анализа компьютерных социальных сетей // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Информационные технологии. – Новосибирск, 2012. – Т. 10, Вып. 4. – С. 13–28.

- Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2015. – № 4. – С. 119–138.
- Сети международных конфликтов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Mode of access: <https://www.hse.ru/DeCAN/conflicts> (Дата посещения: 24.08.2016.)
- Aleskerov F.T., Meshcheryakova N.G., Shvydun S.V. Centrality measures in networks based on nodes attributes, long-range interactions and group influence // Series WP7 «Mathematical methods for decision making in economics, business and politics». – М.: HSE Publishing House, 2016. – N WP7/2016/04. – P. 1–44.
- Aleskerov F.T. Power indices taking into account agents' preferences // Mathematics and democracy / B. Simeone, F. Pukelsheim (eds). – Berlin: Springer, 2006. – P. 1–18.
- Aleskerov F.T., Andrievskaya I.K., Permjakova E.E. Key borrowers detected by the intensities of their short-range interactions // Working papers by NRU Higher School of Economics. Series FE «Financial Economics». – М.: HSE Publishing House, 2014. – N WP BRP 33/FE/2014. – P. 1–18.
- Battle deaths dataset 1946–2005: codebook for version 2.0. – 2006. – Mode of access: https://www.prio.org/Global/upload/CSCW/Data/BattleDeath/Code_Book_2.pdf (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Battle-related deaths dataset codebook: Version 5.0 – 2014. – 2014. – Mode of access: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/124/124934_1codebook-ucdp-battle-related-deaths-datasets-v.5-2014.pdf (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Borgatti S.P., Foster P. The network paradigm in organizational research: A review and typology // Journal of Management. – Thousand Oaks, 2003. – Vol. 29, N 6. – P. 991–1013.
- Borzel T.A. Organizing Babylon – On the different conceptions of policy networks // Public Administration. – Oxford, 1998. – Vol. 76, N 2. – P. 253–273.
- Breiger M. The analysis of social networks // Handbook of data analysis / M. Hardy, A. Bryman (eds). – L.: Sage, 2004. – P. 505–526.
- Comparing policy networks: Labour politics in the US, Germany and Japan / D. Knoke, F. Pappi, J. Broadbent, J. Tsujinaka. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1996. – 308 p.
- COW war data // The correlates of war project. – Mode of access: <http://www.correlatesofwar.org/data-sets/COW-war> (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Dorussen H., Gartzke E.A. Networked international politics: Complex interdependence and the diffusion of conflict and peace // Journal of peace research. – Thousand Oaks, 2016. – N 53. – P. 283–291.
- Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, culture and the problem of agency // The American journal of sociology. – Chicago: The univ. of Chicago press, 1994. – Vol. 99. – P. 1411–1452.
- Explorations in to the visualization of policy networks / U. Brandes, P. Kenis, J. Raab, V. Schneider, D. Wagner // Journal of theoretical politics. – L., 1999. – Vol. 11. – P. 75–106.
- GDP and its breakdown at current prices in US Dollars // National accounts main aggregates database. – Mode of access: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnllist.asp> (Дата посещения: 01.08.2016.)

- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H.* Network analysis for international relations // International organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – Vol. 63, N 3. – P. 559–592.
- Keast R., Brown K.* The network approach to evaluation: Uncovering patterns, possibilities and pitfalls // Paper prepared for presentation at the Australasian Evaluation Society International Conference South Bank, Brisbane 10–12 October 2005. – Brisbane, 2005. – P. 1–10.
- Kenis P., Schneider V.* Policy networks and policy analysis: Scrutinizing a new analytical toolbox // Policy networks. Empirical evidence and theoretical considerations. – Boulder: Westview Press, 1991. – P. 25–62.
- Klijn E.H.* Analyzing and managing policy processes in complex networks: A theoretical examination of the concept policy network and its problems // Administration and society. – Thousand Oaks, 1996. – Vol. 28 (1). – P. 90–119.
- Knock D.* Political networks. The structural perspective. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 308 p.
- Knock D., Kuklinski J.* Network analysis. – Beverly Hills; L.: Sage, 1982. – 96 p.
- Maddison historical GDP data // World economics. – Mode of access: <http://www.world-economics.com/Data/MadisonHistoricalGDP/Madison%20Historical%20GDP%20Data.efp> (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Marshall M.G.* Center for Systemic Peace, MEPRV codebook. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr/MEPRVcodebook2015.pdf> (Дата посещения: 22.08.2016.)
- Marshall M.G.* State fragility and warfare in the global system 2015 // Major episodes of political violence. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/warlist/warlist.htm> (Дата посещения: 01.08.2016.)
- Sarkees R., Reid M., Wayman F.* Codebook for the extra-state wars (Version 4.0): Definitions and variables. – Mode of access: <http://cow.dss.ucdavis.edu/data-sets/COW-war/extra-state-wars-codebook> (Дата посещения: 22.08.2016.)
- Sarkees R., Reid M., Wayman F.* Codebook for the intra-state wars (Version 4.0): Definitions and variables. – Mode of access: <http://cow.dss.ucdavis.edu/data-sets/COW-war/intra-state-war-data-codebook> (Дата посещения: 22.08.2016.)
- Sarkees R., Reid M., Wayman F.* Resort to war: 1816–2007. – Washington DC: CQ Press, 2010. – 577 p.
- Sarkees R., Reid M., Wayman F.* Codebook for the inter-state wars (Version 4.0): Definitions and Variables. – Mode of access: <http://cow.dss.ucdavis.edu/data-sets/COW-war/inter-state-wars-codebook> (Дата посещения: 22.08.2016.)
- Sarkees R., Reid M., Wayman F.* Codebook for the Non-state Wars (Version 4.0): Definitions and Variables. – Mode of access: <http://cow.dss.ucdavis.edu/data-sets/COW-war/non-state-wars-codebook-1> (Дата посещения: 22.08.2016.)
- UCDP battle-related deaths dataset v.5 – 2015, 1989–2014 / The Department of peace and conflict research. – 2015. – Mode of access: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_battle-related_deaths_dataset/ (Дата посещения: 01.08.2016.)
- UCDP / PRIO armed conflict dataset // PRIO. – Mode of access: <https://www.prio.org/Data/Armed-Conflict/UCDP-PRIO/> (Дата посещения: 01.08.2016.)

UCDP /P RIO armed conflict dataset codebook: Version 4 – 2013. – 2013. – Mode of access: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/124/124920_1codebook_ucdp_prio-armed-conflict-dataset-v4_2013.pdf (Дата посещения: 01.08.2016.)

Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – 857 p.

Zeev M. How network analysis can inform the study of international relations// Conflict management and peace science. – Thousand Oaks, 2012. – N 29. – P. 247–256.

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СТРАН
В СЕТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ /
Ф.Т. Алескеров, Н.Г. Мещерякова,
А.Н. Резяпова, С.В. Швыдун***

Аннотация. В работе рассматривается применение сетевого подхода к проблеме международной миграции. Международная миграция может быть представлена в качестве сети (или взвешенного оргграфа), в которой вершинами являются страны, а ребрам соответствуют миграционные потоки между ними. Основной целью исследования является выявление набора ключевых элементов в сети. Для этого рассчитаны классические индексы центральности и разработаны собст-

* **Алескеров Фуад Тагиевич**, доктор технических наук, ординарный профессор, заведующий Международной научно-учебной лабораторией анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, руководитель департамента математики факультета экономических наук НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией ИТУ РАН, e-mail: alesk@hse.ru; **Мещерякова Наталья Геннадьевна**, студентка, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, техник Института проблем управления РАН, e-mail: natamesc@gmail.com; **Резяпова Анна Николаевна**, студентка, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, e-mail: annrezyapova@gmail.com; **Швыдун Сергей Владимирович**, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Института проблем управления РАН, shvydun@hse.ru;

Aleskerov Fuad, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: alesk@hse.ru; **Meshcheryakova Natalia**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: natamesc@gmail.com; **Rezyapova Anna**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: annrezyapova@gmail.com; **Shvydun Sergey**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: shvydun@hse.ru.

венные индексы дальних взаимодействий (LRIC). В основу исследования положены данные Организации Объединенных Наций (ООН) о ежегодных миграционных потоках между странами (версии 2008, 2015).

Ключевые слова: международная миграция; сетевой анализ; влияние.

An analysis of countries' influence through international migration network /

F.T. Aleskerov, N.G. Meshcheryakova, A.N. Rezykova, S.V. Shvydun

Abstract. The study employs the network approach to the problem of international migration. The international migration is represented as a network (or weighted-directed graph) where the nodes correspond to countries and the edges correspond to migration flows. The study reveals a set of critical or central elements in the network. Various existing centrality measures were calculated and several long-range interaction centrality (LRIC) were designed. The results are based on the United Nations International Migration Flows Database (version 2008, 2015) that provides the annual dyadic estimates of migration flows between countries.

Keywords: international migration; network analysis; influence.

Введение

Роль международной миграции в настоящее время неуклонно возрастает. Согласно последнему отчету Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН) численность международных мигрантов в мире растет быстрее, чем мировое население: «По прогнозу, численность населения мира в обозримом будущем продолжит расти и, как ожидается, достигнет к 2050 г. 9,7 млрд человек. Если доля международных мигрантов останется постоянной, то к 2050 г. их численность во всем мире достигнет 321 млн. человек» [In safety... 2016]. Из всего вышесказанного следует, что международная миграция – сфера, требующая новых научных теорий и политических стратегий для решения задач, стоящих как перед принимающими, так и перед отправляющими странами.

Теория международной миграции имеет длинную историю развития, начиная с Адама Смита в XVIII в. [см.: Smith, 1976]. С того времени появилось значительное количество работ, объясняющих причины и последствия международной миграции.

Новым подходом для анализа потоков международной миграции выступает сетевой анализ, который позволяет представить

страны, вовлеченные в процесс международной миграции, в виде графа, в котором вершины – страны, а ребра – потоки миграции между ними. Данный подход помогает отобразить потоки миграции между любыми двумя странами как неотъемлемую часть всей сети стран, а также показать, как изменения в одном потоке могут сказаться на потоках между другими странами.

Цель нашей работы – обнаружение стран, имеющих наибольшую важность в сети международной миграции. Для этого была произведена оценка классических и новых индексов центральности. Классические индексы центральности являются фундаментальным атрибутом в сетевом анализе и имеют большое значение для отражения наиболее многочисленных потоков миграции в мире, произошедших за определенный период. Тем не менее существует потребность в том, чтобы учесть не прямое влияние в сети и характеристики вершин. Для этого в нашей работе применяются индексы ближних и дальних взаимодействий, которые учитывают не прямые взаимодействия в сети и население принимающей страны в качестве характеристики вершины.

Обзор литературы

Миграция является одним из фундаментальных процессов, который затрагивает различные стороны жизни человека и общества в целом. Поэтому изучением миграции занимались в различных областях науки: в экономике, в статистике, в демографии, социологии и математике. Литературу, на которую опирается наша работа, можно разделить на две категории: теории, которые рассматривают миграцию на уровне страны и между двумя странами и применение сетевого подхода к объяснению потоков миграции.

Для начала рассмотрим наиболее ранние работы и их вклад в изучение миграции. Стоит отметить, что список работ основан на обзоре теорий миграции в справочнике по экономике международной миграции [Migration and remittances, 2015].

Примечательно, что одним из первых ученых, обративших внимание на данный процесс, был Адам Смит [см.: Smith, 1976]. Основная причина миграции, согласно гипотезе А. Смита, состояла в том, что в различных регионах разница между оплатой труда в сельской и городской местности превышала разницу в ценах на

товары, поэтому люди переезжали в город. Он также сравнивал потоки миграции с торговыми потоками и пришел к выводу, что торговля более интенсивна, чем миграция, так как у миграции больше барьеров: «man is of all sorts of luggage the most difficult to be transported» [Smith, 1976].

Наиболее известной теорией, предложенной после Адама Смита, были «Законы» миграции Равенштайна [Ravenstein, 1889]. Данная теория была основана на данных Британской переписи населения, миграционной статистике и данных о естественном движении населения. Все эмпирические наблюдения Равенштайн сформулировал в виде перечня из 11 законов, которым подчиняется миграция населения. Приведем тезисы, наиболее актуальные для нашего исследования: 1) большинство мигрантов перемещаются на короткие расстояния, 2) быстро растущие города населены мигрантами из ближайших сельских местностей, а дефицит, образующийся в сельской местности, заполняется людьми из еще более отдаленных территорий, 3) крупная волна миграции образует компенсирующую контрволну.

Важное место в моделировании миграции занимает гравитационная теория, применяющая закон о гравитационном притяжении между двумя телами Ньютона к миграции населения между двумя странами. Ципф [Zipf, 1946] предложил данную теорию в терминах населения стран назначения и происхождения мигранта и расстояния между ними. Гипотеза состоит в том, что объем миграции между двумя территориями прямо пропорционален населению этих территорий и обратно пропорционален расстоянию между ними:

$$Y = P_1 * P_2 / D_{12},$$

где P_1 – население в стране происхождения, P_2 – население в стране назначения, D – расстояние между странами.

Интерпретация данной гипотезы довольно проста: обратная зависимость от расстояния объясняется тем, что с увеличением дистанции путешествие становится дорогим, влечет большие затраты, а прямая зависимость от населения страны отправления объясняется тем, что в стране есть часть населения, которая склонна к миграции, а с увеличением населения количество людей, склонных к миграции, возрастает. С увеличением населения страны назначения увеличивается количество рабочих мест и воз-

можностей, что делает страну более привлекательной для иммигрантов.

Гравитационные модели получили широкое распространение после работы Дж. Тинбергена [Tinbergen, 1962] для моделирования международных потоков торговли. В этом случае, как правило, вместо населения берут ВВП двух стран. Данные модели применяются и сейчас для объяснения потоков миграции, например, в работе Траноса [Tranos, 2015], которая будет рассмотрена позднее.

Причины миграции объясняет теория push-pull факторов [Lee, 1966]. Согласно данной теории, существует четыре группы факторов, влияющих на уровень миграции между двумя странами: притягивающие (pull factors) и выталкивающие факторы (push factors), которыми обладают как страна назначения, так и страна происхождения мигранта, также есть личные факторы (personal factors) и промежуточные препятствия (intervening obstacles). В качестве притягивающих факторов страны назначения могут выступать, например, высокая заработная плата, наличие рабочих мест, высокий размер социальных пособий, стабильная политическая обстановка, благоприятные климатические условия. Напротив, низкая заработная плата, безработица и наличие конфликтов являются выталкивающими факторами в отправляющей стране. Личные факторы индивидуальны для каждого мигранта и могут быть совершенно разными, а промежуточными препятствиями могут быть большое расстояние между странами и особенности миграционного законодательства.

Миграция с экономической точки зрения – это индивидуальное инвестиционное решение, которое увеличивает продуктивность человеческого капитала [Sjaastad, 1962]. Данная теория была первой попыткой применения теории человеческого капитала к изучению миграции. Идея состоит в том, что мигрант выбирает местожительство, которое принесет ему максимальную чистую доходность от имеющегося у него человеческого капитала. Таким образом задача сводится к максимизации индивидуумом прибыли от миграции (π) из региона А в регион В в каждый момент времени. Предполагается, что существуют различия в зарплате между регионами и что индивид выйдет на пенсию в течение T периодов. Тогда в дискретном времени прибыль от миграции вычисляется по следующей формуле:

$$\pi = \sum_{t=1}^T \frac{(W_t^B - W_t^A)}{(1+i)^t} - \sum_{t=1}^T \frac{(CL_t^B - CL_t^A)}{(1+i)^t} - C(D, X),$$

а в непрерывном:

$$\pi = \int_{t=0}^T [W_t^B - W_t^A - CL_t^B + CL_t^A] e^{rt} dt - C(D, X),$$

где W_t^B и W_t^A – заработок в регионе назначения и происхождения мигранта соответственно, CL_t^B и CL_t^A – стоимость жизни в регионе В и А соответственно, i – ставка дисконтирования, C – издержки миграции из А в В, которые зависят от расстояния между регионами (D) и других факторов, влияющих на издержки (X). Как в дискретном, так и в непрерывном времени индивид принимает решение мигрировать из региона А в В только в том случае, если $\pi > 0$.

Модель человеческого капитала послужила основой для многих современных моделей, объясняющих причины миграции. Более поздние модели учитывают большее количество факторов, влияющих на миграцию, таких как наличие родственных связей в стране назначения [Yap, 1977], рассматривая семью в качестве единицы анализа [Mincer, 1978], возраст мигранта [Polachek, Horvath, 1977], денежные переводы мигрантов [Brown, 2015]. С более подробным анализом теорий миграции можно ознакомиться в [Handbook of Economics... 2015].

Теории, описанные выше, рассматривают миграцию на разных уровнях: на макроуровне (между странами, регионами), на микроуровне (индивидуума). Однако их объединяет то, что миграция является двусторонним процессом и миграционные потоки между любыми двумя странами существуют независимо от потоков между другими странами.

Однако процесс миграции сложен, и уровень миграции между двумя странами может зависеть не только от факторов, относящихся к этим странам, но и от потоков миграции между другими странами. При сетевом подходе совокупность стран – это не совокупность независимых единиц, а сеть, в которой все страны связаны через потоки мигрантов. Миграция моделируется как граф, в

котором узлами являются страны, а ребрами – численность мигрантов или потоки мигрантов между ними.

В работе [Fagiolo, Mastroiello, 2012] было представлено применение сетевого подхода к миграции на основе базы данных Всемирного банка о международной миграции [Global Bilateral Migration Database] по каждому десятилетию за период с 1960 по 2000 г. База данных содержит информацию о численности иностранного населения в 226 странах.

В данном исследовании сеть международной миграции моделируется как взвешенный направленный граф, в котором узлами являются страны, а ребра соответствуют численности мигрантов. Интересные результаты были получены на основе анализа бинарных и взвешенных характеристик сети, кластерного анализа на основе структуры сети и построения гравитационных моделей.

Анализ взвешенных характеристик сети показал, что численность мигрантов с 1960 по 2000 г. увеличилась. К тому же количество взаимосвязей в сети также увеличилось, страны стали более взаимосвязаны через потоки международной миграции, что в целом соответствует трендам международной миграции [International migration report... 2015].

Сеть международной миграции характеризовалась ярко выраженной кластеризацией. Были сформированы следующие кластеры: азиатский и южноафриканский, страны бывшего СССР, европейские страны и Америка. Еще одно свойство, которым характеризовалась сеть международной миграции в данной работе, состояло в том, что страны с малой численностью мигрантов наиболее вероятно будут связаны со странами с большим количеством мигрантов. Иными словами, существуют устоявшиеся страны происхождения и назначения мигрантов.

Результаты построения линейной регрессии и гравитационных моделей обнаружили тот факт, что социальные, политические и географические факторы имеют большее значение для объяснения потоков миграции между странами, чем локальные характеристики сети.

В целом в работе [Fagiolo, Mastroiello, 2012] представлено фундаментальное исследование международной миграции с помощью применения сетевого анализа, результаты которого находят значимые эмпирические подтверждения. Однако кроме статистики о численности мигрантов существуют также данные о

потоках мигрантов, прибывающих в страны в определенные промежутки времени. В нашей работе мы используем базу данных о потоках международной миграции, предоставленную Организацией Объединенных Наций (ООН) [International migration flows...].

Более ранние теории помогают сформировать понимание базовых факторов, влияющих на миграцию, что необходимо для анализа современной международной миграции. Последние исследования показывают, что международная миграция стала более сложным процессом, в котором развиваются новые взаимосвязи между странами, а существующие усиливаются. Изменения в международной мобильности могут иметь колоссальные последствия для мирового сообщества. Поэтому при изучении международной миграции большую актуальность имеет сетевой анализ, который помогает обнаружить страны, имеющие наибольшее влияние в сети международной миграции.

Данные

Данные по международной миграции, как правило, представлены двумя статистическими показателями: численность мигрантов и потоки миграции. Миграционный поток соответствует числу людей, прибывших в страну или выбывших из нее за определенный временной промежуток. Численность мигрантов – это общее число людей, проживающих в стране, отличной от страны их постоянного проживания в определенный момент времени. Ключевое отличие этих показателей состоит в том, что численность мигрантов – это накопленный показатель, а статистика по потокам мигрантов отражает факт иммиграции или эмиграции.

В нашей работе мы используем данные по потокам мигрантов, собранные отделом народонаселения ООН последней версии [International migration flows...]. База данных основана на миграционной статистике стран, предоставивших данные по входящим и исходящим потокам мигрантов за определенные временные промежутки. В базе данных представлена информация о потоках миграции с 1980 по 2013 г., предоставленная 45 странами. Наша работа основана на данных за 2013 г. Список стран, предоставивших статистику по притоку и оттоку мигрантов за данный период, приведен в Приложении 1.

Под международным мигрантом понимается любое лицо, изменившее страну своего обычного проживания. Однако миллионы людей регулярно пересекают международные границы: туристы, временные мигранты, сезонные рабочие. Для того чтобы исключить их из международной миграционной статистики, страны применяют временной критерий – минимальное время нахождения в стране назначения. Существуют следующие временные критерии: постоянное место жительства, ожидаемое время пребывания не менее одного года, шести месяцев, три месяца, некоторые страны используют другие критерии либо не используют никаких.

Миграционные службы различных стран применяют три разных критерия для определения страны происхождения / назначения мигранта: 1) страна предыдущего / последующего проживания (Residence), 2) гражданство (Citizenship), 3) место рождения (Place of Birth). Распределение стран по данному критерию представлено в таблице ниже (таблица 1).

Таблица 1

Распределение стран по критерию для страны происхождения

	Приток	Отток
Гражданство	36	37
Страна предыдущего проживания	43	44
Место рождения	1	-

Большинство стран используют критерий по месту предыдущего проживания мигранта. В списке этих стран отсутствуют США и Канада, где применяются критерии только по месту рождения и гражданству соответственно.

Важно, чтобы критерии по стране происхождения были одинаковыми для тех стран, для которых это возможно. Поэтому в качестве предпочтительного критерия был выбран Residence, потому что он дает представление о стране проживания мигранта, и по нему больше всего данных. Для тех случаев, когда есть информация по критерию Residence и по другому критерию, предпочтение отдается критерию Residence.

Как было описано выше, данные содержат статистику по миграции, собранную 45 странами, в которых критерии для определения страны происхождения мигранта различаются, поэтому

если данные по одному и тому же потоку предоставляют несколько стран одновременно, иногда возникают расхождения в данных, а также потоки, в которых страна назначения и страна происхождения мигранта совпадают (петли в терминах сетевого анализа).

Рассмотрим петли в потоках мигрантов и причины их возникновения. Для большинства стран, по которым есть объяснения в документации к данным, например Швеции, Испании, подобные случаи объясняются тем, что страна происхождения мигранта определялась по его гражданству и в петли попали люди, вернувшиеся в страну, гражданами которой они и являются. В данном случае эта информация не представляет для нас ценности, потому что ничего не говорит о стране, из которой приехал мигрант. Другой пример: для данных Австралии петли – это миграция между Австралией и ее внешними островными территориями. В мировом масштабе такие перемещения допустимо считать внутренней миграцией, поэтому эти данные также не информативны. Остальные страны не представляют объяснений подобным случаям, будем считать, что для них петли объясняются одним из названных выше способов. Из этого можно сделать вывод, что случаи совпадения страны происхождения и назначения из наблюдений можно исключить, так как на их основе нельзя сделать каких-либо содержательных выводов.

Также в данных наблюдалось небольшое количество расхождений: всего из 6045 наблюдений за 2013 г. в 283 данные по одному и тому же потоку, предоставленные разными странами, не совпадали. Для всех этих случаев было взято среднее значение миграционного потока между странами.

В международных сравнениях в миграции всегда существует определенная погрешность в статистике, так как у всех стран различные методы сбора данных, различные критерии для определения мигрантов, их страны происхождения. Описанные выше меры должны помочь сделать данные более сопоставимыми, а анализ более точным.

Индексы центральности

Международная миграция обычно характеризуется такими простыми показателями, как приток и отток мигрантов, чистый и валовый миграционный приток. Данные показатели являются ба-

зовыми и необходимыми для многих стран в реализации миграционной политики. Тем не менее международная миграция формирует сеть стран, взаимосвязанных через потоки миграции. Поэтому в нашем анализе международная миграция представлена в виде графа, в котором вершинами являются страны, а ребрами – потоки миграции между ними.

В нашей работе представлен сетевой анализ международной миграции с помощью вычисления индексов центральности. Основная цель данного подхода состоит в ранжировании стран на основе важности их роли в процессе международной миграции.

Во-первых, потоки международной миграции оцениваются с помощью классических индексов центральности. Во-вторых, предложено использование новых индексов центральности, обладающих определенными преимуществами по сравнению с классическими индексами.

Классические индексы центральности

Анализ производится с помощью вычисления следующих классических индексов центральности: *weighted degree*, *closeness*, *eigenvector* и *PageRank*.

Центральность *weighted degree* в нашем случае имеет четыре формы: *weighted in-degree*, *weighted out-degree*, *weighted degree difference* (= *weighted in-degree* – *weighted out-degree*) и *weighted degree* [Freeman, 1979]. Центральность *weighted in-degree* (WInDeg) соответствует числу входящих стрелок с учетом весов на ребрах, а в терминах миграции – числу приехавших мигрантов. *Weighted out-degree* (WOutDeg) представляет собой число исходящих стрелок с учетом весов на ребрах, соответственно число эмигрантов. *Weighted Degree Difference* (WDegDiff) – это разница между притоком или оттоком мигрантов или чистый миграционный приток. *Weighted Degree* (WDeg) соответствует сумме миграционного притока и оттока, т.е. валовой миграции для каждой страны. Перечисленные выше индексы центральности дают базовое понимание процесса международной миграции: информацию о притоке и оттоке мигрантов, чистой и валовой миграции.

Индекс центральности *closeness* (Clos) [Bavelas, 1950] в сети международной миграции показывает, насколько близко страна

расположена к крупным потокам миграции. Данная мера характеризуется тем, что учитывает только короткие пути между вершинами, а также она чувствительна к изменениям в структуре сети: небольшие изменения могут привести к значительным изменениям в рейтинге стран по данному индексу. Также страны с высоким значением *closeness* не обязательно имеют большой приток или отток мигрантов. Данный индекс предоставляет информацию о потенциальном миграционном потоке для конкретной страны с помощью оценивания ее близости к большим потокам миграции. Страны с низким значением *closeness*, как правило, незначительно вовлечены в процесс международной миграции.

Центральность *Eigenvector* [Bonacich, 1972] и ее аналог *PageRank* [Brin, Page, 1998] основаны на идее о том, что определенная вершина в сети имеет большую важность, если соседние страны имеют большую важность. В сети международной миграции эти индексы выделяют страны – центры международной миграции, а также те страны, которые напрямую связаны с ними через потоки миграции.

Индексы ближних и дальних взаимодействий

Индексы ближних и дальних взаимодействий, в отличие от классических индексов центральности, учитывают население страны назначения мигранта, а также не прямое влияние стран в сети.

Важно учитывать не прямые взаимодействия в сети миграции по следующим причинам. Во-первых, мигранты из страны А могут попадать в страну В не напрямую, а используя более длинные маршруты. В данном случае необходимо определить страну с максимальным непрямым влиянием в сети, т.е. исходную страну, генерирующую потоки миграции. Во-вторых, тесные взаимосвязи между странами в сети международной миграции приводят к тому, что потоки миграции между двумя странами могут привести к появлению потоков между другими странами. В данном случае потоки миграции необязательно состоят из одних и тех же людей, так как не учитываются различные характеристики мигрантов (национальность, пол и др.). Оба случая возможны при анализе взаимодействий в сети миграции, поэтому не прямое влияние играет важную роль в данном анализе.

Индекс ближних взаимодействий (*Short-Range Interaction Centrality Index, SRIC*) основан на идее, которая была впервые предложена в работе [Aleskerov, 2006] для анализа влияния в парламенте. Ключевое отличие данного индекса от классических индексов центральности состоит в том, что он учитывает не прямое влияние в сети и население принимающей страны.

Население принимающей страны учитывается через введение квоты по населению, которую мы предлагаем установить на уровне 0,1% от населения принимающей страны. Если потоки мигрантов из страны А в страну В составляют менее 0,1% от населения страны В, значит, страна А не имеет влияния на страну В через потоки мигрантов.

Группа стран, общее число мигрантов в которой превышает квоту по населению принимающей страны или равно ей, образует критическую группу страны. Страна является ключевой в группе, если без этой страны группа перестает быть критической. Интенсивность взаимосвязи вычисляется по следующей формуле:

$$f(b, w_a) = \frac{p_{ba} + \dot{p}_{ba}}{|w_a|},$$

где w_a – критическая группа стран по отношению к стране А (страна назначения), в которой страна В (отправляющая страна) является ключевой, p_{ba} – общее число мигрантов, приехавших из страны В в страну А напрямую, а \dot{p}_{ba} – общее число мигрантов, попавших из страны В в страну А не напрямую, а через другие страны. Примеры непрямого взаимодействия между странами представлены на рисунке.

Как видно на графе выше, существует четыре способа попадания из А в В₃: 1) напрямую – А-В₃, 2) А-В₁-В₃, 3) А-В₂-В₃ и 4) А-В₁-В₄-В₂-В₃. Классические индексы центральности оценивают только прямое взаимодействие между странами в сети (случай 1). SRIC учитывает не прямые взаимодействия первого уровня, как в случаях 2) и 3). Однако мигранты из страны А могут попасть в В₃ используя более длинные маршруты, как в примере 4), и в этом случае нам нужно пересчитать индекс с учетом маршрутов порядка s (в данном случае 3-го порядка). Поэтому был предложен новый способ оценивания подобного влияния.

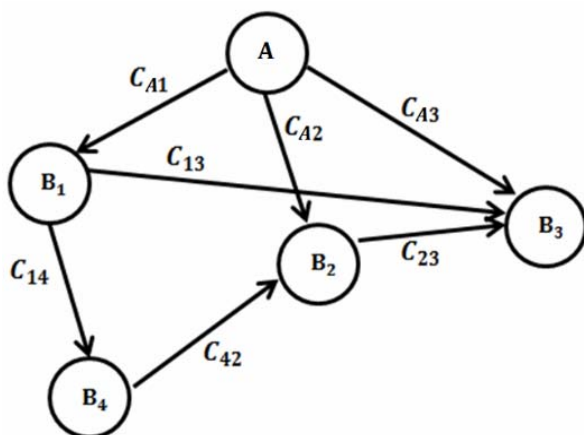

Рис. 1.

Прямое и не прямое влияние между странами в сети

Индекс дальних взаимодействий (*Long-Range Interaction Centrality Index, LRIC*) оценивает влияние страны, учитывая все возможные пути между странами в сети международной миграции. Методология индекса была предложена в работе [Aleskerov, Meshcheryakova, Shvydun, 2016]. Основная идея состоит в том, что вначале вычисляется прямое влияние между странами, затем оценивается не прямое влияние и происходит его агрегирование.

Не прямое влияние между элементами i и j может быть оценено двумя способами: 1) как произведение прямых влияний, 2) как минимальное из всех влияний в цепочке.

Между двумя странами может быть не один возможный путь в сети, а несколько, поэтому для учета всех возможных путей производится их агрегирование, которое также может вычисляться двумя способами: 1) как сумма влияний, 2) как максимальное из всех возможных влияний.

В нашем анализе представлены результаты для случая минимального непрямого влияния и максимального влияния на путях – LRIC (MinMax).

Таким образом, в нашей работе представлено исследование влияния стран в сети международной миграции с помощью классических индексов центральности и индексов ближних и дальних

взаимодействий. Отличительной особенностью последних является анализ непрямых взаимодействий между странами и влияния потоков миграции на население принимающей страны.

Результаты

В последнее десятилетие крупнейшие потоки международной миграции, представленные в нашей базе данных [International migration flows...], произошли между следующими группами стран. Миграционный коридор Мексика – США остается на стабильно высоком уровне, к 2013 г. поток миграции из Мексики в США составил 135 028 человек. Количество мигрантов из Мексики стабилизируется, причиной этому служат различные факторы: сокращение возможностей трудоустройства в США, более строгая миграционная политика, снижение уровня рождаемости и экономический рост в Мексике [Mexican immigrants in the United States]. Суммарный приток мигрантов из Индии и Китая в США превысил мексиканскую иммиграцию в 2013 г.

Еще одним притягательным местом назначения мигрантов стала Испания. Мигранты из Эквадора, Марокко, Колумбии и Аргентины приезжали в Испанию до начала экономического кризиса в 2008 г. После 2008 г. Испания перестает быть привлекательной страной для иммиграции из-за возросшего уровня безработицы, и в стране резко возрастает уровень эмиграции: бывшие иммигранты стали покидать Испанию [Izquierdo, 2015].

Греция была одной из стран, испытавших значительный рост в притоке международных иммигрантов в последнее время согласно данным Евростата [Migration and migrant population statistics]. Однако в 2013 г. Греция не представлена в списке стран, доступных в базе данных [International migration flows...], поэтому она отсутствует в рейтингах стран в 2013 г.

Данные процессы привели к появлению следующих крупных миграционных потоков (более 50 000 человек), которые представлены в таблице ниже (таблица 2).

Таблица 2

Потоки миграции более 50 000 человек в 2013 г.

Страна происхождения	Страна назначения	Поток миграции
Мексика	США	135 028
Китай	США	71 798
Испания	Румыния	70 055
Индия	США	68 458
Румыния	Италия	59 347
Филиппины	США	54 446

Результаты оценивания индексов центральности приведены в таблице 3. Из результатов weighted in-degree центральности наибольшее число иммигрантов наблюдалось в США, Италии и Великобритании. Weighted out-degree, в свою очередь, выделяет Испанию, Индию и Китай как страны с самым большим оттоком мигрантов. Weighted degree указал на значимость стран с наибольшей валовой миграцией: США, Испания, Италия и Великобритания. Самый многочисленный чистый миграционный приток, по данным weighted degree difference, имели США, Канада и Великобритания. Стоит отметить, что США и Канада имеют наибольший чистый миграционный приток, так как для этих стран отсутствуют данные по эмиграции, соответственно в качестве чистой миграции представлен только отток мигрантов.

Иные результаты могут быть получены после вычисления уровня closeness: США все еще находятся на первом месте, однако Мексика, Нидерланды, Испания и Швейцария также представлены в рейтинге. Эти страны имели большие притоки мигрантов, как и в случае США, или оттоки мигрантов (Испания), либо были связаны потоками мигрантов со странами с высоким уровнем миграции.

Eigenvector и PageRank выделяют страны – центры притяжения международных мигрантов, а также наиболее связанные с ними: США, Италия, Великобритания и Испания. Эти страны больше, чем остальные, были вовлечены в процесс международной миграции, а также имели обоюдные потоки мигрантов.

Классические индексы центральности предоставили информацию о наибольшем притоке и оттоке мигрантов, чистом миграционном притоке, валовой миграции, уровне близости стран к

наибольшим потокам, а также о странах, наиболее вовлеченных в процесс международной миграции.

Таблица 3

Индексы центральности для 2013 г. (Ранги)

Страна	WInDeg	WOutDeg	WDeg	WDegDiff	Clos	PageRank	EigenVec	SRIC	LRIC
США	1	19	1	1	1	1	2	22	10
Италия	2	5	3	4	6	6	4	11	16
Великобритания	3	10	4	3	30	3	1	9	7
Канада	4	44	5	2	10	7	12	74	30
Испания	5	1	2	215	3	2	3	1	1
Швейцария	6	12	7	6	5	5	6	35	80
Нидерланды	7	8	8	10	4	8	11	17	27
Швеция	8	21	15	5	9	11	19	15	35
Бельгия	9	14	10	9	7	12	9	23	45
Румыния	10	6	6	198	14	17	5	2	2
Германия	11	11	9	23	37	10	7	12	9
Новая Зеландия	12	16	13	14	8	4	14	5	15
Франция	13	9	12	192	36	15	8	7	5
Норвегия	14	52	23	7	11	16	23	32	24
Австралия	15	31	22	8	33	9	20	18	21
Марокко	18	17	20	166	31	21	10	8	6
Польша	23	13	18	210	44	20	28	4	4
Индия	32	2	11	214	24	26	32	3	3
Мексика	45	4	14	212	2	56	40	49	65
Китай	73	3	16	213	23	55	90	6	8
Сирия	133	37	49	200	61	137	137	10	22

Индексы ближних и дальних взаимодействий помогут нам изучить сеть международной миграции с точки зрения нового подхода.

Испания, Румыния, Индия и Польша имели наибольшее влияние по оценке индекса ближних взаимодействий (SRIC). Эти результаты сильно связаны с миграционным оттоком (weighted out-degree). Однако SRIC учитывает также население принимающей страны и не прямые взаимодействия первого уровня, поэтому есть отличия от рангов weighted out-degree, и появляются такие новые страны, как: Румыния, Польша и Новая Зеландия.

Индекс дальних взаимодействий (LRIC) показывает следующие результаты: Испания, Румыния, Индия, Польша и Франция находятся в начале рейтинга. В Испании наблюдался наибольший уровень эмиграции. Румыния, Индия и Франция имели оттоки мигрантов в страны с большим населением и высоким уровнем миграции. В 2013 г. наблюдался значительный уровень миграции из Индии в США: мигранты из Индии оказались на вто-

ром месте по численности в населении США после мигрантов из Мексики, их численность достигла 2 млн [Indian immigrants in the United States, 2015).

Франция представлена в списке наиболее влиятельных стран по LRIC, потому что из Франции были потоки мигрантов в Испанию (10 548 человек) и Великобританию (24 313 человек). Польша, которая, по оценкам LRIC, была в топ-5 стран, не имела большого оттока мигрантов, однако миграционный поток из Польши в Норвегию составлял примерно 10 000, в то время как население Норвегии составляет 5 млн. Данный поток мигрантов составляет 0,2% от населения Норвегии, что превышает установленную квоту по населению. Этот результат важно отметить, потому что, когда приток мигрантов превышает определенную долю от населения принимающей страны, это может привести к негативным последствиям как для мигрантов, так и для принимающей страны.

Для анализа взаимосвязи между классическими индексами центральности и индексами ближних и дальних взаимодействий были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Гудмена–Краскала (таблица 4).

Таблица 4

Коэффициент корреляции Гудмена–Краскала

	SRIC	LRIC
WInDeg	0,716	0,742
WOutDeg	0,839	0,742
WDeg	0,831	0,742
WDegDiff	-0,414	-0,341
Clos	0,704	0,642
PageRank	0,716	0,714
Eigenvec	0,705	0,676
SRIC	1	0,799
LRIC		1

В итоге сравнительный анализ классических индексов центральности и индексов ближних и дальних взаимодействий по десятилетиям показал следующие результаты. Во-первых, результаты классических индексов центральности выделили популярные страны иммиграции и эмиграции, а также страны, наиболее вовлеченные в международную миграцию. Во-вторых, индексы ближ-

них и дальних взаимодействий (SRIC, LRIC) указали на влияние данных потоков на население принимающих стран через значимость роли других стран в процессе международной миграции.

Заключение

Международная миграция может моделироваться различным образом. Большое количество работ и теорий рассматривают миграцию на уровне потоков между двумя странами, а также анализируют причины появления потоков миграции. Сетевой подход позволяет представить все страны в виде взаимосвязанной системы, а потоки между любыми двумя отдельно взятыми странами – как неотъемлемую часть этой системы.

Вычисление классических индексов центральности является одним из возможных способов оценки влияния стран через потоки международной миграции. В нашей работе, помимо классических индексов центральности, представлен анализ, позволяющий учесть не прямое влияние стран в сети, а также воздействие потоков международной миграции на население принимающей страны. Эта идея реализована с помощью индексов ближних и дальних взаимодействий (SRIC, LRIC).

Анализ применен к данным о потоках международной миграции за 2013 г., проведено сравнение результатов по индексам центральности. Данная методология позволяет выделить не только страны с большим притоком или оттоком мигрантов, но и страны, уровень эмиграции из которых составляет значительную долю от населения принимающей страны, и эмиграцию в популярные страны назначения мигрантов. Эти результаты представляют большую важность для стран, вовлеченных в процесс международной миграции, для проведения соответствующей миграционной политики.

Приложение

Список стран, предоставивших данные по международной миграции за 2013 г.

Приток мигрантов: Бельгия, Великобритания, Венгрия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Румыния, Словакия, Словения, США, Финляндия, Хорватия, Швейцария, Швеция, Эстония.

Отток мигрантов: Бельгия, Великобритания, Венгрия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Хорватия, Швейцария, Швеция, Эстония.

Список литературы

- Aleskerov F.T., Meshcheryakova N.G., Shvydun S.V.* Centrality measures in networks based on nodes attributes, long-range interactions and group influence // Series WP7 «Mathematical methods for decision making in economics, business and politics». – Moscow: HSE Publishing House, 2016. – N WP7/2016/04. – P. 1–44.
- Aleskerov F.T.* Power indices taking into account agents' preferences // Mathematics and Democracy / B. Simeone, F. Pukelsheim (eds). – Berlin: Springer, 2006. – P. 1–18.
- Aleskerov F.T., Andrievskaya I.K., Permjakova E.E.* Key borrowers detected by the intensities of their short-range interactions // Working papers by NRU Higher School of Economics. Series FE «Financial Economics». – Moscow: HSE Publishing House, 2014. – N WP BRP 33/FE/2014. – P. 1–18.
- Bavelas A.* Communication patterns in task-oriented groups // The Journal of the acoustical society of America. – College Park, MD, 1950. – N 22. – P. 725–730.
- Bodvarsson Ö. B., Simpson N. B., Sparber C.* Migration theory: Handbook of economics of international migration. Vol. 1A: The Immigrants. – North Holland: Elsevier Inc., 2015. – Vol. 1A: The Immigrants. – 810 p.
- Bonacich P.* Power and centrality: A family of measures // American journal of sociology. – Chicago, 1987. – N 92 (5). – P. 1170–1182.
- Bonacich P.* Technique for analyzing overlapping memberships // Sociological Methodology. – Oxford, 1972. – Vol. 4. – P. 176–185.
- Brin S., Page L.* The anatomy of a large-scale hypertextual Web search engine // Computer Networks. – L., 1998. – Vol. 30. – P. 107–117.
- Brown R.P.C., Jimenez-Soto E.* Migration and remittances // Handbook of the economics of international migration. – Oxford: Elsevier, 2015. – Vol. 1B. – P. 1077–1140.
- Overcoming barriers: Human mobility and development // Human development report 2009. – 2009. – Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Fagiolo G., Mastrorillo M.* The International migration network. – N.Y.: Cornell univ. library, 2012. – 33 p. – (Reprint arXiv:1212.3852).

- Freeman L.C.* A set of measures of centrality based upon betweenness// *Sociometry*. – N.Y., 1977. – Vol. 40. – P. 35–41.
- Freeman L.C.* Centrality in social networks: Conceptual clarification // *Social Networks*. – Amsterdam, 1979. – Vol. 1. – P. 215–239.
- Global Bilateral Migration Database // The World bank. IBRD. IDA [сайт]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/data-catalog/global-bilateral-migration-database> (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Goodman L.A., Kruskal W.H.* Measures of association for cross classifications // *Journal of the American statistical association*. – Boston, 1954. – N 49 (268). – P. 732–764.
- In safety and dignity: Addressing large movements of refugees and migrants: Report of the Secretary-General, 21 April 2016 // United Nations [сайт]. – 2016. – Mode of access: http://www.un.org/pga/70/wp-content/uploads/sites/10/2015/08/21-Apr_Refugees-and-Migrants-21-April-2016.pdf (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Indian immigrants in the United States // Migration policy institute [сайт]. – Mode of access: <http://www.migrationpolicy.org/article/indian-immigrants-united-states> (Дата посещения: 09.08.2016.)
- International migration flows to and from selected countries: The 2015 revision // United Nations. – Mode of access: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/empirical2/migrationflows.shtml> (Дата посещения: 09.08.2016.)
- International migration report // United Nations [сайт]. – 2015. – Mode of access: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migration-report/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Izquierdo M., Jimeno J. F., Lacuesta A.* Spain: from immigration to emigration? // *Documentos de Trabajo*. – Madrid: Banco de Espana, 2015. – Vol. 1503. – 41 p.
- Katz L.A.* New status index derived from sociometric index // *Psychometrika*. – Ottawa, 1953. – P. 39–43.
- Lee E.* A Theory of migration // *Demography*. – N.Y., 1966. – N 3 (1). – P. 47–57.
- Liang Z., Li J., Ma Z.* Migration and remittances // *Asian population studies*. – L., 2013. – N 9 (2). – P. 124–141.
- Mexican immigrants in the United States // Migration Policy Institute [сайт]. – Mode of access: <http://www.migrationpolicy.org/article/mexican-immigrants-united-states> (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Migration and migrant population statistics // Eurostat. Statistic explained [сайт]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Migration flows – Europe. – Mode of access: <http://migration.iom.int/europe/> (Дата посещения: 09.08.2016.)
- Mincer J.* Family migration decisions // *Journal of political economy*. – Chicago, 1978. – N 86 (5). – P. 749–773.
- Polachek S.W., Horvath F.W.* A life cycle approach to migration: Analysis of the perspicacious peregrinator // *Research in Labor Economics 35th Anniversary Retrospective*. – Bingley: Emerald group publishing, 2012. – Vol. 35. – P. 349–395.
- Ravenstein E.G.* The laws of migration // *Journal of the royal statistical society*. – L., 1889. – N 52 (2) – P. 241–305.

- Sjaastad L.* The costs and returns of human migration // *Journal of Political Economy*. – Chicago, 1962. – Vol. 70. – P. 80–93.
- Smith A., Campbell R.H., Skinner A.S.* An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. – Oxfordshire: Clarendon Press, 1976. – 535 p.
- Tinbergen J.* Shaping the world economy: suggestions for an international economic policy. – N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1962. – N HD82 T54. – 330 p.
- Wanner P.* Migration trends in Europe // *European population papers series*. – Strasbourg, 2002. – N 7 (7). – P. 1–26.
- Yap L.* The attraction of cities: A review of the migration literature // *Journal of development economics*. – L., 1977. – Vol. 4. – P. 239–264.
- Zipf G.K.* The P1 P2/d hypothesis: On the intercity movement of persons // *American sociological review*. – Washington, DC, 1946. – N 11(6). – P. 677–686.

А.В. КОРОТАЕВ, С.Э. БИЛЮГА, Ю.В. ЗИНЬКИНА*

**ЦЕНЫ НА НЕФТЬ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА¹**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности количественного анализа в изучении политической дестабилизации государств в современном мире на примере количественного исследования воздействия изменения цен на нефть на социально-политическую дестабилизацию / стабилизацию государств – экспортеров нефти. Проведенный анализ показал, что затяжное падение цен на нефть ведет к

* **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ (Москва), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Билюга Станислав Эдуардович**, аспирант факультета государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), e-mail: sbilyuga@gmail.com; **Зинькина Юлия Викторовна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: juliazin@list.ru;

Korotaev Andrey, National research university Higher school of economics, Institute of oriental studies of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Bilyuga Stanislav**, M.V. Lomonosov Moscow state university (Moscow, Russia), sbilyuga@gmail.com; **Zinkina Julia**, National research university Higher school of economics, Institute for African studies of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: juliazin@list.ru.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-11-00634).

росту социально-политической нестабильности в государствах – экспортерах нефти, а систематическое их повышение служит мощным фактором социально-политической стабилизации.

Ключевые слова: государственная стабильность; цены на нефть; современный мир; государства – экспортеры нефти; социально-политическая нестабильность; CNTS.

A. Korotaev, S. Bilyuga, J. Zinkina
Oil prices as a factor of socio-political destabilization
of modern states: A quantitative analysis

Abstract. The article discusses the possibility of quantitative analysis in the study of political destabilization of states in the modern world, in general, and the impact of oil price changes on the sociopolitical destabilization of the oil exporting states, in particular. The analysis shows that a prolonged drop in oil prices leads to increased social and political instability in oil-exporting countries, and their systematic increase serves as a powerful factor in the social and political stabilization.

Keywords: state stability; oil prices; modern world; oil-exporting countries; socio-political instability; CNTS.

Введение

Главным предметом данного исследования является проблема политической стабильности государств в современном мире, а также возможность использования количественных методов для выявления факторов социально-политической дестабилизации.

Существуют различные подходы и попытки квантифицировать социально-политическую дестабилизацию и связанные с ней процессы, проанализировать и промоделировать их, и создать на этой основе системы мониторинга и прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации [см., например: О методике оценки... 2013; Моделирование и прогнозирование... 2012; Гринин, Коротаев, 2009; Зинькина, Коротаев, 2013; Коротаев, 2014; Коротаев, Зинькина, 2010; Коротаев, Зинькина, 2011 а; Коротаев, Зинькина, 2011 б; Коротаев, Зинькина, Ходунов, 2012; Коротаев, Исаев, Васильев, 2015; Коротаев, Исаев, Руденко, 2015; Коротаев, Малков, 2014; Законы истории... 2010; Цирель, 2012 а; Цирель, 2012 б; State Failure... 1998; Institutional consistency... 2000; Armed conflict 1946–2001... 2002; Global Peace Index, 2016; Goldstone, 2001; Goldstone, 2002; Goldstone, 2011 а; Goldstone, 2011 б; Goldstone,

2014 a; Goldstone, 2014 b; A Global Model... 2010; State Failure Task Force Report... 2003; Grinin, Korotayev, 2012; Gurr, 1968; Gurr, 1970; Gurr, 1988; A Trap at the Escape... 2011; Developing the Methods... 2013; The Arab Spring... 2014; Korotayev, Malkov, Grinin, 2014; Korotayev, Zinkina, 2014; Korotayev, Zinkina, 2015; Zinkina, Korotayev, 2014 a; Zinkina, Korotayev, 2014 b; Mansfield, Snyder, 1995; Marshall, Cole, 2013; Turchin, Korotayev, 2006; Mesquida, Weiner, 1999; Moller, 1968; Peace and Conflict Instability Ledger, 2016; Social unrest, 2010; PRS, 2014; Zinkina, Korotayev, 2014 a; Zinkina, Korotayev, 2014 b; State Fragility Index, 2013; Turchin, Korotayev, 2015; Vreeland, 2008].

В области количественного изучения факторов политической дестабилизации современных государств особый интерес, на наш взгляд, представляет деятельность Специальной комиссии по политической стабильности (Political Instability Task Force) – научно-исследовательского проекта, созданного в 1994 г. при поддержке правительства США. Основной целью работы проекта было создание базы данных основных внутривнутриполитических конфликтов, способных привести государства к состоянию политической неустойчивости, а также анализ индикаторов политической неустойчивости с 1955 по 2005 г. Со временем рабочая группа стала заниматься изучением не только случаев «провала государств», но и этническими конфликтами, фактами геноцида, а также радикальной сменой режимов и вопросами моделирования демократического транзита. В ряду объясняющих переменных в рамках проекта использовались следующие экономические показатели: ВВП, уровень инфляции, объем внешней торговли и т.д., а также показатели, связанные с состоянием окружающей среды; социальные и демографические: прирост населения, смертность и др.; и политические: этническая дискриминация, уровень демократии и др. Формулируя выводы исследования, эксперты утверждали, что демократизирующиеся государства с низкой степенью вовлеченности в международную торговлю и высокой детской смертностью являются наиболее склонными к революциям. В рамках работы Специальной комиссии по политической стабильности были сделаны некоторые открытия и построены модели прогнозирования – в частности, модель глобального прогнозирования политической неустойчивости Дж. Голдстоуна. Эта модель, разработанная Дж. Голдстоуном с группой коллег, по утверждению авторов, дает возможность

предсказать дестабилизацию за два года с 80%-ной точностью. Модель Голдстоуна включает в себя всего четыре независимых переменных: тип режима, определяемый моделями исполнительного набора кадров и конкурентоспособности участия в политической жизни страны; детская смертность, регистрируемая и нормированная по среднемировой в год наблюдения; конфликтные соседства – индикатор, указывающий на случаи, когда имеются четыре или более пограничных государства с крупными вооруженными гражданскими или этническими конфликтами, а также дискриминация меньшинств со стороны государства. Модель разрабатывалась путем сравнения случаев возникновения нестабильности с контрольными образцами соответствующей выборки, а также тестирования способности переменных различать в двоичной системе стабильные годы и годы неизбежного наступления нестабильности [State Failure... 1998; State Failure Task Force Report... 2003; A Global Model... 2010].

Однако в данной работе речь пойдет не о всех государствах современного мира, а лишь о достаточно небольшой группе – о государствах – экспортерах нефти. Это ограничение, на наш взгляд, в значительной степени оправдывает то обстоятельство, что наша страна относится именно к этой группе государств.

Роль нефтяного фактора в динамике социально-политической дестабилизации / стабилизации государств – экспортеров нефти уже давно привлекала к себе внимание исследователей. Вопрос этот, конечно, имеет несколько разных аспектов. Так, к настоящему времени опубликовано значительное число работ, показывающих, что государства-нефтеэкспортеры имеют заметно больший риск вовлеченности в различные виды вооруженных конфликтов, чем иные государства¹. Следует отметить, что в разных научных работах этой тематики рассматривались различные типы конфликтов – как межгосударственные, так и внутренние (гражданские войны, попытки переворотов и др.). Исследования подтверждают связь между нефтяными запасами страны и вероятностью вовлечения ее в международные вооруженные конфликты вплоть до межгосударственных войн [см., например: Colgan, 2010].

¹ Обстоятельный обзор подобных работ см., например, в: [Nillesen, Bulte, 2014].

Что касается внутренней нестабильности, разработаны две основные гипотезы, объясняющие связь между нефтяным богатством государства и повышенным риском его вовлеченности в гражданскую войну. Одна из гипотез, авторами которой являются П. Коллер и Д. Хоффлер, состоит в том, что запасы нефти (и других ценных ресурсов) предоставляют повстанцам финансирование и мотивацию для попыток захвата власти (так называемая «greed and grievance model») [Collier, Hoeffler, 2004]. Другая распространенная гипотеза, исходно сформулированная Дж. Фироном и Д. Лейтином, заключается в том, что зависимость от ресурсов ведет к ослаблению государства (согласно терминологии авторов гипотезы, «политическая голландская болезнь») [Fearon, 2005; Fearon, Leitin, 2003].

Имеется целый ряд исследований, показавших повышенную вероятность внутренних кровопролитных конфликтов вплоть до гражданских войн в странах-нефтеэкспортерах по сравнению с другими странами [Collier, Hoeffler, 2004; Ross, 2004 a; Ross, 2004 b; Ross, 2012; Fearon, 2005; Humphreys, 2005 и др.]. Так, было показано, что при наличии в стране внутреннего конфликта доступ повстанцев к таким ресурсам, как драгоценные камни или углеводороды, повышает продолжительность конфликта вдвое [Lujala, 2010]; что в бедных государствах само по себе открытие новых месторождений нефти еще до начала их разработки значительно повышает вероятность внутреннего конфликта [Bell, Wolford, 2015]; что вероятность гражданских войн в странах, добывающих нефть, газ и алмазы, выросла в период с начала 1970-х до конца 1990-х годов [Ross, 2006] и т.д.

Следует отметить, однако, что научные результаты в этой области не вполне однозначны – имеется также ряд работ, указывающих на отсутствие значимой связи, к примеру, между открытием новых месторождений и возникновением внутренних конфликтов, попытками переворотов, гражданскими войнами [Cotet, Tsui, 2013], или нефтяным богатством государства и началом гражданских войн [Soysa, Neumayer, 2007]; отмечается также, что в богатых нефтью странах коррупция может приводить не к усилению нестабильности, но, напротив, к укреплению правящего режима за счет подкупа оппозиционных группировок [Fjelde, 2009].

Большинство перечисленных выше работ объединяет рассмотрение в качестве независимой переменной нефтяного богатства государства либо же объема нефтяного экспорта в процентах от ВВП. В этом свете особое внимание стоит уделить работе Б. Смита, указавшего, что работы с таким подходом приводят к прямо противоположным результатам – подтверждают роль нефти либо в возникновении нестабильности, либо, напротив, в укреплении режима. Смит предложил дополнить этот подход, рассматривая не только объем нефтяного богатства стран, но и влияние такого фактора, как цена на нефть. Для этого в исследование было включено влияние периодов нефтяного бума 1970-х и последовавшего падения цен на нефть в 1980-х годах на стабильность в государствах-нефтеэкспортерах. Результаты продемонстрировали, что хотя нефтяное богатство в целом повышало стабильность режима, период падения цен на нефть оказался сопряжен с повышенной нестабильностью в таких государствах [Smith, 2004]. На страновом уровне П.В. Турчину удалось выявить аналогичную закономерность применительно к Саудовской Аравии [Turchin, 2006].

Отметим также, что Н.А. Филину удалось выявить корреляцию между ценами на нефть и уровнем политической нестабильности (при этом он использовал рассчитанный им индекс внутриэлитного конфликта) применительно к Ирану, при этом им был обнаружен трехлетний лаг: «...средняя цена на нефть в текущей трехлетке является очень сильным предиктором уровня интенсивности межэлитного конфликта в следующей трехлетке» [Филин, 2012, с. 330; см. также: Филин, 2013 а, с. 114; Филин, 2013 б, с. 38].

В целом нам представляется достаточно очевидным, что гипотеза о том, что снижение цен на нефть должно в тенденции вести в странах, финансово зависимых от экспорта нефти, к социально-политической дестабилизации, а рост этих цен – снижать уровень социально-политической нестабильности, заслуживает самого внимательного рассмотрения. Тестированию данной гипотезы и посвящена эта статья. Кроме того, конечно же, особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о том, с каким именно временным лагом действует данный фактор, а также какие именно пороговые уровни цен на нефть коррелируют с особыми рисками социально-политической дестабилизации нефтеэкспортирующих стран.

Материалы и методы

Для тестирования гипотезы о ценах на нефть¹ как статистически значимом факторе социально-политической дестабилизации в качестве независимой переменной нами была выбрана цена на нефть марки Brent с 1960 по 2016 г., обезразмеренная относительно индекса потребительских цен в значениях 2014 г.; в качестве зависимой переменной была взята система показателей социально-политической дестабилизации базы данных *CNTS*, агрегированная по странам – экспортерам нефти, чья доля на мировом рынке составляет больше 1%.

Описание и методология Cross National Time Series (*CNTS*)

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банком [Cross-National Time-Series Data Archive] в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных для более чем 200 стран. База данных содержит годовые значения переменных начиная с 1815 г. В базе данных исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, по военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т.п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), ко-

¹ В этом исследовании мы опирались на данные о мировых ценах на нефть марки Brent, так как цены на нефть именно этой марки наиболее важны для России. Вместе с тем из-за высокой степени связанности цен на нефть разных марок сходные результаты получаются и при использовании цен на две другие эталонные марки нефти – WTI и Dubai Crude.

которые основаны на анализе событий по восьми различным подкатегориям.

1. Политические убийства (*Assassinations*, domestic1).
2. Политические забастовки (*General Strikes*, domestic2).
3. Партизанские действия (*Guerrilla Warfare*, domestic3).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises*, domestic4).
5. Политические репрессии (*Purges*, domestic5).
6. Массовые беспорядки (*Riots*, domestic6).
7. «Революции»¹ (*Revolutions*, domestic7).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8).

В этом разделе представлены данные начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations*, domestic1) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes*, domestic2) относятся забастовки, в которых участвовали 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Партизанским действиям» (*Guerrilla Warfare*, domestic3) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима.

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises*, domestic4) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges*, domestic5) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots*, domestic6) относятся любые выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

¹ В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

К «Революциям» (*Revolutions*, domestic7) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь речь в большинстве случаев идет не о революциях в обычном понимании¹, а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную ниже.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations*, domestic8) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные восемь подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (domestic9). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. таблицу 1).

Таблица 1

Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации CNTS

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
1	2	3
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	domestic1	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	domestic2	20

¹ Нашу сводку определений революции см., например, в: [Гринин, Исаев, Коротаев, 2015].

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	domestic3	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	domestic4	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	domestic5	20
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti- Government Demonstrations</i>)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, domestic9) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу (1)).

Формула 1. Индекс социально-политической дестабилизации

$$\text{domestic9} = \frac{25 \text{ domestic1} + 20 \text{ domestic2} + 100 \text{ domestic3} + 20 \text{ domestic4} + 20 \text{ domestic5} + 25 \text{ domestic6} + 150 \text{ domestic7} + 10 \text{ domestic8}}{8} * 100 \quad (1)$$

Описание и методология расчета цен на нефть марки Brent

Погодовые средние значения цены на нефть марки Brent были использованы согласно данным, предоставляемым *Energy Information Administration (EIA)*, подразделением Министерства энергетики США, независимым агентством в составе федеральной статистической системы США, ответственным за сбор, анализ и распространение информации об энергии и энергетике [Energy Information Administration... 2012].

Для перевода номинальных цен на нефть в реальные с учетом инфляции авторами был использован индекс потребительских цен, отнормированный на значение 2014 г. [Consumer price index...].

Методология тестирования

В качестве основного метода тестирования использовался классический корреляционный анализ, однако при этом наряду с непосредственными годовыми данными использовались также пятилетние скользящие средние, что, действительно, крайне необходимо, для исключения сильно выраженной стохастической компоненты, представленной как в рядах по ценам на нефть, так и в рядах по социально-политической дестабилизации. Наряду с этим большое внимание было уделено учету влияния эффектов временного запаздывания (т.е. временных лагов).

Кроме того, мы использовали не непосредственные показатели *CNTS*, агрегированные по всем странам, а осуществили фильтрацию по тем странам, каждая из которых имела не менее 1% в мировом объеме экспорта нефти по ситуации на 2012 г. (по методологии U.S. Energy Information Administration). В итоге количество таких стран получилось равным 19, а именно (в порядке убывания доли в мировом объеме экспорта нефти): Саудовская Аравия, Россия, ОАЭ, Кувейт, Нигерия, Ирак, Венесуэла, Катар, Норвегия, Ангола, Иран, Алжир, Канада, Казахстан, Ливия, Мексика, Азербайджан, Оман и Колумбия.

При этом использовались агрегированные значения соответствующих показателей за соответствующие годы по всем вышеупомянутым странам – экспортерам нефти: например, общее число крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных во всех вышеупомянутых странах – экспортерах нефти за год *X*, или среднее по всем странам – экспортерам нефти значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации за год *X*.

При анализе данных мы ограничились периодом 1977–2010 гг. в силу следующих причин. Имеются достаточные основания предполагать, что цены на нефть стали достаточно мощным фактором социально-политической стабильности / нестабильности нефтеэкспортирующих стран только после резкого роста цен на нефть 1973–1974 гг. (при этом должно было потребоваться хоть несколько лет после этого, чтобы эти страны успели «подсесть на нефтяную иглу»).

Период после 2010 г. был «оставлен за скобками» в силу нескольких иных причин. Дело в том, что имеются основания утверждать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала своего рода фазовый переход в уровне протестной активности (см. рис. 1), в

результате чего данные до 2011 и после 2011 г. оказываются не вполне сопоставимыми.

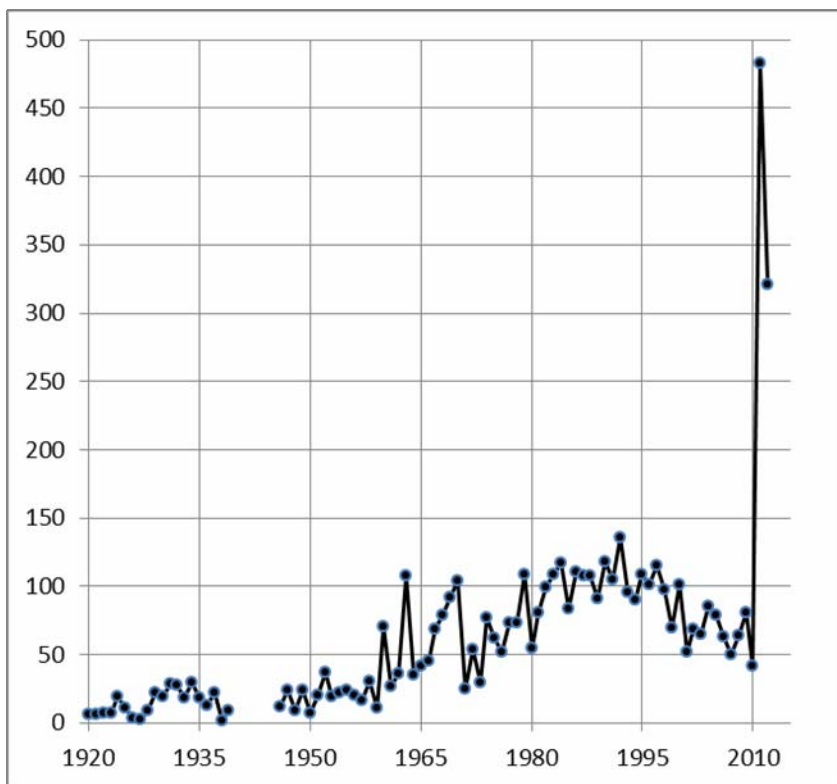

Рис. 1.

Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS, (1920–2012). Источник: [CNTS, 2016]

Тесты

Прямое тестирование интересующей нас гипотезы с использованием вышеописанных материалов, но без использования скользящих пятилетних средних и без учета временных лагов дает следующие результаты (см. табл. 2).

Таблица 2

**Корреляции между ценами на нефть марки Brent
и показателями социально-политической дестабилизации
CNTS за 1977–2010 гг.**

№	Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
1.	Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,118	–0,273
2.	Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,011	–0,431*
3.	Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,380	–0,155
4.	Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,177	–0,237
5.	Политические репрессии (<i>Purges</i>)	0,875	0,028
6.	Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,247	–0,204
7.	Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,009	–0,441*
8.	Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,048	–0,342*
9.	Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,002	–0,514*

* – корреляция значима на уровне $< 0,05$.

Таблица имеет следующий вид: в строках – название переменных, в столбцах – уровень статистической значимости и коэффициент корреляции Пирсона.

Как мы видим, для восьми из девяти протестированных корреляций мы имеем связь в предсказанном направлении (т.е. корреляция отрицательна – чем ниже уровень цен на нефть марки Brent, тем выше уровень социально-политической дестабилизации). Кроме того, четыре из девяти рассмотренных корреляций являются статистически значимыми на уровне $< 0,05$.

В случае отсутствия статистически значимого влияния цен на нефть на социально-политическую дестабилизацию при серии из девяти тестов трудно было бы ждать более одной корреляции такого рода. Таким образом, проведенный нами тест можно рассматривать в качестве предварительного аргумента в подтверждение гипотезы о наличии статистически значимой связи между уровнем цен на нефть и уровнем социально-политической дестабилизации.

Что касается корреляций, то хотя почти половина из них и значима статистически, но речь при этом идет об относительно слабых корреляциях для абсолютных значений – например, вариация цены на нефть объясняет порядка 19% вариации агрегированного показателя числа политических забастовок в странах – экспортерах нефти (см. рис. 2) или 26% вариации агрегированного показателя социально-политической дестабилизации (см. рис. 3).

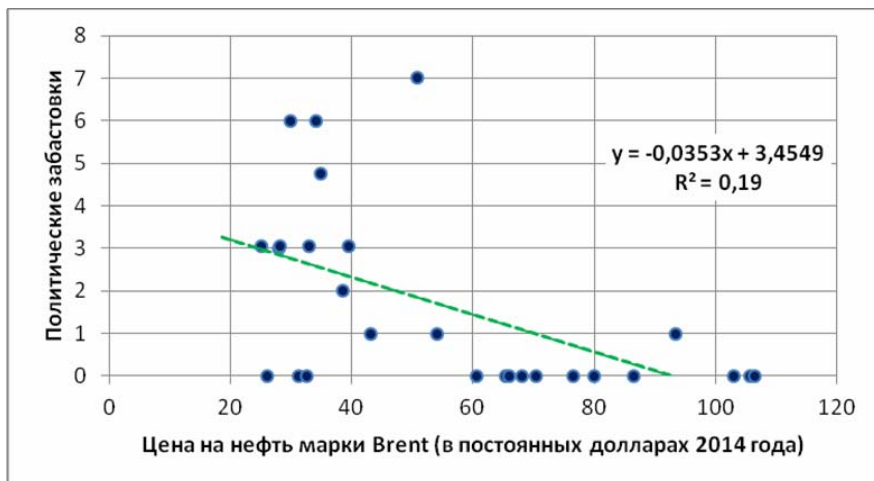

Рис. 2.

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и общим числом крупномасштабных политических забастовок в нефтеэкспортирующих странах на соответствующий год, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии)¹

Как мы помним, в рассмотренном выше исследовании процессов социально-политической дестабилизации в Исламской Республике Иран было показано, что низкие цены на нефть в этой стране коррелировали с социально-политической дестабилизацией не мгновенно, а с трехлетним лагом [Филин, 2012, с. 330; Филин, 2013 а, с. 114; Филин, 2013 б, с. 38]. Примечательно, что та же закономерность прослеживается и на глобальном уровне.

¹ $r = -0,431$, $\alpha = 0,011$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,19$.

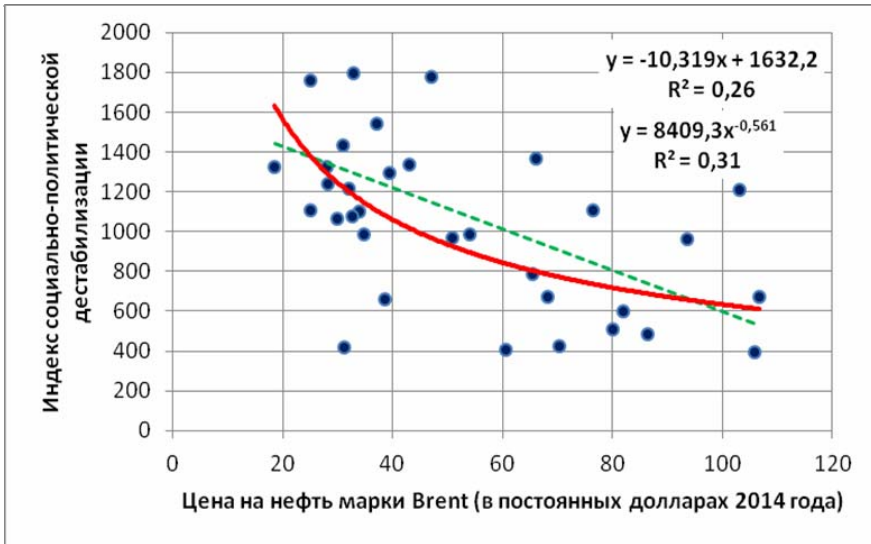

Рис. 3.

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и средним значением индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для нефтеэкспортирующих стран на соответствующий год, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии)¹

Действительно, корреляция между низкими ценами на нефть и высокими уровнями социально-политической дестабилизации заметно вырастает, если мы начинаем учитывать эффект временного запаздывания. Низкая цена на нефть в год X является лучшим предиктором социально-политической дестабилизации в нефтеэкспортирующих странах не в тот же (X), а в последующий ($X + 1$) год. Еще лучшим предиктором она является для года $X + 2$, но лучше всего особо низкая цена на нефть в данном году коррелирует с особо высоким уровнем социально-политической дестабилизации через три года. По мере увеличения количества лет с нуля коэффициент детерминации увеличивается (с 0,264 до 0,439),

¹ $r = -0,514$, $\alpha = 0,002$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,26$ (для линейной регрессии), $R^2 = 0,31$ (для степенной регрессии).

достигая своего пика именно для трехлетнего лага (см. таблицу 3 и рис. 4). В то же самое время тестирование для более длительного временного запаздывания (четырёх- и пятилетние лаги) показало убывающую тенденцию влияния продолжительности лага (с уменьшением коэффициента детерминации с 0,439 до 0,216). Таким образом, очень низкие цены на нефть являются наиболее точным предиктором высокого уровня социально-политической дестабилизации в нефтеэкспортирующих странах именно через три года.

Таблица 3

**Корреляции между ценами на нефть марки Brent
и показателями социально-политической дестабилизации
с лагом в три года CNTS за 1977–2010 гг.**

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,007	–0,456**
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,098	–0,288*
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,078	–0,306*
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,024	–0,387**
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	0,308	–0,180
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,228	–0,212
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,002	–0,523**
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,006	–0,458**
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	<0,001	–0,663**

* Корреляция значима на уровне $0,05 < \alpha < 0,1$ (двусторонний тест) ~ на уровне $0,025 < \alpha < 0,05$ (односторонний тест).

** Корреляция значима на уровне $< 0,05$ (двусторонний тест).

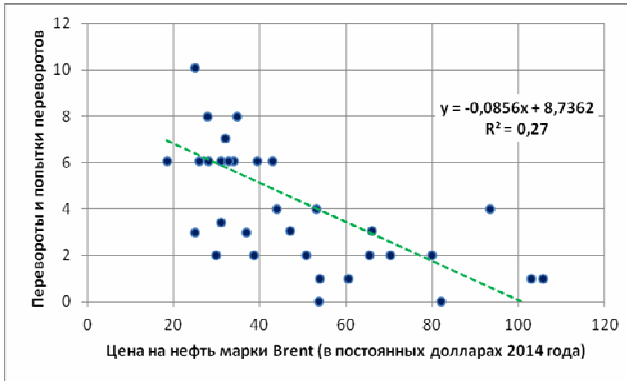

Рис. 4.

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и общим числом переворотов и попыток переворотов в нефтеэкспортирующих странах через три года, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии)¹

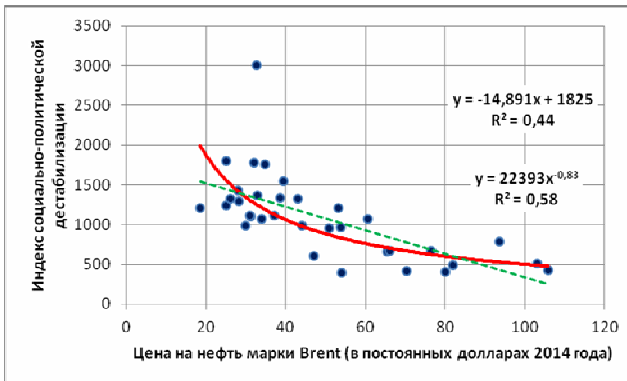

Рис. 5.

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и средним значением индекса социально-политической дестабилизации CNTS для нефтеэкспортирующих стран через три года, 1977–2010 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными линиями степенной и линейной регрессии)²

¹ $r = -0,523$, $\alpha = 0,002$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,27$ (для линейной регрессии).

² $r = -0,663$, $\alpha = 0,000$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,44$ (для линейной регрессии), $R^2 = 0,58$ (для степенной регрессии).

Как мы видим, учет фактора временного запаздывания достаточно серьезно меняет общую картину – и сила корреляций, и их статистическая значимость растут в очень существенной степени. Если, как мы помним, без учета временного запаздывания статистически значимыми оказались корреляции между низкими ценами на нефть и показателями социально-политической дестабилизации для четырех индикаторов из девяти, то с учетом трехлетнего временного лага статистически значимыми уже оказались семь корреляций из девяти. При этом и сила корреляций выросла в очень заметной степени – скажем, с учетом трехлетнего временного лага корреляция низких цен на нефть с политическими убийствами для нефтеэкспортирующих стран вырастает с $-0,273$ ($R^2 = 0,07$) до $-0,456$ ($R^2 = 0,21$), с антиправительственными демонстрациями – с $-0,342$ ($R^2 = 0,12$) до $-0,458$ ($R^2 = 0,21$), а с переворотами и попытками переворотов – с $-0,441$ ($R^2 = 0,19$) до $-0,523$ ($R^2 = 0,27$). Корреляция же с агрегированным индексом социально-политической дестабилизации вырастает с $-0,514$ ($R^2 = 0,26$) до $-0,663$ ($R^2 = 0,44$). Таким образом, при учете трехлетнего временного лага речь уже начинает идти о достаточно сильных корреляциях. Отметим также, что особо сильная корреляция ($R^2 = 0,58$) здесь наблюдается при использовании не линейной, а степенной регрессии.

Тем не менее для адекватного выявления силы фактора нефтяных цен в социально-политической дестабилизации нефтеэкспортирующих стран оказалось необходимым проанализировать переменные с использованием пятилетних скользящих средних – для исключения сильно выраженной стохастической компоненты, представленной как в рядах по ценам на нефть, так и в рядах по социально-политической дестабилизации.

Использование пятилетних скользящих средних (с трехлетним временным лагом) ведет к дальнейшему росту силы корреляций (см. табл. 5 и рис. 6). При этом коэффициент детерминации для трех корреляций (с политическими убийствами, переворотами / попытками переворотов и антиправительственными демонстрациями) уже начинает заметно превышать 0,5. Речь, таким образом, уже начинает идти об однозначно сильных корреляциях (отметим при этом, что данный набор дестабилизационных переменных, сильно коррелирующих с низкими ценами на нефть, позволяет говорить о том, что в нефтеэкспортирующих странах понижение цен на нефть может вести как к росту интенсивности внутриэлитного конфликта, так и к увеличению интенсивности массового протестного движения).

Таблица 5

Корреляции между сглаженными по пятилетнему периоду ценами на нефть марки Brent и сглаженными по пятилетнему периоду показателями социально-политической дестабилизации CNTS с трехлетним лагом за 1977–2008 гг.

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства	<0,001	-0,737*
Политические забастовки	0,017	-0,418*
Партизанские действия	0,001	-0,567*
Правительственные кризисы	<0,001	-0,646*
Политические репрессии	0,289	-0,193
Массовые беспорядки	0,181	-0,243
Перевороты и попытки переворотов	<0,001	-0,746*
Антиправительственные демонстрации	<0,001	-0,741*
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	<0,001	-0,884*

* Корреляция значима на уровне < 0,05 (двусторонний тест).

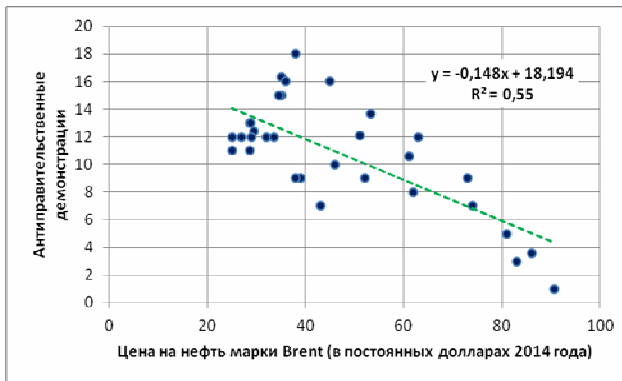

Рис. 6

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и общим числом крупных антиправительственных демонстраций в нефтеэкспортирующих странах через три года (с использованием пятилетних сглаженных средних), 1977–2008 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными линиями степенной и линейной регрессии)¹

¹ $r = -0,741$, $\alpha = 0,001$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,55$ (для линейной регрессии) и $R^2 = 0,51$ (для степенной регрессии).

При этом при учете трехлетнего временного запаздывания с использованием пятилетних сглаженных средних значение корреляции между низкими ценами на нефть и общим индексом социально-политической дестабилизации для нефтеэкспортирующих стран вырастает до $-0,884$ ($R^2 = 0,78$). Но особо высокое значение коэффициента детерминации ($R^2 = 0,88$) здесь получается для степенной регрессии (см. рис. 7).

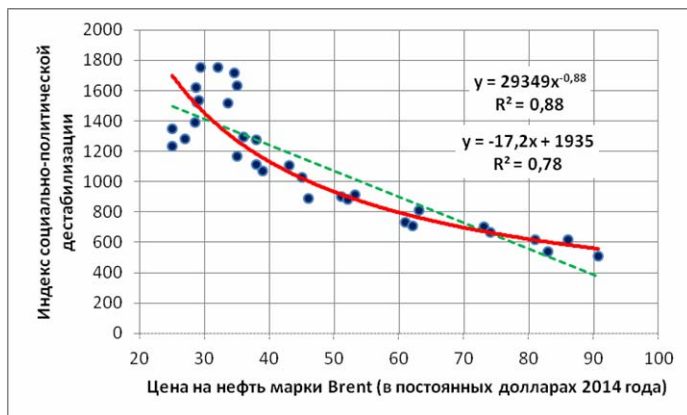

Рис. 7

Корреляция между среднегодовой ценой на нефть марки Brent и средним значением индекса социально-политической дестабилизации *CNTS* для нефтеэкспортирующих стран через три года (с использованием пятилетних сглаженных средних), 1977–2008 гг. (диаграмма рассеивания с наложенными линиями степенной и линейной регрессии)¹

Таким образом, можно говорить о действительно сильной степенной зависимости агрегированного уровня социально-политической нестабильности в нефтеэкспортирующих странах от низких цен на нефть. При этом, как будет показано ниже, то обстоятельство, что мы имеем здесь дело скорее со степенной, чем линейной зависимостью, имеет заметное прикладное значение.

¹ $r = -0,884$, $\alpha < 0,001$ (2-сторонний тест), $R^2 = 0,78$ (для линейной регрессии) и $R^2 = 0,88$ (для степенной регрессии).

Отметим, что при использовании пятилетних сглаженных средних для большинства индикаторов социально-политической нестабильности прослеживаются и статистически значимые и достаточно сильные корреляции между снижением цен на нефть в данном году и ростом политической нестабильности через три года (см. табл. 6). Эти корреляции, правда, не столь высоки, как в случае корреляций между уровнем цен на нефть и уровнем нестабильности через три года, что, на наш взгляд, в значительной степени связано как раз с тем, что в последнем случае мы имеем дело со степенной, а не линейной зависимостью.

Таблица 6

Корреляции между изменениями цен на нефть марки Brent и изменениями показателя социально-политической дестабилизации с лагом в три года CNTS за 1978–2008 гг. (с использованием пятилетних сглаженных средних)

Подкатегория	Статистическая значимость (α)	Коэффициент корреляции Пирсона
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,070	–0,330*
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,001	–0,571**
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,133	–0,276
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,059	–0,343*
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	0,001	–0,586**
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,007	–0,477**
Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,170	–0,253
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,001	–0,561**
Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,001	–0,563**

* Корреляция значима на уровне $0,05 < \alpha < 0,1$ (двусторонний тест) ~ на уровне $0,025 < \alpha < 0,05$ (односторонний тест).

** Корреляция значима на уровне $< 0,05$ (двусторонний тест).

Обсуждение и заключение

Итак, проделанное нами исследование заставляет предполагать, что затяжное падение цен на нефть ведет к практически неизбежному росту социально-политической нестабильности в нефте-

экспортирующих странах, а систематическое их повышение слугит мощным фактором социально-политической стабилизации. При этом зависимость, по всей видимости, имеет степенной характер – поэтому изменения цен в диапазоне выше 60 долл. за баррель оказывают не очень сильное влияние на уровень социально-политической нестабильности в странах – экспортерах нефти, а вот при падении ниже этого уровня снижение на каждые последующие 10 долл. приводит ко все более и более значительному росту рисков социально-политической дестабилизации. Эти риски особенно вырастают при затяжном падении цен ниже уровня в 40 долл. за баррель, а при затяжном падении этих цен ниже уровня в 35 долл. в очень заметный рост социально-политической нестабильности в странах – экспортерах нефти становится практически неизбежным. При этом обнаруживается эффект трехлетнего временного лага – хотя сильное устойчивое падение цен на нефть немедленно ведет к заметному росту рисков социально-политической дестабилизации, по-настоящему высоким этот риск становится через три года после этого. Это связано с тем обстоятельством, что за период высоких цен нефтеэкспортирующие государства обычно накапливают определенный запас устойчивости, который имеет тенденцию рассасываться за три года устойчиво низких цен (отметим, что и устойчивый рост цен имеет тенденцию оказывать свой стабилизирующий эффект с трехлетним лагом).

Вместе с тем здесь важно иметь в виду следующее обстоятельство. Практическая неизбежность роста суммарной социально-политической нестабильности в нефтеэкспортирующих странах при падении цен на нефть ниже 35 долл. (в долларах 2014 г.) не означает, что очень значительный рост социально-политической нестабильности при этом совершенно неизбежен в любой из нефтеэкспортирующих стран. Например, в 1980-х – начале 1990-х годов затяжное падение цен на нефть послужило мощным фактором развала Советского Союза или генезиса гражданской войны в Алжире [см., например: Гринин, Коротаев, Малков, 2010], а вот Саудовской Аравии (хотя и совсем не без труда) удалось в те же годы сколько-нибудь серьезной социально-политической дестабилизации избежать [см., например: Turchin, 2006]. Таким образом, для нефтеэкспортирующих стран затяжное падение цен ниже уровня в 40 (и особенно 35) долл. за баррель очень заметно повышает риск социально-политической дестабилизации, но не делает ее неиз-

бежной. Да, если в ближайшие годы цена на нефть не вернется на уровень выше 60 долл. за баррель, можно ожидать заметного роста социально-политической нестабильности в некоторых нефтеэкспортирующих странах; если эта цена устойчиво уйдет ниже 40 (и особенно 35) долл., можно ждать значительно более сильной дестабилизации в большем числе нефтеэкспортирующих стран. Соответственно и в России нефтеобусловленный риск социально-политической дестабилизации вырос уже и практически неизбежно (если цены на нефть не вернутся на уровни выше 60 долл.) вырастет еще в ближайшие годы (не будем забывать про трехлетний лаг). При устойчивом же падении цен на уровни ниже 40 (и особенно 35) долл. этот риск вырастет особенно сильно. Но даже и в случае последнего речь не будет идти о неизбежной радикальной дестабилизации – в случае адекватных действий государственной администрации и гражданского общества она вполне может быть предотвращена.

И наконец, методологический вывод – использование количественных методов для выявления факторов социально-политической дестабилизации государств в современном мире является эффективным исследовательским инструментом, так как оно позволяет не только выявлять эти факторы, но и исследовать характер их влияния (например, выяснять идет ли речь о линейном, экспоненциальном или, скажем, степенном воздействии), выявлять пороговые уровни воздействия и т.п., что без использования количественных методов представляется в принципе невозможным.

Список литературы

- Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходунова. – М.: УРСС, 2012. – 464 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 4. – С. 34–52.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. – 384 с.
- Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / А.В. Коротаев, Д.А. Халтурина, А.С. Малков, Ю.В. Божевольнов, С.В. Кобзева, Ю.В. Зинькина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ЛКИ / URSS, 2010. – 346 с.

- Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность – М.: Восток: «Наука», 2013. – № 1. – С. 105–118.
- Коротаев А.В. О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. – М., 2014. – Т. 7, № 1. – С. 56–74.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. – М., 2011б. – Т. 4, № 2. – С. 5–29.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Прогнозирование социополитических рисков: Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – М., 2010. – Т. 36. – С. 101–102.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. – М., 2011а. – № 6. – С. 10–16; № 7. – С. 15–21.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. – М., 2015. – № 8. – С. 119–127.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. Формирование афразийской зоны нестабильности // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – М., 2015. – № 2. – С. 88–99.
- Коротаев А.В., Малков С.Ю. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах // История и Математика. – Волгоград, 2014. – № 9. – С. 43–98.
- Моделирование и прогнозирование мировой динамики / В.А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 359 с.
- О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны / С.Ю. Малков, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, Е.В. Кузьмина // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 4. – С. 137–162.
- О причинах Русской революции / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. – М.: ЛКИ / URSS, 2010. – 432 с.
- Филин Н.А. Динамика межэлитного конфликта в Исламской Республике Иран, (1989–2010 годы) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. – М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2012. – С. 28–76.
- Филин Н.А. Исследование конфликта элит в современном Иране // Власть. – М., 2013 а. – № 2. – С. 112–115.
- Филин Н.А. Политологическое исследование межэлитного конфликта в Иране (использование метода event-анализа) // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна / Отв. ред. Н.И. Мамедова. – М.: ИВ РАН, 2013б. – С. 27–39.
- Цирель С.В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – М.: ЛИБРОКОМ / URSS, 2012б. – С. 162–173.

- Цирель С.В. Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – М.: ЛИБРОКОМ / URSS, 2012 а. – С. 128–161.
- A Global model for forecasting political instability / J. Goldstone, R. Bates, D. Epstein, T. Gurr, M. Lustik, M. Marshall, J. Ulfelder, M. Woodward // American journal of political science. – Bloomington, IN, 2010. – Vol. 54(1). – P. 190–208.
- A trap at the escape from the trap? Demographic-structural factors of political instability in modern Africa and West Asia / A. Korotayev, J. Zinkina, S. Kobzeva, J. Bogevolnov, D. Khaltourina, A. Malkov, S. Malkov // Cliodynamics. – Riverside, CA, 2011. – Vol. 2(2). – P. 276–303.
- Armed conflict 1946–2001: A new dataset / N.P. Gleditsch, P. Wallensteen, M. Eriksson, M. Sollenberg, H. Strand // Journal of peace research. – Thousand Oaks, CA, 2002. – Vol. 39(5). – P. 615–637.
- Bell C., Wolford S. Oil discoveries, shifting power, and civil conflict // International studies quarterly. – Hoboken, NJ, 2015. – Vol. 59 (3). – P. 517–530.
- Colgan J.D. Oil and revolutionary governments: Fuel for international conflict // International organization. – Cambridge, 2010. – Vol. 64 (4). – P. 661–694.
- Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 2004. – Vol. 56 (4). – P. 563–595.
- Consumer price index (2010 = 100) / World Bank. IBRD. IDA. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL> (Дата посещения: 24.01.2016.)
- Cotet A.M., Tsui K.K. Oil and conflict: What does the cross country evidence really show? // American economic journal: Macroeconomics. – Nashville, TN, 2013. – Vol. 5 (1). – P. 49–80.
- Cross-national time-series data archive // Databanks international. – Mode of access: <http://www.cntsdata.com> (Дата посещения: 20.08.2016.)
- Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring / A.V. Korotayev, L.M. Issaev, S.Y. Malkov, A.R. Shishkina // Central European journal of international and security studies. – Prague, 2013. – Vol. 7(4). – P. 28–58.
- Europe Brent spot price FOB (Dollars per Barrel) // U.S. Energy information administration: Independent statistics & analysis [сайт]. – Mode of access: <http://tonto.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RB RTE&f=A> (Дата посещения: 24.01.2016.)
- Fearon J.D. Primary commodity exports and Civil War // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2005. – Vol. 49 (4). – P. 483–507.
- Fjelde H. Buying peace? Oil wealth, corruption and Civil War, 1985–99 // Journal of peace research. – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 46 (2). – P. 199–218.
- Global peace index // Vision of humanity [сайт]. – 2016. – Mode of access: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/our-gpi-findings> (Дата посещения 15.02.2016.)
- Goldstone J. Cross-class coalitions and the making of the Arab revolts of 2011 // Swiss political science review. – Berne, 2011 а. – Vol. 17(4). – P. 457–462.
- Goldstone J. Population and security: How demographic change can lead to violent conflict // Journal of international affairs. – N.Y., 2002. – Vol. 56(1). – P. 3–21.
- Goldstone J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? // Russia direct. – М., 2014а. – N 2. – Mode of access: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them> (Дата посещения: 11.08.2016.)

- Goldstone J.* *Revolutions. A Very short introduction.* – Oxford: Oxford univ. press, 2014b. – 168 p.
- Goldstone J.* *Toward a fourth generation of revolutionary theory* // *Annual review of political science.* – Palo Alto, CA, 2001. – Vol. 4. – P. 139–187.
- Goldstone J.* *Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies* // *Foreign affairs.* – N.Y., 2011 b. – Vol. 90 (3). – P. 8–16.
- Grinin L., Korotayev A.* Does «Arab spring» mean the beginning of world system reconfiguration? // *World futures.* – Milton Park, 2012. – Vol. 68(7). – P. 471–505.
- Gurr T.R.* 1968. A Causal model of civil strife: A comparative analysis using new indices // *American political science review.* – Washington, DC, 1968. – Vol. 62. – P. 1104–1124.
- Gurr T.R.* Persistence and change in political systems, 1800–1971 // *American political science review.* – Washington, DC, 1974. – Vol. 68. – P. 1482–1504.
- Gurr T.R.* War, revolution, and the growth of the coercive state // *Comparative political studies.* – Thousand Oaks, CA, 1988. – Vol. 21. – P. 45–65.
- Gurr T.R.* *Why men rebel.* – Princeton: Princeton univ. press, 1970. – 440 p.
- Humphreys M.* Natural resources, conflict, and conflict resolution: Uncovering the mechanisms // *Journal of conflict resolution.* – Thousand Oaks, CA, 2005. – Vol. 49 (4). – P. 508–537.
- Institutional consistency and political instability: Persistence and change in political systems revisited, 1800–1998: Presented at the annual meeting of American political science association / S. Gates, H. Hegre, M.P. Jones, H. Strand. – Washington, DC, 2000.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013–2014: A cross-national analysis // *Cross-Cultural Research.* – New Haven, CT, 2015. – Vol. 49(5). – P. 461–488.
- Korotayev A., Zinkina J.* East Africa in the Malthusian trap? // *Journal of developing societies.* – Thousand Oaks, CA, 2015. – Vol. 31(3). – P. 1–36.
- Korotayev A., Zinkina J.* How to optimize fertility and prevent humanitarian catastrophes in Tropical Africa // *African studies in Russia.* – M., 2014. – Vol. 6. – P. 94–107.
- Korotayev, A., Malkov S., Grinin L.* A Trap at the escape from the trap? Some demographic structural factors of political instability in modernizing social systems // *History & Mathematics.* – Volgograd, 2014. – Vol. 4. – P. 201–267.
- Lujala P.* The spoils of nature: Armed civil conflict and rebel access to natural resources // *Journal of Peace Research.* – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 47 (1). – P. 15–28.
- Mansfield E., Snyder J.* Democratization and the danger of war // *International security.* – Cambridge, MA, 1995. – Vol. 20(1). – P. 5–38.
- Marshall M.G., Cole B.R.* State fragility index and matrix. – Vienna, VA: Center for systemic peace, 2013 – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscr> (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Mesquida C.G., Weiner N.I.* Male age composition and severity of conflicts // *Politics and the Life Sciences.* – Bloomington, IN, 1999. – Vol. 18. – P. 113–117.
- Moller H.* Youth as a force in the Modern World // *Comparative studies in society and history.* – Cambridge, 1968. – Vol. 10. – P. 238–260.
- Nillesen E., Bulte E.* Natural resources and violent conflict // *Annual review of resource economics.* – Palo Alto, CA, 2014. – Vol. 6 (1). – P. 69–83.

- Peace and conflict instability ledger: Ranking States on Future Risks // Peace and conflict 2016. – Mode of access: <http://www.cidcm.umd.edu/pc/> (Дата посещения: 12.02.2016.)
- PRS Methodology // The PRS group. – Mode of access: <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2014/08/prsmethodology.pdf> (Дата посещения: 11.08.2016.)
- Ross M.L. A closer look at oil, diamonds, and Civil War // Annual Review of political science. – Palo Alto, CA, 2006. – Vol. 9. – P. 265–300.
- Ross M.L. How do natural resources influence Civil War? Evidence from thirteen cases // International organization. – Cambridge, 2004 a. – Vol. 58 (1). – P. 35–67.
- Ross M.L. The oil curse: How petroleum wealth shapes the development of nations. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2012. – 312 p.
- Ross M.L. What do we know about natural resources and Civil War? // Journal of peace research. – Thousand Oaks, CA, 2004 b. – Vol. 41 (3). – P. 337–356.
- Social unrest // Views Wire. – Mode of access: http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info_name=social_unrest_table&page=noads&rf=0 (Дата посещения: 11.08.2016.)
- Soysa I.D., Neumayer E. Resource wealth and the risk of civil war onset: Results from a new dataset of natural resource rents, 1970–1999 // Conflict management and peace science. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 24 (3). – P. 201–218.
- State failure task force report: Phase II findings / D. Esty, J.A. Goldstone, T.R. Gurr, B. Harff, M. Levy, G.D. Dabelko, P. Surko, A.N. Unger // Failed and fragile states. – McLean, VA: Science applications international corporation (SAIC), 1998. – Mode of access: <http://www4.carleton.ca/cifp/> (Дата посещения: 20.02.2015.)
- State Failure Task Force Report: Phase III Findings / J. Goldstone, T. Gurr, B. Harff, M. Levy, M. Marshall, R. Bates, D. Epstein, C. Kahl, P. Surko, J. Ulfelder, Jr.A. Unger. – McLean, VA: Science applications international corporation (SAIC), 2003. – 255 p.
- The Arab Spring: A Quantitative Analysis / A.V. Korotayev, L.M. Issaev, S.Y. Malkov, A.R. Shishkina // Arab Studies Quarterly. – San Bernardino, CA, 2014. – Vol. 36 (2). – P. 149–169.
- Turchin P. Scientific prediction in historical sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud // History & Mathematics. – Volgograd, 2006. – Vol. 2. – P. 9–38.
- Turchin P., Korotayev A. Population density and warfare: A reconsideration // Social evolution & History. – Volgograd, 2006. – Vol. 5 (2). – P. 121–158.
- Vreeland J.R. 2008. The Effect of Political Regime on Civil War // Journal of Conflict Resolution. – Thousand Oaks, CA, 2008. – Vol. 52 (3). – P. 401–425.
- Zinkina J., Korotayev A. Projecting Mozambique's demographic futures // Journal of futures studies. – Taipei, 2014b. – Vol. 19 (2). – P. 21–40.
- Zinkina J., Korotayev A. Explosive population growth in tropical Africa: Crucial omission in development forecasts (emerging risks and way out) // World futures. – Milton Park, 2014a. – Vol. 70 (4). – P. 271–305.

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ¹

Аннотация. В статье обсуждаются теоретические аспекты исследования эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах. Показывается возможность использования качественного сравнительного анализа (QCA) для изучения посткоммунистических трансформаций на примере некоторых результатов исследовательского проекта, посвященного эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах.

Ключевые слова: институциональная трансплантация; посткоммунистические страны; институциональная трансформация; качественный сравнительный анализ.

E. Yu. Meleshkina

State-building and institutional transplantation in post-communist countries

Abstract. The article discusses theoretical aspects of investigation of institutional transplantation effectiveness in the post-communist countries. It is focused on

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, профессор департамента политологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru;

Meleshkina Elena, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia); Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена по результатам проекта РГНФ, грант № 13-03-00399 а («между патримониальным и современным политическим порядком: Качество управления в странах постсоветского пространства»)

possibilities of Qualitative Comparative Analysis (QCA) for study of post-communist transformation on the basis of some results of research project about institutional transplantation effectiveness in those countries.

Keywords: institutional transplantation; post-communist countries; institutional transformation; Qualitative Comparative Analysis.

Распад коммунистического лагеря и Советского Союза повлек широкомасштабные политические и социально-экономические трансформации в одних странах, а также появление новых независимых государств, в том числе ряда территорий с оспариваемым государственным статусом и претензиями на место в мировом сообществе в качестве государств. Страны бывшего коммунистического лагеря столкнулись со многими сходными проблемами формирования новых институтов управления и политического представительства. Это подобие во многом было обусловлено сходным коммунистическим и имперским институциональным наследием, которое предполагало сочетание несовременных (в том числе патримониальных, в понимании М. Вебера) правил и практик с попытками формирования современных институтов, актуализировавшимися не в последнюю очередь под влиянием международной среды. После распада коммунистического лагеря в этих государствах с разной степенью интенсивности осуществлялись реформы по изменению политического режима, институтов государственного управления и учреждению рыночной экономики.

Несмотря на многие общие проблемы, страны, условно относимые к посткоммунистическим, отличаются друг от друга по особенностям формирования и эволюции политических режимов, успешности в укоренении и соотношении формальных институтов и неформальных практик, эффективности и качеству институтов и аппарата государственного управления и др.

В настоящей статье выявляются факторы и условия, влияющие на эффективность институциональных заимствований в бывших коммунистических странах и воспроизводство и / или трансформацию советского и – шире – коммунистического институционального наследия. С помощью качественного сравнительного анализа (QCA) выявляются группы стран с различной степенью успешности институциональной трансплантации и разными сочетаниями условий для нее.

Институциональные заимствования и условия их успешного осуществления

Под институциональными заимствованиями, которые могут осуществляться на основе идей, прошлого опыта, практики других стран, в статье понимается перенос политических институтов из одних политических, культурных и временных контекстов в другие. Как синоним институционального заимствования в работе употребляется также термин «институциональная трансплантация», так как он часто используется в литературе в этом смысле. В общем виде под «мерой» эффективности трансплантации в статье понимается формирование способности заимствованных институтов реализовывать свои функции в процессе институционализации новых норм и правил.

В исследовательской литературе представлены два основных подхода к эффективности институционального заимствования. Первый основан на оценке действий акторов, практических и административных аспектов трансплантации. Второй – политического, правового и культурного сходства страны-донора и реципиента и предполагает наличие конгруэнтности как основы успеха. Среди исследователей, признающих важность контекста, средовых факторов нет согласия относительно набора последних.

Одним из вариантов объяснения влияния средовых факторов является подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2009], значительное место в объяснительной концепции которых занимает тропа зависимости и контроль над насилием.

В своих работах эти авторы используют деление «политических порядков» на три вида. Два из них могут быть полезными для использования в изучении проблемы институциональной трансплантации в посткоммунистических странах. Это:

- иерархичный порядок с ограниченным доступом, в котором правила и практики не носят универсального характера, существуют рента и привилегии, отсутствует монополия на насилие;
- порядок с открытым доступом, предполагающий неперсональный характер правил и процедур, обмен посредством контрактно-принудительного аппарата, высокую специализацию управленческого аппарата и т.д.

Последний тип авторы классификации условно сопоставляют с современным государством.

Согласно концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, успех трансплантации институтов (*rule of law*, выборы и иные институты демократии, экономическая конкуренция) зависит от успешности решения задач преобразования порядка с ограниченным доступом в порядок с открытым доступом, на процесс которого влияет тропа зависимости. Эта идея была использована в нашем исследовании для выявления условий эффективности заимствованных институтов.

Другая группа ученых, признающих важность контекста, обращается к культурным основаниям для объяснения институциональных изменений [например, Zweynert, 2009, p. 339–360]. Культура здесь понимается как разворачивающееся взаимодействие между формальными и неформальными нормами. В рамках этого подхода эффективность импорта институтов соотносится с особенностями местной культуры. Предполагается, что политические акторы могут способствовать процессу институциональной трансплантации, но не предопределять его. Также способствовать этому процессу могут политические кризисы. Но и они не являются его неперенным условием. Этот подход также заслуживает внимания. Несомненно, культурные особенности оказывают воздействие на функционирование институтов и результат институциональных заимствований. Однако, понимая сложность формализации культурных факторов и опасность произвола в этом процессе, в нашем исследовании мы их специально не учитывали.

В целом в научной литературе выделяются четыре основных фактора, влияющих на успех институциональных изменений, включая трансплантацию.

Во-первых, это радикальный разрыв с укоренившимися практиками [например, De Jong, Stoter, 2009, p. 311–330; Roland, 2004, p. 109–131]. Добавим, что в этом смысле в период перемен, особенно решения судьбоносных задач типа образования нового государства, важным является принятие радикальных институциональных решений. Это обстоятельство мы учитывали при выявлении факторов, влияющих на институциональные изменения в посткоммунистических странах.

Во-вторых, имеет значение контекст и адаптация к нему импортированных институтов [Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195; De Jong, Stoter, 2009, p. 311–330]. Ряд контекстуальных факторов использовался в нашем исследовании. Что касается

адаптации, то мы отказались от прямого учета этого фактора в силу сложности его формализации.

В-третьих, в качестве значимого фактора отмечают знакомство в обществе-реципиенте с новым институтом, облегчающее процесс адаптации [Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195]. В частности, от подобного знакомства выигрывают колонии, возникшие как поселенческие.

Некоторые исследователи, отмечающие важность этого фактора, подчеркивают позитивную роль, которую могут играть различные акторы, поддерживающие процесс ознакомления с институтами и их адаптации: «институциональные предприниматели» («institutional entrepreneurs»), «культурные предприниматели» («cultural entrepreneurs») или «правовые посредники» [Zweynert, 2009, p. 339–360; Berkowitz, Pistor, Richard, 2003, p. 165–195; De Jong, Stoter, 2006, p. 311–330]. Однако в целом более значимыми здесь являются институциональные традиции, которые мы также пытались учесть в нашем исследовании.

В-четвертых, значимым фактором может быть обратное влияние заимствованных институтов на местную культуру и неформальные институты, т.е. «рекогнитивный» процесс [Chang, Evans, 2005, p. 103], который в свою очередь влияет на будущее заимствованных институтов. К сожалению, данный фактор также довольно сложно формализовать. Поэтому нами он специально не использовался.

Помимо этих факторов исследователи также отмечают влияние международной среды и процессов глобализации. Современная международная система предполагает распространение в мировом масштабе норм и институтов национального государства и демократии. Помимо этого, под влиянием глобализации происходит интенсификация институциональных заимствований, которая характеризуется в ряде случаев ускорением заимствований и увеличением дистанции (в том числе культурной) между донором и реципиентом. Отсюда возрастает проблема институциональной адаптации и несовместимости.

Стремясь учесть контекст институциональных заимствований в нашем исследовании, мы обратились к анализу особенностей институциональных традиций стран, входящих в нашу выборку. Важным обстоятельством для нас было то, что все посткоммунистические страны на том или ином этапе своего раз-

вития входили в состав континентальных империй или являлись их зависимыми территориями. Ряд стран в коммунистический период входили в состав СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации. Другие были в сфере его влияния. Это не могло не сказаться на специфике институциональных традиций. В большей или меньшей степени в странах нашей выборки (особенно в государствах постсоветского пространства) продолжают функционировать элементы «порядка с ограниченным доступом», что затрудняет процесс укоренения институтов «порядка с открытым доступом». Для ряда посткоммунистических стран характерны сохраняющиеся черты иерархической косвенной системы управления, характеризующейся опорой на личностные связи, распространение патрон-клиентских отношений, слабая степень универсализации правил и практик (включая деятельность государственного аппарата), слабая дифференциация между частной и публичной сферами и проч. Институциональное заимствование в этих условиях осложняется потенциальной открытостью и несогласованностью границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающихся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам [см., например: Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2013, с. 10–29].

Исследовательская стратегия и используемые показатели

Для решения задач исследования эффективности институциональной трансплантации в посткоммунистических странах нами была использована стратегия качественного сравнительного анализа (QCA)¹, который отчасти позволяет преодолеть размежевание между сторонниками количественных и качественных методов исследования относительно исследования причинно-следственной связи [Mahoney, Goertz, 2006]. В политической науке он стал применяться сравнительно недавно, однако уже получил широкое распространение в разных тематических областях политологии.

¹ О QCA см. подробно, например: [Ragin, 1987; Ragin, 2008, Configurational, 2008 etc.].

Его преимущество заключается в том, что он позволяет сохранить ориентацию на понимание уникальности казусов при решении задач сравнения и типологизации. В отличие от качественных стратегий здесь мы имеем более широкие возможности для осуществления сравнения в силу того, что QCA позволяет:

1) осуществить переход от описания отдельных казусов к более систематическому изучению объектов в малых и средних выборках;

2) «примирить» качественное описание объекта с формальным анализом;

3) сохранить баланс между описанием объектов во всем их многообразии и поиске обобщений;

4) выявить различия между казусами и их типами и создать типологию.

В контексте противоречий между сторонниками качественных и количественных методов важно отметить, что качественный сравнительный анализ – стратегия, направленная не на выявление «главных» трендов и исключений, а на поиск различий между казусами (diversity-oriented analysis), сходства между ними в различиях.

В основе качественного сравнительного анализа лежит Булева алгебра, которая предполагает анализ эмпирических данных путем формализации качеств («причин» или, в терминах QCA, «условий» и «следствий») с помощью высказываний, оцениваемых как истинные (наличие качества) или ложные (отсутствие качества), их сведение в таблицы истинности, а также анализ таблиц истинности путем различных процедур, в частности минимизации логических выражений.

QCA ориентирован на нахождение достаточно простых сочетаний небольшого количества характеристик, включенных в анализ. При этом причина понимается как ситуация одновременного присутствия условий и «выхода» (outcome). Ищутся именно сложные причины, представленные как сочетания отдельных условий. Иными словами, QCA предполагает обнаружение связи не между отдельными характеристиками, а между их сочетаниями. При этом важным является не количество казусов – примеров таких сочетаний, а количество этих сочетаний, типов ситуаций.

Применение логики качественного сравнительного анализа в работе позволило выявить типы сочетаний причин-следствий того или иного типа стран, выделенных на основе показателей успеха

институциональной трансплантации, которые были использованы нами в качестве следствий.

Использование формальных критериев для определения типов и эффективности трансплантации различных институтов с учетом влияния странового контекста, о важности которого говорились выше, – задача сложная и амбициозная. Ее осуществление на материале нашей выборки предполагает либо применение дорогостоящих методов и методик, либо сужение числа исследуемых случаев до наиболее типических и соответственно применение фокусированного сравнения. Принимая во внимание ограниченность наших ресурсов, мы решили для оценки эффективности трансплантируемых институтов использовать имеющиеся индексы, которые позволяют условно отнести государства в нашей выборке к трем группам: стран с успешной трансплантацией заимствованных институтов, отстающих в этом отношении и «среднячков».

Учитывая тот факт, что перед посткоммунистическими странами стояли задачи демократизации, формирования рыночной экономики и современного государства, предполагающего господство права, мы обратились к тем имеющимся индексам, которые отражают данные аспекты социально-экономической и политической жизни. Эти же аспекты в плане результатов трансплантации институтов предлагают оценивать и Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast, 2009 a; Limited access orders... 2007; North, Wallis, Weingast, 2009 b].

В качестве базовых данных, на основе которых страны были поделены на группы по успешности трансплантации, мы использовали индексы управляемости Всемирного банка. При этом учитывалось, что при всех проблемных особенностях этих индексов (сложносоставность, повторяемость исходных данных, недостаточно продуманная процедура агрегирования и т.д.) они обладают важными для нашего проекта достоинствами, среди которых следует особенно отметить единую шкалу и соответственно сопоставимость индексов, свидетельствующих о разных сторонах общественно-политической и социально-экономической жизни.

В нашем исследовании использовались следующие три показателя: господство права (rule of law), голос и подотчетность (voice and accountability) и качество регулирования (regulatory quality). Господство права предполагает доверие и подчинение существующим общественным нормам. Голос и подотчетность свиде-

тельствуют о наличии возможностей у граждан влиять на формирование и смену правительства, основных политических прав и свобод, транспарентность в принятии политических решений. Качество регулирования означает восприятие способности правительства формулировать и осуществлять ясную политику, которая допускает существование частного сектора и способствует его развитию [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2010]. Индекс можно косвенно рассматривать как показатель эффективности трансплантации институтов рыночной конкуренции.

В нашу выборку входили только посткоммунистические страны. Это было обусловлено наличием объединяющего их исторического опыта, коммунистического прошлого и общим временным периодом трансформации. Перед ними стояли похожие задачи формирования институтов правового государства, демократического правления и рыночной конкуренции. Решение этих задач предполагало осуществление институциональных заимствований, реализованных с разными результатами. В ходе исследования нам было интересно выяснить, каким образом особые условия, имевшиеся в разных странах нашей выборки, способствовали тому или иному результату институционального заимствования.

В выборку были включены не все посткоммунистические страны, а только те, по которым имеются данные по всем используемым нами в исследовании переменным-условиям. В частности, в выборке отсутствует ряд государств, в отношении которых отсутствуют данные индекса институциональных и экономических реформ (об использовании индекса в исследовании см. ниже). Это некоторые страны постюгославского пространства и Монголия. Еще одно ограничение нашего исследования заключается в том, что нами были использованы показатели Всемирного банка за 2007 г. Это объясняется необходимостью их сопоставления с другими данными, относящимися к 2000-м годам. Соответственно использованные нами данные не учитывали некоторые события, произошедшие в посткоммунистических странах в последние годы, например территориальные и иные проблемы Украины. Поэтому и в наших выводах относительно Украины и ряда других стран мы ограничимся преимущественно анализом ситуации, сложившейся на период 2007 г.

Опираясь на выводы, сформулированные в результате анализа исследовательской литературы, мы выделили ряд условий,

способных повлиять на институциональные трансформации, включая заимствования. При этом мы учитывали особенности нашей выборки, в которую входят страны бывшего СССР и отчасти СФРЮ (т.е. новые независимые государства, возникшие при распаде политий, имевших имперские черты организации власти) и ряд государств Восточной Европы, входивших в Варшавский договор и находившихся под сильным влиянием СССР. Таким образом, некоторые имперские черты организации государственной власти могут быть обнаружены не только в Советском Союзе, но в той или иной степени на всем социалистическом пространстве. Мы учитывали это обстоятельство при выделении основных факторов-условий, влияющих на успех трансплантации институтов.

Первое условие – это влияние внешнего фактора, точнее, наложение международными структурами нормативной рамки и контроль за ее исполнением. Выделяя этот фактор, мы учитывали особенности современной международной системы и ее влияния на государства, переживающие социально-политические трансформации. Сложившаяся в XX в. международная система была основана на представлениях и образцах развития европейского государства, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека и т.д. В качестве критериев и обязательств они постепенно распространялись и накладывались на новые государства. Эти нормы неизбежно носили отпечаток европоцентричности: «Европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и вероятно оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе – в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формам» [Tilly, 1975, p. 637]. В данном высказывании Ч. Тилли прекрасно отражается суть воздействия современной международной системы на процессы институциональной трансформации и заимствования.

Влияние международной системы сказывалось на институциональном развитии новых независимых государств в межвоенный период. В посткоммунистический период его воздействие ощущается еще сильнее, в том числе благодаря активной деятельности международных надгосударственных структур. Некоторые

из них, например Европейский союз, предполагают тесную интеграцию стран-членов и предъявляют к ним строгие требования в области правовых норм, управленческих и иных политических практик. Существенное влияние на институциональное развитие оказывает не только членство в ЕС, но и статус кандидата.

Как известно, в 2004 г. Литва, Эстония и Латвия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия вступили в ЕС. Это было наибольшее расширение Европейского союза по людским и территориальным показателям. В 2007 г. членами Европейского союза стали Болгария и Румыния, в 2013 г. – Хорватия. Статус кандидата имеет одна страна из нашей выборки – Македония (с 2004 г.).

Вступлению стран Восточной Европы в ЕС предшествовали длительный процесс переговоров, формулировки требований к странам-кандидатам, осуществления реформ в них и контроля за их реализацией. Среди основных критериев приема в члены ЕС (Копенгагенские критерии) были: наличие стабильных институтов, которые гарантируют демократию, верховенство права, прав человека, уважение и защиту меньшинств, существование жизнеспособной рыночной экономики, возможность противостоять давлению конкуренции внутри Европейского союза, способность взять на себя обязательства, связанные с вступлением в ЕС, в особенности поддерживать цели политического, экономического и валютного союзов, способность самого Европейского союза абсорбировать новых стран-членов, не ставя под угрозу собственную целостность и стабильность. В 1994 г. Европейским союзом была одобрена программа подготовки стран-кандидатов к вступлению в ЕС «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Европейского союза». На заседании Европейского совета в Мадриде в декабре 1995 г. были введены дополнительные критерии приема в члены ЕС, связанные со способностью вступающих стран принимать и осуществлять одобренную Европейским союзом структурную и аграрную политику. Все страны ЦВЕ первоначально были разбиты на две группы: «первой волны» (наиболее готовые к вступлению: Польша, Чехия, Венгрия, Словения, Эстония и Кипр) и «второй волны» (Болгария, Словакия, Латвия, Литва, Румыния). По отношению к странам «второй волны» были выработаны дополнительные требования и рекомендации по достижению ими уровня госу-

дарств «первой волны», которые касались как нормативных актов, так и механизмов управления.

Как следует из проведенных исследований, посвященных влиянию членства в ЕС на развитие государственных институтов в посткоммунистических странах, предъявляемые Европейским союзом требования к их качеству, а также контроль за реформами явились положительным фактором развития институтов государственного управления [Meyer-Sahling, 2009; The European Union... 2010 etc.]. Кроме того, сопоставление различных данных, характеризующих политические режимы, с членством посткоммунистических стран в ЕС также свидетельствует о том, что показатели, подтверждающие демократичность режима, у членов Европейского союза выше, чем у других посткоммунистических государств.

Подобные заключения позволяют предположить, что участие в международной интеграции и особенно в случае с посткоммунистическими странами членство в Европейском союзе является значимым фактором-условием, влияющим на специфику институциональных трансформаций, механизм и результаты институциональных заимствований. Поэтому в нашем исследовании участие в международной интеграции учитывалось в виде оценки истинности высказывания относительно членства в Европейском союзе (условие В).

Поскольку результат (или «выход») оценивался по данным Всемирного банка 2007 г., то и членство в ЕС оценивалось на этот период времени. Две страны, Болгария и Румыния, вступившие в ЕС как раз в 2007 г., кодировались в нашем исследовании не как члены ЕС. Однако фактор подготовки этих государств к членству в Европейском союзе учитывался нами при интерпретации результатов исследования.

Второй выделенный нами фактор-условие – наличие традиций собственной государственности в XX в. Наличие традиций самостоятельной государственности позволяет снизить издержки на «изобретение», заимствование и легитимацию новых институтов, связанных с функционированием государства и нации. Однако опыт самостоятельной государственности в XX в. имеет в этом отношении особое значение по следующей причине. Именно в XX в. международное сообщество стало позиционировать себя как мировое. Именно в XX в. были выработаны те во многом европоцентричные требования и нормы в отношении новых государств,

которые отмечались выше. Именно в XX в. были разработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, именно в XX в. европейские страны наиболее отчетливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между автократическими формами и демократией) и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности, формирования нации и демократизации в XX в., демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [Stark, Brust, 1998; Crzymala-Busse, 2002 etc.]. Некоторые посткоммунистические страны, например страны Балтии, продекларировали конституционную преемственность, возродили органы государственной власти, существовавшие в межвоенный период, пытались воссоздать аналогичные структуры политического представительства (например, партии) и т.д. В связи с этим мы предположили, что опыт (пусть и ограниченный) создания институтов «порядка с открытым доступом» — условие, позитивно влияющее на заимствования соответствующих институтов.

Учитывая важность опыта создания собственных институтов государственного управления, основ конституционного устройства и институтов регулирования членства в политическом сообществе, полученного в XX в., в качестве одного из гипотетических условий эффективности трансплантации мы использовали в нашем исследовании оценку истинности высказывания относительно наличия опыта самостоятельной государственности (условие А). При этом истинным это выражение считалось только в том случае, если независимая государственность существовала такое количество времени, которое позволило наработать собственный опыт институционального строительства в области государственного управления, формирования нации и т.п. Среди государств постсоветского пространства только страны Балтии обладали таким опытом в межвоенный период.

Что касается России, то в нашем исследовании мы осуществили два варианта кодирования и соответственно два варианта типологизации условий заимствований. В первом высказывание относительно опыта самостоятельной государственности кодировалось как 0. При этом учитывалось, что в XX в. Россия выступала преимущественно как центр СССР – государственного образования, обладавшего многими чертами имперской организации власти. Опыт строительства институтов современного государства и нации в нынешних границах у России был крайне ограниченным и сопоставимым с некоторыми другими республиками будущего СССР, соответствующее высказывание в отношении которых оценивалось как ложное.

Во втором варианте кодирования мы учитывали доминирующий в России общественно-политический дискурс, основанный на идее юридической преемственности СССР–России. В этом варианте высказывание по условию А оценивалось как истинное. Несмотря на то что мы осуществили данный вариант кодирования и использовали его в уравнениях и выводах, нам он представляется некорректным, нарушающим исследовательскую логику и осложняющим получение адекватных выводов относительно типов сочетаний условий и откликов.

Третий фактор-условие – это характер осуществляемых реформ. Выделяя это условие, мы исходили из предположения, что, как отмечалось в отчете выше, для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилок», во время которых наиболее явно проявляется влияние агентивных факторов. В эти моменты политического развития возрастает неопределенность и акторы побуждаются к выбору альтернативных институциональных решений. В то же время решения, принятые в период «критических развилок», их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов. Поэтому этот фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных заимствований. Это справедливо и в отношении формирования основных институтов государства и политического режима в посткоммунистических странах. В связи с этим важным является вопрос о том, какие реформаторские решения были приняты в этих странах на этапе интенсивной политической трансформации, как

именно эти решения повлияли на характер и динамику институционального развития.

В связи с этим можно выделить три типа стратегии реформ, которые, с нашей точки зрения, по-разному влияют на успех трансплантации.

Во-первых, радикальная смена старых (в том числе имперских по сути) институтов, полный слом старой структуры управления и правил и попытка их замещения новыми (или / и, применительно к некоторым посткоммунистическим странам, заимствованными из прошлого довоенного опыта). То есть эта стратегия может предполагать радикальный слом институтов «порядка с ограниченным доступом» и попытку их замещения институтами «порядка с открытым доступом». Эта стратегия предполагает высокие издержки на начальном этапе, но снижение количества необходимых ресурсов и транзакционных издержек на преодоление противоречий между старыми и новыми институтами в дальнейшем и в силу снижения транзакционных издержек возникновение консенсуса по поводу новых правил и практик.

Во-вторых, сохранение преемственности между старыми и новыми институтами. Этот вариант предполагает экономию ресурсов на проведение серьезных реформ, выстраивание новой системы управления и формирование новой нормативной базы, снижение на первых порах транзакционных издержек. Сама по себе ситуация определенности в силу доминирования старых норм и правил не препятствует долгосрочным вложениям акторов в общественные блага и появлению «стационарных бандитов» (при наличии других благоприятных для этого условий). Однако такой эффект этой стратегии не может быть долгосрочным. Со временем противоречия между старыми институтами («порядка с ограниченным доступом») и новыми требованиями, между формальными и неформальными нормами могут обостриться, а транзакционные издержки увеличиться.

В-третьих, непоследовательное осуществление институциональных реформ. Этот вариант предполагает сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределенности, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами. Эта стратегия мотивирует акторов на использование противоречий в своих личных или узкогрупповых целях, достиже-

ние сиюминутной выгоды, а не на вложение в долгосрочные общественные блага.

Для учета типа стратегии реформ мы обратились к подсчетам Т. Фрая, использовав исчисленный им на основе данных ЕБРР за период с 1990 по 2004 г. с помощью метода главных компонент индекс институциональных и экономических реформ [Frye, 2010, p. 75]. При этом все страны были разбиты нами на три группы. В первую группу попали страны, индекс которых не превышал значения 5,5 (государства, сохранившие высокую институциональную преемственность). Во вторую группу вошли страны со значением индекса, расположенным в промежутке от 5,51 до 8. И третья группа стран включала те, значения индекса у которых превышало 8 (условно государства с радикальной стратегией реформ). Сложности отнесения некоторых стран к той или иной группе (например, Хорватии со значением в 7,96) были учтены при интерпретации результатов анализа.

Поскольку таблицы истинности требуют бинарных категорий анализа, переменная, отражающая стратегии реформ, была разбита на две (стратегия реформ 1 – D, стратегия реформ 2 – G). Что касается первой переменной (D), то высказывание оценивалось как истинное, если страна относилась к группе стран с высокой степенью институциональной преемственности. В остальных случаях высказывание оценивалось как ложное. По переменной G высказывание оценивалось как истинное относительно стран, где осуществлялась радикальная стратегия реформ (страны третьей группы). У остальных оно оценивалось как ложное.

Четвертый фактор-условие – наличие конкуренции внутри-элитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества). Этот фактор имеет особое значение в период социально-политических трансформаций, предполагающих формирование новых государств, смену режима и т.д. В условиях отсутствия радикальной смены политической элиты, конкуренции между различными элитными группами и при доминировании одной элитной группы, укорененной в старом политическом порядке, концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования у доминирующей группы оказывается мало стимулов для институциональных новаций. В этих условиях реакция на стимулы внешней среды (например, международной) к

институциональным заимствованиям может привести к заимствованию внешней формы института, а не алгоритма.

Данный фактор-условие кодировался на основе экспертной оценки. При этом истинным высказывание считалось тогда, когда в той или иной стране доминирование одной политической группы осуществлялось в течение длительного времени. Так, например, для России данное выражение оценивалось как истинное (при этом мы учитывали, что в 1999–2000 гг. не произошло смены власти), в то время как для Грузии и Украины как ложное, несмотря на доминирование отдельных политических сил в тот или иной период времени (и в той и в иной стране власть менялась неоднократно, доминирующим акторам не удавалось сосредоточить в своих руках ресурсы, необходимые для сохранения власти). Относительно Белоруссии данное высказывание оценивалось как истинное. При этом мы учитывали длительность периода существования режима А. Лукашенко.

Еще одним важным, по нашим предположениям, условием было наличие материальных ресурсов, которые гипотетически можно вложить в институциональное строительство. Само по себе наличие материальных средств не гарантирует успех трансплантации институтов, но создает дополнительные возможности для проведения дорогостоящих реформ. В качестве показателя наличия этих ресурсов использовался ВВП на душу населения по оценкам Всемирного банка (Atlas method). Мы взяли данные за 2004 г. с учетом временно́го лага относительно индексов господства права, голоса и подотчетности и качества регулирования, полагая, что влияние ресурсной обеспеченности проявляется с течением времени.

Страны нашей выборки были разбиты на три группы в зависимости от величины ВВП на душу населения. В первую группу были включены страны с показателем от 0 до 2,000. Во вторую – с показателями, превышающими 2,000 и до 5,000. В третью – все остальные (т.е. с ВВП больше 5,000). Для дихотомического кодирования были созданы две переменные-условия: Е и J. По переменной Е высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к первой группе (т.е. с маленьким ВВП). По переменной J высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к третьей группе (т.е. с относительно высоким ВВП).

Типы и условия институциональной трансплантации в посткоммунистических странах

Разбиение стран на три группы по параметрам «господство права», «голос и подотчетность» и «качество регулирования» было осуществлено следующим образом.

По параметру «господство права» к первой группе были отнесены страны с низкими показателями индекса (до -1 ; условно «отстающие»). Ко второй группе – со средними показателями (от $-0,99$ до $0,1$), к третьей – с относительно высокими показателями по выборке (выше $0,1$; условно «успешные»).

По параметру «голос и подотчетность» к первой группе были отнесены страны с величиной индекса до -1 (условно «отстающие»), ко второй группе – от $-0,99$ до $0,1$, к третьей – выше $0,1$ (условно «успешные»).

На основе индекса «качество регулирования» страны также были поделены на три группы. Учитывая больший разброс значений по выборке, были выбраны другие границы деления на группы. К первой группе были отнесены страны со значениями индекса до -1 (условно «отстающие»). Ко второй группе – со значениями от $-0,99$ до $0,49$. К третьей группе – со значениями от $0,55$ и выше (условно «успешные»).

Соответствующие данные представлены в таблице 1.

В таблице 2 представлены результаты кодирования факторов-условий.

Далее страны выборки были разбиты на типологические группы, включающие в себя одинаковое сочетание условий-отклика. В таблице 3 представлена группировка стран относительно «господства права».

На основе таблицы 3 была составлена формула, включающая в себя типы сочетаний для «отстающих» стран по параметру «господство права»:

$$F(1) = abCDgej+abcdgEj+abCDgEj+abCdgej$$

Процедура логической минимизации позволила выделить два необходимых для отнесения к группе «отстающих» условия:

$$F(1) = ab.$$

Таблица 1

**Разбиение совокупности посткоммунистических стран
на группы на основе индексов «господства права», «голос
и подотчетность» и «качество регулирования»**

Страны	Господство права (значение индекса)	Господство права (разбиение на группы)	Голос и подотчетность (значение индекса)	Голос и подотчетность (разбиение на группы)	Качество регулирования (значение индекса)	Качество регулирования (разбиение на группы)
Азербайджан	-0,83	2	-1,13	1	-0,50	2
Албания	-0,7	2	0,09	2	0,07	2
Армения	-0,51	2	-0,59	2	0,24	2
Белоруссия	-1,09	1	-1,8	1	-1,56	1
Болгария	-0,1	2	0,68	3	0,62	3
Венгрия	0,92	3	1,4	3	1,19	3
Грузия	-0,44	2	-0,19	2	0,21	2
Казахстан	-0,83	2	-1,06	1	-0,45	2
Киргизия	-1,19	1	-0,64	2	-0,40	2
Латвия	0,57	3	0,86	3	1,06	3
Литва	0,49	3	0,93	3	1,12	3
Македония	-0,46	2	0,25	2	0,12	2
Молдавия	-0,66	2	-0,38	2	-0,31	2
Польша	0,37	3	0,84	3	0,77	3
Россия	-0,97	2	-1,01	1	-0,44	2
Румыния	-0,11	2	0,5	3	0,52	3
Словакия	0,45	3	0,93	3	1,03	3
Словения	0,88	3	1,06	3	0,8	3
Таджикистан	-1,13	1	-1,26	1	-1,02	1
Туркмения	-1,33	1	-2,07	1	-2,02	1
Узбекистан	-1,06	1	-1,91	1	-1,45	1
Украина	-0,70	2	-0,09	2	-0,42	2
Хорватия	0,04	2	0,48	3	0,46	2
Чехия	0,86	3	0,96	3	1,03	3
Эстония	1,00	3	1,05	3	1,50	3

Таблица 2

Значения факторов-условий по странам

	А Традиции независи- мой государственности в XX в.	В Внешняя рамка (членство в ЕС)	С Доминирование одной элитной груп- пы, концентрация ресурсов в ее руках	D, G Радикализм реформ	Е, J ВВП на душу (в скобках – значение в долл.)
Азербайджан	0	0	1	0, 0	(950) 1, 0
Албания	1	0	0	0, 0	(2,030) 0, 0
Армения	0	0	0	0, 0	(1,160) 1, 0
Белоруссия	0	0	1	1, 0	(2,180) 0, 0
Болгария	1	0	0	0, 0	(2,9500) 0, 0
Венгрия	1	1	0	0, 1	(8,540) 0, 1
Грузия	0	0	0	0, 0	(1,100) 1, 0
Казахстан	0	0	1	0, 0	(2,300) 0, 0
Киргизия	0	0	0	0, 0	(400) 1, 0
Латвия	1	1	0	0, 1	(5,460) 0, 1
Литва	1	1	0	0, 1	(5,870) 0, 1
Македония	0	0	0	0, 0	(2,420) 0, 0
Молдавия	0	0	0	0, 0	(730) 1, 0
Польша	1	1	0	3, 1	(6,270) 0, 1
Россия	0 (1)	0	1	0, 0	(3,410) 0, 0
Румыния	1	0	0	0, 0	(3,010) 0, 0
Словакия	0	1	0	0, 1	(8,800) 0, 1
Словения	0	1	0	0, 1	(15,400) 0, 1
Таджикистан	0	0	1	1, 0	(270) 1, 0
Туркмения	0	0	1	1, 0	(1,310) 1, 0
Узбекистан	0	0	1	0, 0	(460) 1, 0
Украина	0	0	0	0, 0	(1,270) 1, 0
Хорватия	0	0	0	0, 0	(8,150) 0, 1
Чехия	1	1	0	0, 1	(9,750) 0, 1
Эстония	1	1	0	0, 1	(7,570) 0, 1

Таблица 3

Типы сочетаний условий-отклика («господство права»)

Казусы	Традиции независимой государственности (A)	ЕС (B)	Доминирование (C)	Реформы (D, G)	ВВП (E, J)	Господство права (F)
Албания, Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Армения, Грузия, Украина, Молдавия	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Казахстан, Россия, Азербайджан	0 (1 для России во втором варианте кодирования)	0	1	0, 0	0, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	2
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Киргизия	0	0	0	0, 0	1, 0	1
Таджикистан, Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Чехия, Эстония	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3

Как следует из этой формулы, такими условиями являются отсутствие традиций независимой государственности в XX в. и членства в ЕС. Помимо них для большинства стран этой группы необходимым является доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для поддержания такого доминирования. Исключением является Киргизия, где выражение, связанное с доминированием, оценивалось как ложное по причине произошедшей в 2005 г. «тюльпановой революции» и последующих событий. Однако до 2005 г. Киргизия могла быть условно отнесена к группе стран с доминированием одной элитной группы. В связи с этим доминирование можно также отнести к совокупности необходи-

мых условий для отнесения стран к группе «отстающих» по критерию «господства права».

Интересно также отметить, что в этой группе отсутствуют страны, где осуществлялась радикальная стратегия реформ. Она включает в основном государства Центральной Азии (что позволяет предположить влияние культурных особенностей, плохо поддающихся формализации) с относительно низким ВВП на душу населения (исключение составляет Белоруссия).

Формула сочетаний условий относительно второго варианта отклика (для стран-«середнячков») выглядит следующим образом:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abCdgej + abcdgej + abcdgeJ = bdg.$$

Исходя из этой формулы, необходимыми условиями отнесения стран к этой группе являются отсутствие членства в ЕС и смешанная, непоследовательная стратегия реформ.

В основном в этой группе представлены государства с низким или средним уровнем ВВП на душу населения (исключение составляет только Хорватия). Это преимущественно страны, входившие в прошлом в состав Российской или Османской империи или находившиеся в зависимости от них. Это косвенно свидетельствует о влиянии традиций имперской непрямой нестандартизованной системы организации власти с высоким значением неформализованных или слабо формализованных, межличностных отношений [Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2013 и др.].

Многие из этих стран не имели опыта самостоятельной государственности в XX в. Иной вариант кодирования наличия опыта независимой государственности России в XX в. в данном случае умножает количество вариантов сочетаний-условий, но не влияет на состав и характер необходимых условий.

Формула сочетаний условий относительно третьего варианта отклика выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ = BcdGeJ.$$

Таким образом, у «успешных» стран необходимым сочетанием условий является членство в ЕС, отсутствие доминирования одной элитной группы и концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования, радикальная стратегия реформ, высокие показатели ВВП на душу населения. Помимо этого следует отметить особое геополитическое положение этих стран (в основном страны Центральной Восточной Европы). Большинство из них имели опыт самостоятельной государственности в XX в.

В таблице 4 представлена группировка стран относительно «голоса и подотчетности».

Таблица 4

Типы сочетаний условий-отклика («голос и подотчетность»)

Казусы	Традиции независ. государственности (А)	ЕС (В)	Доминирование (С)	Реформы (D, G)	ВВП на душу нас. (Е, J)	Голос и подотчетность (F)
Азербайджан, Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Таджикистан, Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Казахстан, Россия	0 (1 во втором случае кодирования России)	0	1	0, 0	0, 0	1
Албания	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Украина	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	3
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	3

Формула сочетаний условий у стран первой группы следующая:

$$F(1) = abCdgej + abCDgej + abCDgej + abCdgej = abC.$$

У «отстающих» в плане развития «голоса и подотчетности» необходимыми условиями отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности, членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и наличие ресурсов для его поддержания. Кроме того, в этой группе нет государств с высоким

уровнем ВВП на душу населения и радикальной стратегией реформ. В группу входят в основном страны Центральной Азии, а также Азербайджан, Россия и Белоруссия.

Иной вариант кодирования независимой государственности России в XX в. в данном случае умножает количество вариантов сочетания условий и сокращает количество необходимых условий на один пункт. Однако мы полагаем, что этот вариант кодирования является менее адекватным с точки зрения логики и задач исследования.

Формула сочетаний условий у стран второй группы следующая:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abcdgej = bcdgj.$$

У «середнячков» необходимыми условиями выступают отсутствие членства в ЕС, доминирования одной элитной группы и непоследовательная стратегия реформ. Это страны с низким или средним по выборке ВВП на душу населения. Практически у всех отсутствует опыт независимой государственности в XX в., исключая Албанию.

Формула сочетаний условий у стран третьей группы следующая:

$$F(3) = Abcdgej + ABcdGeJ + aBcdGeJ + abcdgeJ = cd.$$

У наиболее «продвинутых» в отношении «голоса и подотчетности» было выделено одно необходимое условие – отсутствие доминирования одной элитной группы. Однако при этом следует отметить, что в восьми из десяти стран группы общими условиями являются членство в ЕС, радикальная стратегия реформ и высокий ВВП на душу населения. Две другие страны (Болгария и Румыния) до 2007 г. являлись кандидатами в члены Европейского союза, поэтому обязательства, связанные с членством в нем, не могли не сказаться на институтах демократического правления. В связи с этим членство в ЕС можно считать одним из элементов сочетания необходимых условий вхождения в эту группу стран. Интересно также отметить, что в восьми из десяти стран общим условием является опыт независимой государственности в XX в.

В таблице 5 представлена группировка стран относительно «качества регулирования».

Таблица 5

Типы сочетаний условий-отклика («качество регулирования»)

Казусы	Традиции независимой государственности (A)	ЕС (B)	Доминирование (C)	Реформы (D, G)	ВВП на душу населения (E, J)	Качество регулирования (F)
Азербайджан	0	0	1	0, 0	1, 0	2
Албания, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Киргизия, Грузия, Молдавия, Украина	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Казахстан, Россия	0	0	1	0, 0	0, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	2
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3
Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	3

Формула сочетания условий-отклика у «отстающих» в отношении «качества регулирования» стран выглядит следующим образом:

$$F(1) = abCDgej + abCdgeJ = abCDgj.$$

У этих стран необходимым сочетанием условий отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности в XX в., членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для его поддержания, а также стратегия преемственности в отношении реформ.

Формула сочетания условий-отклика у стран средней группы в отношении «качества регулирования» следующая:

$$F(2) = abCdgeJ + Abcdgej + abcdgeJ + abCdgej + abcdgeJ = bdg.$$

Это наиболее разнородная группа стран, однако и в ней есть объединяющее их сочетание условий. У этих стран в ряду необходимых условий – отсутствие членства в ЕС и непоследовательная стратегия реформ. Кроме того, почти все страны этой группы (за исключением Хорватии) – государства с низким или средним ВВП на душу населения.

Формула сочетания условий-отклика у стран «успешных» в отношении «качества регулирования» выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ + Abcdgej = c.$$

На основе данного уравнения можно выделить единственный необходимый фактор отнесения к этой группе – отсутствие доминирования одной элитной группы. Вместе с тем большинство этих стран к моменту 2007 г. были членами ЕС, а Болгария и Румыния в 2007 г. вступили в ЕС, а до этого были кандидатами. Поэтому членство в ЕС также можно рассматривать как составляющую необходимого сочетания условий. Интересно отметить, что для большей части группы важным фактором является также наличие традиций независимой государственности, радикальная стратегия реформ и высокий уровень ВВП.

В целом проведенный анализ позволил выделить две относительно устойчивые группы стран, отличающиеся различными результатами институциональной трансплантации. С одной стороны, это восточноевропейские государства – «пионеры» в развитии институтов современного государства, демократии и рыночной экономики, для которых ключевыми условиями достижения подобных результатов стало членство в ЕС и отсутствие доминирования одной элитной группы. Во многих этих странах важную роль сыграл также радикальный характер проведенных реформ и традиции независимой государственности в XX в.

С другой стороны, это «отстающие» в институциональном заимствовании преимущественно центральноазиатские страны с доминированием одной элитной группы, невысоким уровнем ВВП, отсутствием традиций независимой государственности в XX в. и членства в ЕС.

Группа «середнячков» – более аморфная, включает в себя более разнородные по условиям государства. Однако необходимо при этом отметить, что в этой группе отсутствуют страны, являющиеся членами ЕС. Кроме того, в ней нет государств, в которых осуществлялась радикальная стратегия реформ.

Список литературы

- Мелешикина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. Economic development, legality, and the transplant effect // *European economic review*. – Amsterdam, 2003. – Vol. 47. – P. 165–195.
- Capoccia G., Kelemen D. The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism // *World politics*. – Cambridge, 2007. – Vol. 59, N 2. – P. 341–369.
- Chang H.-J., Evans P. The role of institutions in economic change // *Reimagining growth – Towards a renewal of development theory*. – L.; N.Y.: Zed books, 2005. – P. 99–129.
- Configurational Comparative Methods / B. Rihoux, C.C. Ragin (eds). – Thousand Oaks; L.: Sage, 2008. – 209 p.
- De Jong M., Stoter S. Institutional transplantation and the rule of law – How this interdisciplinary method can enhance the legitimacy of international organisations // *Erasmus law review*. – Amsterdam, 2009. – Vol. 2, 3. – P. 311–330.
- The European Union and the Baltic states: Changing forms of governance / B. Jacobsson (ed.). – L.; N.Y.: Routledge, 2010. – 194 p.
- Frye T. Building states and markets after communism: The perils of polarized democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 296 p.
- Grzymala-Busse A. Redeeming the past: The regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1999. – 908 p.
- Kaufmann D., Kray A., Mastruzzi M. The worldwide governance indicators: Methodology and analytical issues: Policy research working paper / The World Bank. IBRD. IDA. – 2010. – Mode of access: www.info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf (Дата посещения: 2.08.2016).
- Mahoney J., Goertz G. A tale of two cultures: Contrasting quantitative and qualitative research // *Political analysis*. – Oxford, 2006. – Vol. 14, N 3. – P. 227–249.
- Meyer-Sahling J.-H. Varieties of legacies: A critical review of legacy explanations of public administration reform in East Central Europe // *International review of administrative sciences*. – Brussels, 2009. – Vol. 75, N 3. – P. 563–581.
- Limited access orders in the developing world: A new approach to the problems of development: Policy research working paper / D.C. North, J.J. Wallis, S.B. Webb, B.R. Weingast / World bank. – 2007. – N 4359. – 48 p.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and social orders: A conceptual framework for understanding recorded human history. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 308 p.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and the rise of open-access orders // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2009. – Vol. 20, N 1. – P. 55–68.

- Ragin C.C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 1987. – 185 p.
- Ragin C.C.* Redesigning social inquiry: Set relations in social research. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2008. – 225 p.
- Roland G.* Understanding institutional change – Fast-moving and slow-moving institutions // *Studies in comparative international development*. – N.Y., 2004. – Vol. 38, N 4. – P. 109–131.
- Stark D., Bruszt L.* Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 284 p.
- Tilly Ch.* Western state-making and theories of political transformation // *The formation of national states in Western Europe* / Ed. by Ch. Tilly. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 601–687.
- Zweynert J.* Interests versus culture in the theory of institutional change? // *Journal of institutional economics*. – Cambridge, 2009. – Vol. 5. – P. 339–360.

КОНТЕКСТ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Р.У. КАМАЛОВА *

ОБ ИЗМЕРЕНИИ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВ НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ГОЛОСОВАНИЙ В ИНСТИТУТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

Аннотация. Рассматривается задача измерения влияния участников голосований на принятие решений классическими индексами влияния и индексами влияния, учитывающими предпочтения по формированию коалиций. Приводится формальное определение для обоих типов индексов, обсуждаются ограничения применимости. Применение индексов влияния продемонстрировано на примере Совета министров ЕС и Европейского парламента.

Ключевые слова: измерение влияния; индексы влияния; предпочтения по формированию коалиций; влияние с учетом предпочтений; приложения индексов влияния; Совет министров ЕС; Европейский парламент.

* Камалова Рита Ульфатовна, магистр, преподаватель, стажер-исследователь НИУ ВШЭ (Москва) e-mail: rkamalova@hse.ru;

Kamalova Rita, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: rkamalova@hse.ru.

¹ Публикация подготовлена в ходе исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100». Автор признателен профессору Ф.Т. Алескеру за обсуждение работы и высказанные критические замечания, позволившие улучшить изложение материала, и Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ за финансовую поддержку работы.

R.U. Kamalova

**On measurement of states' power on political decision-making
on the example of votings in European Union institutions**

Abstract. We discuss the problem of measurement of voting power distribution by means of classical power indices and power indices that take into account preferences in coalition formation. Examples of application to power distribution in the Council of the European Union and in the European Parliament are preceded by formal definition of the both types of indices, history of invention and discussion about limits to applicability.

Keywords: voting power measurement; voting power indices; preferences on coalition formation; voting power with preferences on coalition formation; application of voting power indices; Council of Ministers of EU; European parliament.

Введение

В Совете министров Европейского союза с 1958 по 1972 г. Франция, Германия и Италия имели по четыре голоса, Бельгия и Нидерланды по два голоса и Люксембург – один голос. Для принятия решения требовалось не менее 12 голосов. И можно видеть, что для этого нужно было получить голоса «за» одновременно от Франции, Германии и Италии либо от любых двух стран с четырьмя голосами и заручиться поддержкой Бельгии и Нидерландов. Таким образом участие Люксембурга ни в каком случае не могло стать решающим, а значит, и его позиция по вопросу голосования могла вовсе не приниматься во внимание [Brams, Affuso, 1985]¹. На первый взгляд, это совершенно не очевидно и вряд ли такой эффект был целенаправленно запланированным.

Причинами неравного влияния стран мира в международных организациях могут выступать разнообразные факторы, некоторые из которых встроены в избирательную систему (например, принцип «снижающейся пропорциональности» представительства стран-членов в Европейском парламенте) или в систему принятия решений (право вето некоторых членов, как в Совете Безопасности ООН).

¹ При такой процедуре голосования Люксембург оказался лишенным влияния на решения Совета министров ЕС, несмотря на то что был представлен «сверх нормы»: на 310 000 человек населения в Люксембурге приходился один голос в Совете министров, в то время как для Западной Германии один голос приходился уже на 13 572 500 человек [In defense of voting... 2003].

Другие могут быть не связаны с ними напрямую, например ситуации доминирования одной точки зрения при свободном голосовании или, наоборот, манипулирования голосующими. Более того, государства мира имеют различный потенциал влияния в смысле совокупности средств и ресурсов различного характера, «которые государство располагает для оказания прямого и непрямого, военно-политического и дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного и др. влияния» [Политический атлас современности... 2007, с. 10].

Распределение влияния в органах принятия коллективных решений – международных организациях, парламентах, советах директоров – производно от распределения голосов между участниками и правила принятия решений. Крайне редко в них есть силы, обладающие абсолютным большинством, поэтому участникам приходится формировать коалиции. Но степень влияния участников на исходы голосований не одинакова, и зачастую она даже не пропорциональна доле голосов, которой они обладают.

Влияние на принятие решений в органах представительства понимается как способность участника голосования воздействовать на итог голосования: влияние максимально, когда все решения участник (фракция) может принимать единолично, и влияние отсутствует, если от голоса участника решение не изменится ни в одном из голосований. Инструментальная трактовка влияния берет начало от М. Вебера, определившего власть как «шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс ни был основан» [Вебер, 1921]. Систематические исследования по этой проблеме начались более 50 лет назад, когда в США в ряде штатов на смену системе «один округ – один голос» была введена система взвешенного представительства, после чего было показано, что влияние представителей округов не пропорционально доле мест, которой они обладают [Banzhaf, 1965]. Увеличение числа демократических институтов и международных организаций, широкое распространение избирательных прав привели к тому, что с середины XX в. для оценки влияния на голосования предлагаются различные индексы влияния, учитывающие значимость участников голосований при формировании коалиций.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 описываются классические индексы влияния и задачи, которые они решают.

В разделе 2 вводятся индексы влияния, учитывающие структуру предпочтений участников голосования. Раздел 3 посвящен приложениям индексов влияния к исследованию институтов Европейского союза – Совета министров ЕС и Европейского парламента – с точки зрения распределения влияния на принятие решений. В заключении формулируются выводы.

Раздел 1.

Классические индексы влияния участников голосования на принятие решений

Индекс влияния Шепли – Шубика

Индекс влияния Шепли – Шубика [Shapley, Shubik, 1954] основан на количестве коалиций, в которых игрок i является *ключевым* (*pivotal player*), и учитывает размер этих коалиций. Индекс Шепли–Шубика рассчитывается по следующей формуле:

$$\phi_i = \sum_{S \subseteq N} \frac{(n-s)!(s-1)!}{n!} [v(S) - v(S \setminus \{i\})],$$

где n – число партий (игроков) множества N , S – коалиция, состоящая из игроков множества N , $S \subseteq N$, а s – число партий в коалиции S . v – функция, отображающая коалицию в 1, если она выигрывающая, или 0, в противном случае, т.е. выражение в квадратных скобках принимает значение, отличное от 0 в том случае, если S – выигрывающая коалиция ($S \in WC$), а $S \setminus \{i\}$ нет. Таким образом, суммирование происходит по тем коалициям, в которых игрок является ключевым. Формирование коалиций является равновероятным [Felsenthal, 2001, p. 81]. ϕ_i принимает значения от 0 до 1, чем больше значение, тем сильнее влияние на принятие решений. Диктатор имеет значение индекса Шепли – Шубика, равное 1, а участник, который не является ключевым ни в одной выигрывающей коалиции, – равное 0.

Индекс Шепли – Шубика был предложен как частный случай вектора Шепли (*Shapley value*)¹, немногим ранее введенного для кооперативных игр², и был призван измерять потенциал участника («*ex ante likelihood*») в превращении невыигрывающих коалиций в выигрывающие, без учета какой-либо «социологической или политической суперструктуры, которая почти всегда присутствует в legislatures или управляющих советах» [Shapley, Shubik, 1954, p. 791].

Индекс влияния Банцафа

Для расчета индекса влияния Банцафа используется следующая формула:

$$\beta_i = \frac{\sum_{S \subseteq N} [v(S) - v(S \setminus \{i\})]}{\sum_{j \in N} \sum_{S \subseteq N} [v(S) - v(S \setminus \{j\})]} = \frac{b_i}{\sum_{j \in N} b_j},$$

где b_i – число коалиций, в которых партия i является ключевым участником, n – число партий (участников голосования), $i, j \in 1, \dots, n$. β_i принимает значения от 0 до 1, чем больше значение, тем сильнее влияние на принятие решений.

Банцаф критиковал индекс Шепли – Шубика за то, что в формуле расчета коалиции большего размера имеют больший вес, и предложил свой индекс, в котором все коалиции учитываются одинаково [Banzhaf, 1965; 1966]. Контекст, в рамках которого Банцафом был предложен индекс влияния, был связан с введением в некоторых штатах США правила взвешенного голосования вместо правила «один округ – один голос». Два примера, на которых Банцаф продемонстрировал неожиданные эффекты системы взвешенного голосования, приводятся в работе К. Погорельского [Погорельский, 2011]. Зачастую в силу вычислительной прозрачности и

¹ Вектор Шепли – концепция решения для кооперативных игр.

² Деятельность политических партий как торг между участниками – классический пример кооперативной игры, когда стратегию сотрудничества между игроками можно обговорить заранее (и при условии, что соблюдается партийная дисциплина, и все члены партии голосуют одинаково) [Торра, 2014].

распространенности именно индекс Банцафа является отправной точкой в задачах исследования влияния.

Допустим, некоторый международный комитет состоит из 100 мест, и в нем представлены три страны-участника. Участник *A* имеет 50 мест, участник *B* – 49, а участник *C* – только одно. Для принятия решения необходимо набрать простое большинство, т.е. квота для принятия решения составляет 51 голос.

Рассчитаем значения приведенных индексов влияния. Коалиции *A+B*, *A+C*, *A+B+C* будут выигрывающими, т.е. они могут принять решение без учета мнения других участников. Участники *B* и *C* делают выигрывающими по одной коалиции, а без участия *A* вообще невозможно принять решение. Тогда значения индекса Банцафа будут, соответственно, равны:

$$\beta_A = \frac{3}{3+1+1} = \frac{3}{5},$$

$$\beta_B = \beta_C = \frac{1}{3+1+1} = \frac{1}{5}.$$

Получается, что участники *B* и *C* имеют одинаковое влияние на принятие решений, хотя один из них имеет 49 голосов, а второй – только один голос.

Значение индекса Шепли – Шубика для участника *A* можно получить следующим образом:

$$\phi_A = \frac{(3-3)!(3-1)!}{3!} + \frac{(3-2)!(2-1)!}{3!} + \frac{(3-2)!(2-1)!}{3!} = \frac{2}{6} + \frac{1}{6} + \frac{1}{6} = \frac{2}{3}.$$

Для участников *B* и *C* по аналогии имеем:

$$\phi_B = \phi_C = \frac{(3-2)!(2-1)!}{3!} = \frac{1}{6}.$$

Сравнение значений индекса Банцафа и индекса Шепли – Шубика с долей мест участников приведено в табл. 1.

Таблица 1

**Индекс влияния Банцафа и индекс влияния
Шепли – Шубика для примера с тремя участниками**

	Доля мест	Индекс влияния Банцафа	Индекс влияния Шепли – Шубика
<i>A</i>	0,50	0,60	0,67
<i>B</i>	0,49	0,20	0,33
<i>C</i>	0,01	0,20	0,33

Очевидно, что влияние непропорционально доле мест, которыми обладают участники комитета. Таким образом, оценка влияния на голосованиях, основанная лишь на доле мест, которой обладают участники, в общем случае не может считаться хорошим методом.

Анализ влиятельности участников, изменения в относительном влиянии после изменения правил принятия решений в национальных и международных организациях, а также взаимосвязь распределения влияния с другими политическими и экономическими характеристиками может считаться одним из основных приложений классических индексов влияния. Исследования по этим проблемам охватывают значительное число комитетов: институты Европейского союза, Международный валютный фонд, Избирательную комиссию США, национальные парламенты, управляющие органы компаний.

Классические индексы влияния не учитывают структуру предпочтений участников голосования, и на этом основании критика теории измерения влияния порой включает в себя обвинения в непригодности к «прогнозированию и эмпирическому описанию» и потому оценивается как абсолютно необязательная к изучению политологами [Albert, 2003, p. 363]. И действительно, индексы Банцафа и Шепли – Шубика игнорируют предпочтения по формированию коалиций, но их задача в другом. *A priori* классические индексы влияния могут (и должны) использоваться для сравнения различных правил голосования, когда они не принимают во внимание действительные паттерны коалиционирования. Элвин Рот (*Alvin Roth*)¹ заявлял: «Такое исследование более чем

¹ Элвин Рот (*Alvin Roth*) и Ллойд С. Шепли (*Lloyd Stowell Shapley*) – нобелевские лауреаты 2012 г. по экономике, получившие премию «за теорию устойчивого распределения и практики дизайна рынков».

оправданно в том случае, если требуется, например, изучить правила принятия решений для новой конституции. Задолго до того, как на голосования будут вынесены конкретные вопросы и смогут быть выделены конкретные персоны и фракции, кто будет вовлечен в этот процесс» [Lindner, 2012, p. 177].

Критика индексов влияния за то, что они допускают формирование всех коалиций без исключения, привела к разработке мер влияния, в которых можно было бы учесть предпочтения игроков относительно друг друга и измерить не только априорное, но и действительное влияние на принятие решений в существующих выборных органах, учитывающее предпочтения по формированию коалиций.

Раздел 2.

Индексы влияния участников голосования на принятие решений, учитывающие предпочтения по созданию коалиций

«Первые [классические индексы влияния] дают возможность анализировать свойства избирательных систем исключительно в конституционных терминах и решать нормативные задачи... С другой стороны, индексы влияния с учетом предпочтений, опираются на наблюдаемое поведение и относятся к позитивной политической науке» [In defense of voting... 2003, p. 486]. Отношения между коллективными игроками, а порой и отдельные индивидуальные связи и договоренности могут существенно влиять на ход голосования и на его результат. Так, в парламенте фракции, придерживающиеся похожих политических позиций, обладающие общими интересами, будут обладать высокой степенью согласованности при голосовании по множеству вопросов. Практическое следствие таких «хороших» отношений в том, что коалиции, сформированные из этих групп, будут голосовать согласованно и будут стабильными. Если же группы придерживаются разных политических позиций, то с большей вероятностью и голосовать они будут по-разному, находясь в оппозиции друг к другу, и формирование общей стабильной коалиции вряд ли будет возможным.

Индексы влияния, учитывающие предпочтения по созданию коалиций, используются для двух моделей голосования: простран-

ственной и системы взвешенного голосования. Первая требует знания об идеальных точках (позициях) участников голосования в некотором k -мерном пространстве (например, в идеологическом). На этой модели строится известный индекс Шепли – Оуэна, одна из первых мер влияния, учитывающих предпочтения участников [Owen, Shapley, 1989]. Он, как и индекс Шепли – Шубика, представляет собой модификацию цены игры по Шепли. С целью учесть предпочтения участников голосований индекс включает в себя вероятность возникновения коалиций игроков, рассчитанную исходя из позиций игроков в двумерном евклидовом пространстве. Удобный алгоритм расчета значений индекса Шепли – Оуэна был предложен в работе Дж. Годфри [Godfrey, 2005].

В некотором смысле более простой подход был предложен Ф. Алескеровым [Aleskerov, 2006; Алескеров, 2007]. Для его реализации необязательно знать идеальные точки, а достаточно иметь информацию о попарном стремлении участников к объединению, которая зачастую более доступна, что позволяет ввести в анализ систему отношений в выборных органах и своего рода вероятность того, что участники могут сформировать коалицию. Рассмотрим этот подход подробнее.

Допустим, что A и B не могут сформировать коалицию друг с другом, т.е. их взаимные предпочтения равны 0, $p_{AB} = 0$. Тогда матрица предпочтений, где элементами матрицы являются p_{ij} , может быть представлена как в табл. 2.

Таблица 2

Матрица предпочтений p_{ij}

$i \setminus j$	A	B	C
A	–	0	1
B	0	–	1
C	1	1	–

Для каждой партии можно определить силу связи с той или иной выигрывающей коалицией по формулам функций связи $f(i, S)$, и в [Aleskerov, 2006] приводится большое количество видов функций связи, например:

- по силе предпочтений i по отношению к другим членам выигрывающей коалиции S , т.е. отношение суммы p_{ij} к размеру коалиции

$$f^+(i, S) = \sum_{j \in S} \frac{p_{ij}}{s-1}$$

- по силе предпочтений других фракций по отношению к i

$$f^-(i, S) = \sum_{j \in S} \frac{p_{ji}}{s-1}$$

Рассчитаем значения $f^+(i, S)$ для нашего примера (см. табл. 3). Например, для A имеем:

- $f^+(A, \{A, B, C\}) = (p_{AB} + p_{AC}) / |\{A, B, C\}| = (0 + 1)/2 = 1/2$;
- $f^+(A, \{A, B\}) = p_{AB} / |\{A, B\}| = 0/1 = 0$;
- $f^+(A, \{A, C\}) = p_{AC} / |\{A, C\}| = 1/1 = 1$.

Таблица 3

Значения функций связи $f^+(i, S)$

Коалиция S	A	B	C
A, B	0	0	–
A, C	1	–	1
A, B, C	$1/2$	$1/2$	1

Зная значения функций связи между фракциями, можно рассчитать влияние каждой из них. Это осуществляется простым суммированием всех значений $f(i, S)$ в выигрывающих коалициях, где i – ключевой участник, по следующей формуле:

$$\chi_i = \sum_s f(i, S).$$

Например,

- $\chi_A = f^+(A, \{A, B\}) + f^+(A, \{A, C\}) + f^+(A, \{A, B, C\}) = 0 + 1 + 1/2 = 1,5$
- $\chi_B = f^+(B, \{A, B\}) = 0$
- $\chi_C = f^+(C, \{A, C\}) = 1$.

Значение индекса влияния, посчитанного по данной формуле, может превышать единицу. С целью ограничения возможных значений индекса, осуществляется нормировка и 1 означает максимальное влияние, а 0 – минимальное:

$$\alpha_i = \frac{x_i}{\sum_j x_j}.$$

Тогда имеем: $\alpha_A = 1,5/(1,5 + 0 + 1) = 0,60$, $\alpha_B = 0$, и $\alpha_C = 1 / (1,5 + 0 + 1) = 0,40$.

Значения α -индексов показывают, что партия *B* не имеет влияния на принятие решений, если не вступает в выигрывающие коалиции, а партия *C* имеет вдвое бо́льшее реальное влияние, чем прогнозируемое индексом Банцафа, $\beta_C = 1/5$.

Таким образом, индексы влияния, учитывающие предпочтения по созданию коалиций, позволяют ввести в анализ систему отношений в органе, принимающем решения, и своего рода вероятность того, что участники могут сформировать коалицию. Но существует и точка зрения, что включение предпочтений в измерение влияния противоречит самой идее оценки влияния, потому что тогда относительный вес (влияние) игроков становится в зависимости от его действий [Braham, Holler, 2005 a]. Но если игрок не блокирует принятие решений, это не означает, что он не может этой возможностью воспользоваться. То есть участники голосования могут не оказывать влияния, хотя и обладают способностью повлиять на исход голосования. «[К]ак свойство соли растворяться в воде... участник может обладать влиянием, даже если он никогда его не проявляет», – заявляют Брэхэм и Холлер [Погорельский, 2011, с. 8]. Ими была сформулирована «Центральная теорема измерения влияния», смысл которой в том, что если влияние – это способность игрока изменять результат голосования, при измерении влияния следует исключить любые предпочтения и поведенческие особенности (*behavioural content*), имеющие отношение к голосованию [Braham, Holler, 2005 a, p. 146].

Заметим, что вопрос о том, что есть власть, потенциал или осуществление, стоит не только в области измерения влияния при голосовании. Еще в 1950–1970-е годы имела место концептуальная дискуссия между теми, кто «рассматрив[ал] власть как потенциал, способность субъекта реализовать свои возможности в тех или иных ситуациях, и теми, кто определял власть как действие, практическое воплощение данного потенциала» [Ледяев, 2011, с. 53]. Так, в ответ на публикацию М. Брэхэма и М. Холлера [Braham, Holler, 2005 a] появилась работа С. Нейпеля и М. Видгрена [Napel, Widgren, 2005], в которой авторы обсуждают невозможность на практике отделить потенциал от неспособности действовать,

а также показывают, что голосование – стратегическая ситуация, в которой игроки не только подают свои голоса в соответствии со своими предпочтениями, а ведут себя с учетом желаемых исходов прочих участников голосования. В конечном счете дискуссия о допустимости индексов влияния, учитывающих предпочтения по формированию коалиций, свелась к дискуссии о тонкостях определения понятий «власти» и «влияния» [Braham, Holler, 2005 b]¹.

Раздел 3.

Исследования распределения влияния в политических институтах Европейского союза

Расширение ЕС стало одним из наиболее популярных приложений индексов влияния с середины 1990-х годов. Самым крупным за всю историю стало включение в состав Европейского союза 10 новых членов в 2004 г. (и еще двух – в 2007 г.), семь из которых составляют так называемый «восточный блок». Проблема того, как перераспределится власть в институтах ЕС, исследователей стала интересовать задолго до фактического расширения. Принципиальное решение о включении новых членов и сопутствующем пересмотре числа голосов и квоты было принято на Ниццком саммите в 2001 г.

Новая процедура принятия решений в Совете министров была рассмотрена в «Праве голоса в расширении Европейского союза» [Voting power... 2002]. Авторы оценили и сравнили распределение влияния для ЕС-27 при использовании двух правил. Первое требует того, чтобы «за» было подано

- а) не менее 225 голосов (из 345),
- б) от 14 и более стран,
- в) эти страны должны представлять менее 62% населения ЕС.

Такая система призвана быть компромиссом между двумя принципами: «один человек – один голос» и «одна страна – один голос», и наибольший вес из трех условий имеет первое. Одновременное выполнение условий а)–в) не отличается от выполнения только (а) с точки зрения индекса влияния Банцафа. Влияние, измеренное индексом Шепли – Шубика, не отличается, если принятие

¹ Историю дискуссии о власти, влиянии и авторитете см. в: [Ледяев, 2011].

решений требует выполнения условий (а) и а)–б). Результаты, полученные для комбинации условий а)–в), отличаются от предыдущих крайне незначительно (на четыре знака после запятой).

Второе правило ужесточает требование поддержки законопроекта простым большинством стран до квалифицированного большинства в 2/3, т.е., б') 18 и более стран. Комбинация условий а)–б') и условий а)–в) дает полностью совпадающие результаты при использовании индекса Банцафа и очень похожие для случая использования индекса Шепли – Шубика. Условие а) в одиночку играет на пользу крупным игрокам, это показывают оба индекса влияния: Германия увеличивает свое относительное влияние, а Мальта и Люксембург, наоборот, сильно теряют. При этом индекс Шепли – Шубика показывает это более выражено: 0,0867 у Германии против 0,0082 у Мальты (0,0778 против 0,0094 для индекса Банцафа, соответственно). Сходные выводы были получены в работах Якубы [Якуба, 2003] и Ле Бретона, Монтеро и Запорожец [Le Breton, Montero, Zaporozhets, 2012]: от расширения ЕС и введения новых правил меньше страдают крупные страны, а применение правила б') ведет к тому, что малые страны получают больше влияния по сравнению с правилом простого большинства. Эффект условия в) незначителен.

В [European Union enlargement... 2002] с помощью индексов Банцафа и Шепли – Шубика было смоделировано распределение влияния в Совете министров ЕС и Европейском парламенте при включении в состав Союза 12 и 13 новых членов (тринадцатым членом рассматривалась Турция). Для оценки влияния в Совете министров была использована комбинация правил а)–в), когда поданные голоса «за» должны представлять более 62% населения от большинства стран ЕС и удовлетворять квоте в 225 голосов. В Европейском парламенте в большинстве случаев применяется простое правило большинства.

Важный вывод относительно изменений в распределении влияния как в Европейском парламенте, так и в Совете состоит в том, что все старые члены ЕС потеряют некоторую долю влияния, но сохраняют то упорядочение, которое присутствовало до расширения. Понятно и то, что крупные игроки потеряют меньше, чем небольшие (данный эффект менее выражен, если использовать индекс Банцафа, но различия между результатами, полученными индексом Банцафа и Шепли – Шубика, в целом незначительны).

Потенциальное включение Турции в состав ЕС, следующее за расширением ЕС на 12 стран, изменяет баланс сил в обоих органах незначительно. Турция окажется в группе с топ-5 влиянием и будет игроком, сопоставимым по силе с Германией, Великобританией, Францией, Италией, но относительное влияние старых членов упадет в среднем на 0,01 для крупных стран (что составляет около 8–10% от «старого влияния») и в среднем на 0,005 для небольших стран (что, тем не менее, может составить 25–30% их «старого влияния»). Вместе с тем включение Турции в ЕС до масштабного расширения внесло бы куда большие изменения в баланс сил.

В работе Е. Алгаба, Дж. Вилбао и Дж. Фернандез [Algaba, Bilbao, Fernández, 2007], в свою очередь, сравнивалось влияние 25 стран – членов ЕС в Совете министров при Ниццком договоре и при Конституционном соглашении (когда «за» голосуют как минимум 15 стран (55%), представляющие 65% численности населения ЕС, и «правом вето» трех и более государств). Влияние измерялось с помощью индекса Банцафа. При второй системе правил Германия увеличивает свое влияние (на 22%), тогда как следующие по численности страны, наоборот, снижают (Франция и Великобритания на 11–12%). Относительное влияние небольших стран, численностью населения менее 5 млн человек, также растет в несколько раз (например, для Мальты происходит рост по индексу влияния с 0,087 до 2,464). Таким образом, наибольшие потери во влиянии от принятия Конституционного соглашения понесут страны со средней численностью населения (8–13 млн. человек). Вместе с тем оценка влияния жителей стран показывает, что при действии правил Ницкого договора как раз страны со «средней» численностью населения, Польша и Испания, «сверхвлиятельны», а жители Германии – относительно маловлиятельны¹. При условии правил Конституционного соглашения именно жители Польши и Испании теряют влияние сильнее остальных, а Германии, наоборот, увеличивают.

¹ Для оценки влияния жителей стран – членов ЕС была использована «эгалитарная модель» из [Felsenthal, Machover, 1998]. Схематично влияние жителей стран рассчитывается в два шага. Граждане голосуют за своих национальных представителей, которые принимают коллективные решения в институтах ЕС, а представители, в свою очередь, принимают, преодолевая квоту, решения, которые действуют на всей территории ЕС.

В работах М. Видгрена [Widgrén, 2009] и Л. Куци [Kóczy, 2012] также рассматривался эффект изменения процедуры принятия решений в Совете министров ЕС, и было продемонстрировано, что переход от одной системы взвешенного голосования к другой – примером является изменение правил в логике Ниццкого договора (2004) – намного более предсказуем с точки зрения распределения влияния между странами, чем переход от системы взвешенного голосования к системе двойного большинства. Правило распределения мест по Ниццкому договору является менее прозрачным, чем предлагаемые в системе двойного большинства в Лисабонском договоре 2007 г. (и Договоре о введении Конституции для Европы). Видгрэн [Widgrén, 2009] «добавил» к составу ЕС-27 Албанию, Боснию, Македонию, Сербию, Турцию, Черногорию и Хорватию¹. Для измерения влияния в ЕС-27 и ЕС-34 были использованы индекс Шепли – Шубика и индекс Банцафа. Любопытно, что рост относительного влияния больших стран в результате перехода на систему двойного большинства больше, чем потери от потенциального (на тот момент) вхождения в состав ЕС Турции и Хорватии. Наибольшие потери от расширения и принятия новых правил понесут страны со средней численностью населения. Заметим, что паттерны перераспределения влияния между странами очень похожи, но при использовании индекса Шепли – Шубика эффект выражен сильнее.

Для Совета министров и Европарламента удалось показать, что правила принятия решений в Совете оказывают значимый эффект на способность Европейского парламента влиять на эти процессы [Widgrén, 2009, p. 50–51]. В среднем, чем выше квота для принятия решений в Совете министров, тем меньшее влияние на политику ЕС имеет Европейский парламент. К тому же Лисабонская система двойного большинства делает Европарламент более влиятельным, чем любая из стран – членов ЕС, в отличие от Ниццкого договора².

¹ Хорватия вошла в ЕС в 2013 г.

² Вопрос влиятельности Европарламента относительно Совета министров был исследован ранее в: [Nurmi, Meskanen, 1999]. Авторы подошли к законодательным институтам ЕС-15 – Совету министров и Европейскому парламенту – как к двухпалатному органу и показали, что при квоте 0,5 крупнейшая политическая группа в Парламенте, на тот момент «Партия европейских социалистов», в

Если учитывать долгосрочные демографические тренды (доступные на *Eurostat* прогнозы по численности населения через каждые пять лет с 2010 по 2060 г.), то наибольшие потери влияния в Совете министров от Лисабонских соглашений коснутся стран со средней численностью населения, особенно Центральной и Восточной Европы, характеризующихся убылью населения. Очевидным и «безотлагательным» бенефициаром новых правил, как уже было отмечено, является Германия, а в долгосрочной перспективе наибольший относительный прирост влияния характерен для Великобритании [Kóczy, 2012].

В работе Р. Костелло и Р. Томсона [Costello, Thomson, 2013] на основе индекса Банцафа рассчитывалась коллективная позиция Совета министров по спорным вопросам голосования по процедуре совместного принятия решений (*codesicion*), когда Европейский парламент не поддержал поданное предложение и были начаты переговоры. Были рассмотрены 274 таких спорных вопроса, возникших в ходе голосований по 112 законодательным инициативам в 1999–2000 и 2004–2009 гг. Позиция Совета рассчитывалась как взвешенное среднее позиций стран – членов ЕС, но в качестве весов использовались значения индекса Банцафа. Исследование показало, что влияние Совета министров намного превышает влияние и Комиссии, и Парламента, вне зависимости от применяемых процедур голосования. Так, влияние Европарламента было оценено в 20% влияния Совета, при условии использования процедуры совместного принятия решений. Позиция Совета зачастую более близка к текущему *status quo*, чем позиция Парламента, к тому же процессы ведения переговоров в двух комитетах устроены по-разному. Все разногласия внутри Европарламента публичны, а дискуссии в Совете закрыты, поэтому у последнего есть преимущества по выработке общего решения с учетом расколов в Парламенте.

В своей работе Х. Кауппи и М. Видгрэн [Kauppi, Widgrén 2007] моделировали эффекты использования разных правил принятия решений на распределение бюджета ЕС: по правилам Ниццкого договора и Конституционного соглашения. Основным фактором распределения бюджета было принято влияние, которым обладает страна-член (измеренное индексом Шепли – Шубика). Для

среднем имеет большее влияние, чем любая из стран в Совете. Результат сохраняется, если включить в анализ Еврокомиссию в качестве третьей палаты.

оценивания регрессионной модели были использованы данные о бюджете ЕС за период с 1976 по 2001 г. Было показано, что расширение ЕС с 15 до 27 государств приведет к «потере» «старыми» членами ЕС 27,6 и 21,8 млрд евро при вышеуказанных правилах, соответственно. Для небольших стран Конституционное соглашение чревато бо́льшими потерями, чем для крупных. Так, Германия, в силу значительного «акцента» на численности населения при распределении мест, оказывается даже в выигрыше, получая на 5,3 млрд больше, чем до расширения в ситуации до Ниццких соглашений. Ровно обратная перспектива была получена для случая Ницкого договора: относительно бо́льшие потери несут страны с небольшой численностью населения. Но если оценивать потери на душу населения, то в обоих случаях крупные страны теряют меньше.

М. Гарсия-Валлинас и В. Запорожец [García-Valiñas, Zaporozhets, 2015], основываясь на данных о бюджете ЕС за 1976–2001 гг., опровергли утверждение о том, что основным фактором распределения бюджета является исключительно влияние, которым обладают страны – члены ЕС. Вместо индекса Шепли – Шубика авторы использовали нуклеолус¹, они смогли добиться лучшей объясняющей силы регрессионных моделей и показали, что бюджет распределяется не только под влиянием «корыстных» интересов стран – членов ЕС, но и на основе «солидарности», учитывая действительные нужды всех стран Евросоюза («needs view»).

Помимо расширения Европейского союза с включением в состав новых стран, есть направление развития ЕС, связанное с интеграцией стран-членов в рамках союзов и сообществ по раз-

¹ Нуклеолус (*nucleolus*) – решение для кооперативных игр, впервые сформулированное в [Schmeidler, 1969]. Нуклеолус представляет собой распределение выигрыша, на котором степень неудовлетворенности самых неудовлетворенных коалиций будет наименьшей. Степень неудовлетворенности измеряется разницей между тем, что коалиция могла бы заработать, если бы откололась, и тем, что она получает в коалиции при данном дележе.

См. подробнее: [Le Breton, Montero, Zaporozhets, 2012], где распределение влияния оценивалось с помощью нуклеолуса на примере Совета министров ЕС. Например, результаты по распределению голосов в 1958, 1986 и 1995 гг. аналогичны классическим индексам – в среднем непропорционально большое влияние имеют маленькие государства, тогда как в 1973 и 1981 гг., наоборот, влияние крупных игроков превышает их долю в численности населения.

личным сферам (*flexible integration*). К таким подгруппам, например, относится Экономический и валютный союз (ЭВС) ЕС. Голоса членов в нем соответствуют голосам в Совете министров. В работе Саттер [Sutter, 2000] было исследовано влияние при голосовании в ЭВС на тему применения санкций к его члену по причине «чрезвычайного» дефицита бюджета (более 3% ВВП страны). Дефицит бюджета отдельных стран – членов ЕС является важной проблемой, потому что подрывает экономику всего Европейского союза. Рассматривались разные составы ЭВС – от шести наиболее сильных экономик ЕС до 15 (15 – это все члены ЕС на момент исследования, в ЭВС состояли 11 из них). Санкции по отношению к стране-нарушителю принимаются, если их поддержали 2/3 голосов. Странами-нарушителями поочередно были все члены ЭВС, и рассматривалось влияние, усредненное по всем случаям.

Было показано, что относительное влияние некрупных игроков, в особенности обладающих четырьмя и менее голосами в Совете министров, сильно меняется в зависимости от состава ЭВС, а влияние крупных – меняется незначительно и пропорционально доле мест. То есть для небольших стран более важно, с кем они состоят в других союзах или сообществах в рамках ЕС. Но чем более многочисленны подгруппы, тем меньше указанная разница между крупными и некрупными игроками.

Попытка включить ограничения на создание коалиций предпринималась в работе С. Билала и М. Хосли [Bilal, Hosli, 1999] при анализе распределения влияния в Совете министров. Для моделирования предпочтений ими использовалась порядковая шкала, построенная исходя из политэкономической модели групп интересов (*interest group model*). Идея данной модели состоит в том, что сходные по многим показателям участники некоторого союза будут желать реализации примерно одной и той же политики, а значит, их предпочтения по вступлению в коалицию будут сильными.

Относительное влияния участников в Совете министров оценивалось по разным сферам в отдельности:

- добыча полезных ископаемых и промышленность (и отдельно – автомобильная промышленность);
- международная торговля.

Для оценки влияния использовались, соответственно, показатели концентрации промышленности (доля работающих в крупных фирмах – численностью более 250 человек – к общей числен-

ности рабочей силы) за 1992 г. и открытости торговли (доля суммы экспорта и импорта в ВВП) за 1991–1995 гг. Упорядочение по ним позволило построить шкалы, на которых «соседствующие» участники признавались готовыми формировать общую коалицию.

Использование данной методики показало следующее.

- В области производства, добычи полезных ископаемых и энергетики влиятельными игроками были Франция, Италия, Великобритания и Испания. Увеличить свое влияние за счет предпочтений смогли Австрия, Италия, Бельгия, Франция. Наоборот, относительно понизили влияние Люксембург и Греция (с одной стороны шкалы), а также Германия, Португалия и Финляндия (с другой).

- В сфере автомобильной промышленности Германия также имеет достаточно скромное влияние, уступая по важности (в смысле вхождения в выигрывающие коалиции) Великобритании, Италии и Франции. Влияние Швеции с большим автомобильным сектором также мало.

- В области международной торговли наиболее влиятельными были признаны Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды. Наименее влиятельными – Греция, Люксембург, Португалия, Италия.

Такой вывод был, по всей видимости, результатом того, что лидирующие в некоторой области игроки оказывались «в изоляции» из-за позиции: желание с ними коалиционировать как будто бы невелико, но вряд ли такое суждение полностью справедливо. В отличие от идеологической шкалы, где крайние силы чаще всего действительно маргинальны и такое ограничение на формирование коалиций более оправданно¹.

Вес Европейского парламента в политике ЕС традиционно был меньшим, чем вес Совета министров, но измерение влияния на основе классических индексов проводилось для него. Основным расколом, по которому структурируется политика Европарламента, считается не национальный признак, а идеологические взгляды [Nix, Noury, 2016]. Как следствие, вероятность формиро-

¹ Здесь, однако, тоже возможна ситуация, когда «политический центр» (на одномерной шкале) выступает «за» решение, а крайние силы хотели бы его заблокировать. Получается, что по формальному правилу коалиции быть не должно, но, следуя своим интересам, фракции будут действовать одинаково.

вания коалиции между идейно разными группами *a priori* более низкая, чем между близкими группами, поэтому, рассчитывая значения индексов влияния, многие исследователи Европарламента вводили правила, при выполнении которых коалиция считалась возможной.

Основываясь на данных по выборам в 1994 г. Х. Нурми [Nurmi, 1997] оценивал силу национальных партий в Европейском парламенте с помощью меры Банцафа и показал, что «потеря голоса впустую», при голосовании за кого-то, кроме социал-демократов и христианских демократов (гипотеза, известная как *big party credo*, *BPC*), не является безусловной. Для этого было получено значение меры Банцафа для национальных партий, представленных в парламенте, а также значение меры Банцафа для групп избирателей (от стран) для каждой политической (идеологической) группы Европарламента. Произведение двух индексов должно демонстрировать, насколько влиятельны избиратели от той или иной страны Евросоюза. Полученный таким образом результат говорит о том, что только для депутатов из Австрии, Германии и Великобритании принцип *big party credo* оказался верен. В свою очередь, финские избиратели, голосовавшие за депутатов, примкнувших к фракциям Европейской либерально-демократической и реформистской партии (*European Liberal Democrat and Reform Party*, *ELDR*) и Европейские объединенные левые (*European United Left*, *EUL*), оказались представлены в ЕП лучше, чем те, кто поддерживал христианских демократов и социал-демократов.

Влияние национальных партий, политических групп и стран – членов ЕС в Европарламенте 1996 г. при разных квотах – 1/2 и 2/3 – было исследовано в работе Коломера и Хосли [Colomer, Hosli, 2000]. Но авторы учитывали только коалиции между «связанными» участниками и показали, что политические группы ЕП, входящие в правительства пяти крупнейших членов ЕС (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания) имели максимальное влияние в законодательных органах ЕС. Еще один результат заключается в том, что расположенные в центре лево-правой идеологической шкалы партии, в особенности либералы, имели значительно большее влияние по сравнению с долей мест. А радикальные (и обычно небольшие) группы, как справа, так и слева, имели влияние меньшее потенциально возможного.

Работа Хосли [Hosli, 1997] посвящена анализу *a priori* влияния стран – членов ЕС и политических групп в Европейском парламенте в 1989 и 1994–1996 гг. Было показано, что в результате перераспределения мест в июне 1994 г. и включения трех новых членов ЕС в 1995 г. Германия получила больше мандатов и увеличила свое влияние (измеренное индексом Банцафа). Это коснулось также Франции, Италии, Великобритании и Испании, но в меньшей степени. В данном исследовании индекс Банцафа также использовался с учетом ограничений на формирование коалиций (по идеологическому принципу). Полученные таким образом результаты говорят о том, что в целом после 1994 г. потенциально влияние каждой из стран – членов ЕС достаточно близко к той доле мест, которой они обладают. Четыре наиболее представленные страны имели около 60% влияния, при том что доля их мест составляла 57,7%. Относительно политических групп Европейского парламента такой связи уже нет: для крупнейшей фракции (будь то «Партия европейских социалистов» или «Европейская народная партия») доля мест немного превышает влияние, если решения принимаются по правилу простого большинства (то же верно для тех небольших фракций, которые поддерживают доминирующую). Но если правило принятия решений требует большинства в 2/3, то либералы, демократы и реформисты, наряду с еще более мелкими группами, почти не имеют никакого влияния, его делят между собой две наиболее многочисленные фракции (сумма их индексов влияния составляет около 88%).

В работе Т. Раунио и М. Виберга [Raunio, Wiberg, 2002] рассматривается, как изменялось влияние европейских политических групп в период с 1979 по 2000 г. Оценки распределения влияния были получены с помощью двух индексов – Банцафа (нормированного) и Шепли – Шубика – для случаев голосования по правилу простого большинства, большинства в 2/3, 3/4 and 3/5. Основные результаты авторы формулируют в шести тезисах:

- 1) ни одна из партий не имела полного контроля над исходом голосования;
- 2) максимальное влияние составило 0,5159 (измеренное индексом Шепли – Шубика) – у «Европейской народной партии» в 2000 г. при голосовании с квотой 2/3;
- 3) в течение всего периода отсутствовали «болваны» (в смысле распределения влияния);
- 4) в среднем доля мест не совпадает с относительным влиянием;

5) со временем небольшие группы становятся слабее с точки зрения влияния на принятие решений;

6) чем более строгим является правило принятия решений, тем слабее позиции небольших групп.

В работе также отмечено, что группы средней численности способны оказывать значительное влияние при помощи своей гибкой (зачастую центристской) позиции. «Либералы, располагающиеся между “Европейской народной партией” и “Партией европейских социалистов”, зачастую являются ключевыми... в 1999–2004 они (ELDR) даже чаще входили в выигрывающие коалиции, чем PES (“Партия европейских социалистов”)... значит, их влияние выше, чем то, которое было получено в данном исследовании» [Raunio, Wiberg, 2002, p. 88].

Влияние в Совете министров ЕС с учетом предпочтений было проанализировано в работе Барра и Пасарелли [Barr, Passarelli, 2009]. Для этого авторы использовали индекс Шепли–Оуэна, учитывающий позиции стран по отношению к Евросоюзу. Информация для оценки позиций была получена из опросных данных *Eurobarometer* 2003. С помощью метода главных компонент данные были преобразованы в два индекса. Первый – «международная позиция» – является индикатором того, насколько страна хотела бы усиления и развития ЕС (международная политика, безопасность, экология и т.п.). Второй – «внутригосударственная позиция» – включенность ЕС в дела внутренней политики государств (сельское хозяйство, налоги, бедность и т.п.). Например, максимальные значения по обоим характерны для Кипра, Словении, Румынии. А минимальные – для Финляндии, Швеции, Австрии и Великобритании.

Распределение влияния было получено для трех сценариев:

- «до-ниццкий» с участием 15 стран ЕС и распределением голосов в пользу небольших стран (принцип снижающейся пропорциональности);
- «постниццкий» с участием 27 стран и перераспределением голосов по новым правилам Ниццкого договора;
- взвешенная система с двойным большинством – как минимум 55% стран, представляющих 65% населения ЕС (*Constitutional Treaty, Lisbon Treaty*)¹.

¹ Подробнее об изменениях правил см.: [Widgrén, 2009, p. 33–36].

Индекс Шепли – Оуэна показал, что в первом сценарии максимальный вес имели страны «франко-германской оси» (Германия, Франция, Люксембург, Нидерланды, Бельгия), а минимальный – скандинавские и северные евроскептики и средиземноморские «евроэнтузиасты». Включение в состав ЕС новых стран с близкими позициями приводит к тому, что они могут формировать устойчивую коалицию «восточного блока» и обладать значительным влиянием, а наиболее скептические по отношению к ЕС страны теряют по 60–80% влияния (по сравнению с индексом Шепли – Шубика, не учитывающим предпочтения). А третий сценарий играет на пользу крупным странам с умеренными позициями, например Германии и Испании, концентрируя влияния в их руках, во время как влияние «восточного блока» снижается.

Сравнению априорных индексов влияния с индексами, учитывающими предпочтения по созданию коалиций, посвящено исследование «Теоретические и эмпирические индексы влияния» [Theoretical vs empirical power indices... 2014]. Авторы использовали данные по голосованиям в Совете министров ЕС за 1993–2011 гг.¹ и измеряли актуальное влияние индексом Банцафа и индексом Шепли – Шубика, задавая предпочтения отдельных депутатов с помощью позиций в политическом пространстве (*individual voting*) и путем формирования априорных союзов (*bloc voting*). Второй подход подразумевал, что участниками голосования являются блоки, голоса которых равны сумме голосов входящих в них стран; блоки, в свою очередь, тоже могут вступать в коалиции, если это допускают их предпочтения. Влияние стран рассчитывалось пропорционально доле голосов, с которой они участвовали в блоке.

Рассматривались две концепции формирования коалиций: первая (*middle variation*) заключается в том, что участник должен быть идеологически близок хотя бы с одним из членов коалиции, т.е. участники с противоположными взглядами не могут сформировать самостоятельную коалицию без участия кого-то из «центристов» [Garrett, Tsebelis, 1999], и если «центрист» выходит из коалиции, то она распадается. Вторая концепция (*boundary variation*) имеет в основе идею о том, что «центристы» не могут

¹ Учитывались только те голосования, в которых хотя бы один участник голосовал против. Единогласные голосования считались неинформативными [Theoretical vs. empirical power indices... 2014, p. 164].

выходить из коалиций, которые были сформированы, а покинуть коалицию, т.е. быть ключевым игроком, могут только крайние члены коалиции слева или справа. Эмпирический индекс Банцафа рассчитывался для обоих случаев, а индекс Шепли – Шубика – только для второго. При этом результаты, полученные для двух индексов в рамках второй концепции, намного более похожи, чем результаты, полученные двумя способами для индекса Банцафа.

Позиции 27 стран-членов в одномерном политическом пространстве были оценены с помощью модели латентных черт (*Item Response Theory*). Полученные с учетом индивидуальных предпочтений результаты говорят о значимом различии априорного и актуального влияния для многих областей политики ЕС (*policy areas*), а также для случая, когда оценивалось общее влияние. Использование индекса Банцафа в логике *middle variation* демонстрирует, что без учета предпочтений влияние стран-«центристов» (например, Мальты, Словении, Чехии, Румынии и др.) недооценивается. Концепция *boundary variation* показывает, что априорные индексы влияния занижают влияние «крайних» участников (Швеция, Дания, Испания, Франция). Формирование блоков способно сделать различия между априорным и актуальным влиянием еще более заметными, т.е. страны могут достаточно сильно увеличить свое влияние по сравнению с потенциальным (но в каждом конкретном случае это зависит от предпочтений голосующих игроков). Заметим, что с ростом размеров блоков эти различия пропадают, если измерять влияние индексов Банцафа, но сохраняются, если использовать индекс Шепли – Шубика.

Заключение

Государство занимает центральное место в проблематике политической науки и служит одним из основных и важнейших объектов политологических исследований, а проблема устройства политических институтов, принимающих коллективные решения для управления государствами и наднациональными образованиями, и степени влияния их членов на исходы голосований – одна из фундаментальных в рамках политической науки. Оценки влияния участников международных, наднациональных организаций, полученные с точки зрения принятия решений на голосованиях, по-

зволяют, с одной стороны, отразить общую конфигурацию власти в политической системе и процессы воздействия стран-членов и их граждан на эти организации и, с другой стороны, наметить способы осуществления политических решений и курсов, их практическую реализацию.

Более чем 70-летняя история теоретических и эмпирических исследований в области оценки влияния не была безоблачна: некоторые основополагающие идеи открывались вновь неоднократно, потому что последователи не были знакомы с работами предшественников в данной области, а основные концепции долго не получали должного внимания. В данной статье на примере институтов Европейского союза – Совета министров ЕС и Европейского парламента – было показано, что индексы влияния имеют широкое применение в политологии в последние десятилетия. Этому способствовали появление и реформирование международных организаций, все большая открытость и доступность данных, существенное развитие в области вычислительных возможностей.

Классические индексы влияния являются тем инструментом, который позволяет получить содержательные результаты о возможностях игроков оказывать влияние на принятие решений в задачах исследования различных правил голосования, реформ представительства и моделирования распределения мест в новых коллективных органах. Задачу измерения влияния на голосованиях в действующих советах, парламентах, комитетах можно решать с использованием индексов, учитывающих предпочтения по созданию коалиций, при наличии данных, позволяющих моделировать предпочтения участников. Исключение некоторых коалиций из числа возможных, а также объединение некоторых участников в блоки приводит к изменениям в оценках влияния, но их направление и масштаб может изменяться в зависимости от контекста голосования: распределения мест, предпочтений, размера блоков. Но в среднем готовность формировать коалиции, выражающаяся в центристской позиции, дает участникам голосований возможность усилить свое реальное влияние на принятие политических решений, в то время как наличие ограничений на формирование коалиций или непопулярная политическая программа, наоборот, не дают в полной мере реализовать его.

Список литературы

- Алескеров Ф.Т.* Индексы влияния, учитывающие предпочтения участников по созданию коалиций // Доклады Академии наук. – М., 2007. – Т. 414, № 5. – С. 594–597.
- Вебер М.* Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921] // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Под ред. С.П. Баньковской. – М.: Университет, 2002. – Ч. 1. – С. 70–146.
- Ледяев В.Г.* Концептуальные основания эмпирического исследования власти // Политическая концептология: Журнал мецдисциплинарных исследований. – М., 2011. – № 4. – С. 50–65.
- Погорельский К.Б.* Методы оценки влияния участников в задаче принятия коллективных решений: Обзор основных направлений // Проблемы управления. – М., 2011. – № 5. – С. 2–13.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Ю.А. Полунин, М.Г. Миронюк, Е.Ю. Мелешкина, И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО–Университет, 2007. – 272 с.
- Торра В.* Математика и выборы. Принятие решений // Мир математики. – М., 2014. – № 45. – 152 с.
- Якуба В.И.* Анализ распределения влияния участников при различных правилах принятия решений в Совете министров расширенного Европейского союза: Препринт WP7/2003/03. – М.: ГУ–ВШЭ, 2003. – 16 с.
- Albert M.* The voting power approach: Measurement without theory // European Union politics. – L., 2000. – Vol. 4, N 3. – P. 351–366.
- Aleskerov F.* Power indices taking into account agents' preferences // Mathematics and democracy. Recent Advances in voting systems and collective choice / B. Simeone, F. Pukelsheim (eds.). – Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. – P. 1–18.
- European Union Enlargement: Power Distribution Implications of the New Institutional Arrangements / F.T. Aleskerov, G. Avci, V. Iakouba, Z. Turem // European journal of political research. – Hoboken, 2002. – Vol. 41, N 3. – P. 379–394.
- Algaba E., Bilbao J.M., Fernández J.L.* The distribution of power in the European Constitution // European journal of operational research. – Amsterdam, 2007. – Vol. 176, N 3. – P. 1752–1755.
- Theoretical vs empirical power indices: Do preferences matter? / H. Badinger, M. Mühlböck, E. Nindl, W.H. Reuter // European journal of political economy. – N.Y., 2014. – Vol. 36. – P. 158–176.
- Banzhaf J.F.* Weighted voting doesn't work: A mathematical analysis // Rutgers law review. – Newark, 1965. – Vol. 19. – P. 317–43.
- Banzhaf J.F.* Multi-Member electoral districts—do they violate the «one man, one vote» principle // Yale law journal. – New Heaven, 1966. – N 75. – P. 1309–1338.
- Barr J., Passarelli F.* Who has the power in the EU? // Mathematical social sciences. – Amsterdam, 2009. – Vol. 57, N 3. – P. 339–366.

- Bilal S., Hosli M.O.* Connected coalition formation and voting power in the council of the European Union: An Endogenous policy approach: Working paper, 99/W/05, European Institute of Public Administration (EIPA). – Maastricht, 1999. – 31 p.
- Voting power in the European Union enlargement / J.M. Bilbao, J.R. Fernandez, N. Jimenez, J.J. Lopez // *European journal of operational research*. – Amsterdam, 2002. – Vol. 143. – P. 181–196.
- Braham M., Holler M.J.* Power and preferences again: A Reply to Napel and Widgren // *Journal of theoretical politics*. – L., 2005 a. – Vol. 17, N 3. – P. 389–395.
- Braham M., Holler M.J.* The impossibility of a preference-based power index // *Journal of theoretical politics*. – L., 2005 b. – Vol. 17, N 3. – P. 137–157.
- Brams S.J., Affuso P.J.* New paradoxes of voting power on the EC Council of ministers // *Electoral studies*. – Oxford, 1985. – Vol. 4. – P. 135–139.
- Colomer J.M., Hosli M.O.* Decision-making in the European Union: The power of political parties // *Decision rules in the European Union* / P. Moser, G. Schneider, G. Kirchgässner (eds). – L.: Macmillan, 2000. – P. 234–259.
- Costello R., Thomson R.* The Distribution of power among EU institutions: Who wins under codecision and why? // *Journal of European public policy*. – Oxfordshire, 2013. – Vol. 20, N 7. – P. 1025–1039.
- Felsenthal D., Machover M.* The measurement of voting power: Theory and practice, problems and paradoxes. – L.: Edward Elgar, 1998. – 322 p.
- In defense of voting power analysis / D.S. Felsenthal, D. Leech, Ch. List, M. Machover // *European Union politics*. – L., 2003. – Vol. 4, N 4. – P. 473–497.
- Felsenthal D.S., Machover M.* Myths and meanings of voting power comments on a symposium // *Journal of theoretical politics*. – L., 2001. – Vol. 13, N 1. – P. 81–97.
- García-Valiñas M.A., Zaporozhets V.* Key-drivers of EU budget allocation: Does power matter?: TSE Working Paper. – Toulouse, 2015. – Vol. 15. – 31 p.
- Garrett G., Tsebelis G.* Why resist the temptation of power indices in the EU // *Journal of theoretical politics*. – L., 1999. – Vol. 11, N 3. – P. 291–308.
- Godfrey J.* Computation of the Shapley–Owen power index in two dimensions: 4 th Annual workshop: University of Warwick. – Coventry, 2005. – 12 p.
- Hix S., Noury A.* Government-opposition or left-right? The institutional determinants of voting in legislatures // *Political science research and methods*. – Cambridge, 2016. – Vol. 4, N 2. – P. 249–273.
- Hosli M.O.* Voting strength in the European Parliament: The Influence of national and of partisan actors // *European journal of political research*. – Hoboken, 1997. – Vol. 31. – P. 351–366.
- Kauppi H., Widgrén M.* Voting rules and budget allocation in the enlarged EU // *Journal of political economy*. – Chicago, 2007. – Vol. 23. – P. 693–706.
- Kóczy L.A.* Beyond Lisbon: Demographic trends and voting power in the European Union Council of ministers // *Mathematical social sciences*. – Amsterdam, 2012. – Vol. 63, N 2. – P. 152–158.
- Le Breton M., Montero M., Zaporozhets V.* Voting power in the EU Council of Ministers and fair decision making in distributive politics // *Mathematical social sciences*. – Amsterdam, 2012. – Vol. 63. – P. 159–173.

- Lindner I.* Annick Laruelle and Federico Valenciano: Voting and collective decision-making // *Social choice and welfare*. – N.Y., 2012. – Vol. 38, N 1. – P. 161–179.
- Napel S., Widgrén M.* Power measurement as sensitivity analysis – A unified approach // *Journal of theoretical politics*. – L., 2004. – N 16. – P. 517–538.
- Napel S., Widgrén M.* The possibility of a preference-based power index // *Journal of theoretical politics*. – L., 2005. – Vol. 17. – P. 377–387.
- Nurmi H.* The Representation of Voter Groups in the European Parliament: A Penrose-Banzhaf Index Analysis // *Electoral studies*. – Oxford, 1997. – Vol. 16. – P. 317–339.
- Owen G., Shapley L.* Optimal location of candidates in ideological space // *International journal of game theory*. – Heidelberg, 1989. – Vol. 18. – P. 339–356.
- Raunio T., Wiberg M.* Controlling outcomes: Voting power in the European parliament 1979–2000 // *Journal of European integration*. – L., 2002. – Vol. 24, N 2. – P. 75–90.
- Schmeidler D.* The nucleolus of a characteristic function game // *SIAM journal on applied mathematics*. – Philadelphia, 1969. – Vol. 17. – P. 1163–1170.
- Shapley L.S., Shubik M.* A Method for evaluating the distribution of power in a committee system // *American political science review*. – N.Y., 1954. – Vol. 48, N 3. – P. 787–792.
- Sutter M.* Flexible integration, EMU and relative voting power in the EU // *Public choice*. – Dordrecht, 2000. – Vol. 104, N 1/2. – P. 41–62.
- Widgrén M.* The Impact of council voting rules on EU decision-making // *CESifo economic studies*. – Munich, 2009. – Vol. 55, N 1. – P. 30–56.

Е.В. СИРОТКИНА, М.А. ЗАВАДСКАЯ*

КОГДА ВЛАСТЬ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ИССЛЕДОВАНИЕ АТРИБУЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Аннотация. Вопросы политической подотчетности составляют ядро большинства исследований в области качества управления, электоральной и партийной политики и политических бизнес-циклов. До недавнего времени исследователи мало уделяли внимания тому, как именно избиратели приписывают ответственность за последствия проводимых политических курсов. Статья представляет собой обзор исследований механизмов атрибуции ответственности как психологического и политического феномена в сравнительной перспективе и предлагает анализ их применимости к современной российской политической действительности.

Ключевые слова: атрибуция политической ответственности; подотчетность; выборы; экономический кризис.

* **Сироткина Елена Викторовна**, магистр, ассоциированный научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), e-mail: sirotkina.elena@gmail.com; **Завадская Маргарита Андреевна**, магистр, старший преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru, mzavadskaya@hse.ru;

Sirotkina Elena, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: sirotkina.elena@gmail.com; **Zavadskaya Margarita**, European university at Saint-Petersburg, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru, mzavadskaya@hse.ru.

¹Статья написана в рамках исследования «"Политика в тяжелые времена": методы обеспечения политической легитимности власти в России» при поддержке гранта РГНФ № 16-33-01049 а2.

E.V. Sirotkina, M.A. Zavadsкая

When the power is held responsible for economic crises: studies of responsibility attribution to the power in comparative perspective

Abstract. Political accountability and responsiveness constitute the core of most studies in the realms of quality of governance, political business cycles, electoral and party politics.

This article addresses *the mechanisms* how voters attribute political responsibility given the variety of mediating variables. Authors seek to provide the readership with an overview of contemporary discussions and methods of assessing various mechanisms of how precisely voters blame their governments. The article proceeds as follows: general overview of basic theoretical models and their evolution, potential for generalizations and limits, and applicability to the Russian case.

Keywords: attribution of political responsibility; accountability; elections; economic crisis.

Введение

Вопросы политической подотчетности (*accountability*) и отзывчивости (*responsiveness*) власти к запросам граждан составляют ядро большинства исследований в области качества управления (*good governance*), электоральной и партийной политики и политических бизнес-циклов (*PBCs*). Долгое время в политической науке с переменным успехом доминировала экономическая модель голосования, утверждающая, что избиратели реагируют на экономические изменения и затем наказывают или вознаграждают правительство через электоральную поддержку [Downs, 1957; Fiorina, 1981]. Однако избиратели могут неодинаково реагировать на те или иные экономические стимулы в зависимости от целого ряда факторов начиная от социально-экономического положения, субъективного ощущения экономического благополучия и заканчивая конъюнктурным влиянием посредников, например СМИ. Вплоть до недавнего времени исследователи мало уделяли внимания тому, как именно избиратели приписывают ответственность за те или иные последствия проводимых политических курсов, какие существуют модели атрибуции ответственности и как они работают.

Классические экономические модели голосования исходят из нескольких посылок, правдоподобность которых вызывает сомнения у ряда современных исследователей: 1) избиратель кор-

ректно понимает работу политических институтов и знает, кто и за что отвечает, 2) избиратель одинаково оценивает различные политические силы, 3) избиратель обладает всей полнотой информации для принятия решений. Правомерность этих утверждений ставит под сомнение ряд вопросов, например: влияет ли сложность институционального дизайна на атрибуцию ответственности? Каков вклад политических ориентаций и воздействия СМИ? Статья представляет собой обзор исследований механизмов атрибуции политической ответственности в сравнительной политологии и подходов подобного рода анализа к современной российской политической действительности. Статья состоит из трех частей, в которых представлены общие подходы к изучению атрибуции ответственности, современные дискуссии о моделях ответственности и их универсальности, а также особенности применения данных моделей к объяснению специфической и системной поддержки режима в России.

Понятие атрибуции ответственности: Обзор подходов

Исследования атрибуции ответственности апеллируют в основном к двум исследовательским традициям: психологической, которая занимается изучением когнитивных механизмов формирования атрибуции [Fischhoff, 1975], и политологической традиции, которая рассматривает атрибуцию ответственности преимущественно с точки зрения того, как люди реагируют на политику власти.

Вопрос формирования атрибуции ответственности значительно исследован психологами. основополагающая работа Фишхоффа [Fischhoff, 1975] обобщает ключевые развилки в теории атрибуции. Исследователь обращает внимание на важность различения процесса самой атрибуции или «приписывания» (attribution) и «умения правильно разбираться» (judgment). Первое предполагает определение и оценку действия субъекта на основе имеющейся информации, с чем большинство людей справляется относительно успешно [Kelley, 1973]; второе предполагает выявление причинно-следственных связей, что требует гораздо более сложных когнитивных ресурсов – с чем большинство людей, наоборот, не справляются и допускают ошибки [Slovic, Lichtenstein,

1971]. Ученые объясняют столь разительные отличия в умении успешно совершать первое и неуспешно – второе тем, что люди, как правило, могут хорошо объяснять события (т.е. «приписывать» *post factum*), но плохо предсказывать (т.е. «правильно разбираться») [Fischhoff, 1975]. Предсказание требует очень высокого уровня понимания контекста события, что, безусловно, тоже связано с «приписыванием», но «приписывание» не предполагает верификацию (т.е. объяснение как таковое самодостаточно и не требует дополнительных действий), в то время как «умение правильно разбираться» проецируется на событие в будущем, которое либо совпадает с его описанием до наступления, либо нет, что и является верификацией прогноза [Fischhoff, 1975].

Поиску правильной атрибуции часто препятствует искажение в восприятии информации вследствие естественной субъективности и конъюнктурных предубеждений. Будучи непосредственным участником события, человек реже беспристрастно оценивает позитивные и негативные события, связанные с его участием, и под влиянием «эффекта поведенческой конфирмации» (*self-serving bias*) приукрашивает свои успехи, в то время как неудачи склонен списывать на обстоятельства и других людей [Miller, Ross, 1975; Zuckerman, 1979; Jones, Nisbett, 1972, p. 80]. Искажение в восприятии в зависимости от того, является ли человек наблюдателем или участником события, описывается феноменом так называемой фундаментальной ошибки атрибуции (*the fundamental attribution error*) [Ross 1977; Jones, Harris, 1967]. Искращения в атрибутировании причин события может рождать специфическое окружение: поддержка большинством «неправильного» атрибутирования [Goethals, 1976; Kelley, 1967, p. 201–202] или уверенным меньшинством [Nemeth, Swedlund, Kanki, 1974], что по-разному влияет на готовность субъекта согласиться с тем или иным мнением и в ряде случаев приводит к конформному соглашению и искажению атрибуции.

В политической науке формы атрибуции ответственности в большей степени исследуются через влияние факторов, характеризующих политическое устройство общества, личные политические предпочтения людей, т.е. средовые, а не когнитивные или мотивационные стимулы [Nisbett, Ross, 1980]. Очевидно, что формы выражения атрибуции ответственности в демократиях будут значительно отличаться от форм атрибуции ответственности в недемократиях. Политическое устройство демократий предполагает ряд механиз-

мов, позволяющих «наказать» действующее правительство за непопулярные меры или, наоборот, «похвалить» его за успешную политику [Downs, 1957; Fiorina, 1971; Nordhouse, 1977; см. также обзор в: Drazen, 2000]. Основным механизмом «обратной связи» в демократиях являются регулярные выборы, которые становятся «инструментами демократии» [Powell, 2000]. В автократиях, в условиях, когда выборы в большинстве случаев не являются средством давления на власть и ротации элит, а призваны решать иные задачи [Gandhi, Lust-Okar, 2009; Malesky, Schuler, 2010], атрибуция ответственности, «наказание» власти за тот или иной политической курс если и происходит публично, то чаще всего через акты гражданского неповиновения: восстания, революции, протесты [Хантингтон, 2004]. Механизм атрибуции политической ответственности в условиях авторитарных режимов представляет отдельную тему для исследований. Наиболее часто исследователи атрибуции ответственности в автократиях фокусируются на изучении фреймирующего воздействия СМИ на восприятие новостных сообщений [Truex 2014; Baum, Gussin, 2007], влиянии экономического кризиса на поддержку власти и президента [Rose, Munro, Mishler, 2004; Treisman, 2011], влиянии внешнеполитических конфликтов на поддержку президента [Mueller, 1970]. Таким образом, прослеживается несколько тематических узлов и дискуссий в литературе, с которыми так или иначе пересекается проблема атрибуции политической ответственности: феномен «единения вокруг знамени» (*rally round the flag*) и его взаимодействие с моделями экономического голосования, воздействие экономических кризисов на системную и специфическую поддержку в контексте электорального авторитаризма и динамики политического режима в целом, и, наконец, опосредующая роль СМИ в механизмах атрибуции политической ответственности (в более бытовой версии – «битва холодильника с телевизором»).

Винить или не винить власть:

За что граждане «наказывают» правящие элиты?

Чаще всего граждане наказывают власть за плохой политический или экономический курс. Известная модель Кея [Key, 1966] о вознаграждении и наказании (*reward-punishment theory*) показы-

вает, что избиратели могут наказать действующую власть за плохую политику, не проголосовав за нее на последующих выборах. Так выборы становятся своеобразным референдумом по доверию экономическому курсу, принятому в прошлом, а избиратели выражают готовность или несогласие следовать этому курсу в будущем [Kuklinski, West, 1981; Fiorina, 1981].

Более поздние исследователи скептически относятся к тому, что атрибуция ответственности происходит автоматически по принципу «кто был у власти – тот и виноват», и говорят о том, что механизм атрибуции зависит от множества других факторов, фреймирующих выбор ответственного, опосредующих логику и степень осуждения. Так, например, Хоболт и др. [Hobolt, Tilley, 2013], используя инструментарий опросных экспериментов, исследуют, как атрибуция ответственности за разные сферы распределяется между национальными и наднациональными институтами и приходят к выводу о том, что еврооптимисты склонны записывать улучшения на счет ЕС, в то время как евроскептики, наоборот, не видят связи между улучшением и работой ЕС. Избиратели могут также винить власти разного уровня внутри страны за провалы в их функциональной сфере [Arceneaux, 2006]. Так, в проблемах местного уровня избиратели винят местную власть, а за проблемы национального уровня наказывают правительство и президента.

Множество исследований доказывают влияние идеологических воззрений или «партийности» на атрибуцию ответственности [например, Evans, Andersen, 2006; Gerber, Huber, 2009; Gomez, Wilson, 2008; Tilley, Hobolt, 2011]. Гербер и Хьюбер [Gerber, Huber, 2009] показывают, что приверженность той или иной партии может значительно исказить оценку и вектор атрибуции. Исследователи говорят о так называемой модели «избирательного оценивания» (*selective evaluation model*), когда сторонники партии предпочитают не замечать ее провалов и, наоборот, исключительно придирчиво оценивать действия оппозиции (см. рисунок). Соответствующая этому модель «избирательной атрибуции» (*selective attribution model*) подтверждает склонность избирателей записывать положительные изменения на счет партии, которую они поддерживают, а негативные изменения приписывать партиям-противникам [Pettigrew, 1979; Rudolph, 2003]. Неготовность заметить заслуги партии-оппонента в обоих случаях говорит о смещении в атрибуции ответственности, определяемой партийными предпочтениями.

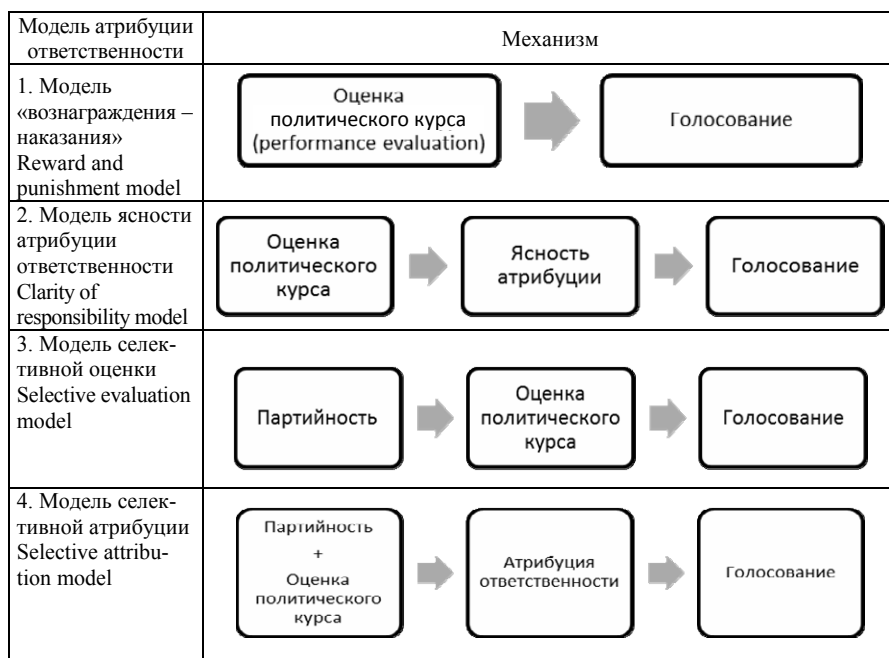

Рис.

Модели атрибуции ответственности

Источник: [Hobolt, Tilley, 2013].

Можно предположить, что на качество суждения об атрибуции ответственности влияет уровень осведомленности человека. По крайней мере такое предположение логично следует из работы Шейвера [Shaver, 1985]: Большая осведомленность о политике и деятельности партии формирует у человека более системный взгляд на события и позволяет более точно проследивать причинно-следственные связи. Однако множество работ свидетельствует об обратном: субъективная оценка сторонников партии не изменяется с появлением более полной информации, например доказывающей ошибочность курса этой партии. Это обстоятельство объясняется тем, что партийная принадлежность формирует так называемое мотивированное суждение (motivated reasoning) о деятельности партии, построенное преимущественно на априорных устойчивых убеждениях [Lyons, Jaeger, 2014]. Авторы на основе эксперимента выяснили, что сторонники определенной точки зрения пользуются эффектом мотивированного суждения и эксперт-

ным мнением в основном для борьбы с противоположной точкой зрения и усиления собственной. Основное объяснение данного феномена: политическая принадлежность является своеобразным «экраном», с помощью которого индивиды экономят на обработке информации¹. «Мотивированное рассуждение» в отличие от полностью рационального использует модели, содержащиеся в определенной политической картине мира. Сторонники имеют тенденцию отбирать источники и факты, которые усиливают их позицию, ослабляя противника [Taber, Cann, Kucsova, 2009].

Успех или провал во внешней политике также способны повлиять на оценку политического курса власти. Первым этот эффект обнаружил Джон Мюллер [Mueller, 1970], заметив, что во время острых внешнеполитических конфликтов критика внутренней политики снижается, а люди склонны к единению вокруг лидера или «знамени» (*rally round the flag effect*). С точки зрения теории коллективного действия эффект запускается благодаря созданию образа лидера – «защитника нации» [Galtung, Rove, 1967]. Фактически виртуальное единство нации (воображаемые сообщества Бенедикта Андерсона [Андерсон, 2001]) в некоторых случаях затмевает кризисные явления в экономике [Sigelman, Conover, 1981; Treisman, 2011].

Лидеры или правительства могут успешно использовать этот эффект для поднятия собственного рейтинга в период кризиса. Более поздние работы, однако, обращали внимание на то, что «синдром» объединения вокруг знамени возникает не во всех случаях участия страны во внешнеполитическом конфликте. Триггерами этого эффекта являются: единство элит в положительной оценке конфликта и роли лидера в нем [Brody, 1991], когда лидер государства воспринимается как безоговорочный лидер мнений по наиболее острой теме, острота которой поддерживается за счет циркуляции новостей в СМИ и пропаганды [Zaller, 1992]. В таких случаях рост поддержки лидера особенно заметен, если следует за спадом, например, вследствие кризиса во внутренней политике [Baker, Oneal, 2001].

Наконец, граждане могут наказывать власть за последствия природных бедствий, которые не имеют прямого отношения к эффективности власти. Эбни и Хилл [Abney, Hill, 1966] были одними из первых, кто заметил взаимосвязь между последствиями от природной катастрофы (ущербом от урагана) и распределением голо-

сов на выборах. Далее эта тема получила отдельное развитие: например, Ахен и Бартельс [Achen, Bartels, 2004] обнаружили, что избиратели в целом склонны иррационально наказывать власть разного уровня [Malhotra, Rao, 2008] за катастрофы любого происхождения. В этом контексте любопытно, что работа Лазарева и др. [Trial by fire... 2014] доказывает эту самую нерациональность. В российских регионах избиратели, наоборот, после серии пожаров продемонстрировали более высокую поддержку власти в тех регионах, где ряд деревень был уничтожен пожаром, по сравнению с регионами, в которых катастрофы не произошло. Это дает основание предполагать, что в автократиях со значительной асимметрией в распространении информации и оценках власти не работает принцип делегитимации власти через природное бедствие.

Специфика атрибуции ответственности в России

Особую актуальность данное направление исследований приобретает в контексте экономических кризисов различной природы – гиперинфляция, резкое падение курса национальной валюты, фискальный, кредитный и долговой кризисы. Динамика взаимодействия правительств и населения в кризисный период, как ни странно, является той темой, где до сих пор многие механизмы остались малоизученными. Следуя за классическими работами О’Доннела [O’Donnell, 1973], который доказывает связь между кризисом и распадом демократий в Бразилии и Аргентине, и Линца [Linz, 1978], исследования которого концентрировались на выяснении влияния кризиса на вероятность авторитарных переворотов или демократических транзитов, Гасиоровский [Gasiorowski, 1995], подводя итоги этой волны исследований, находит сильную зависимость между демократическими провалами, с одной стороны, и высокой инфляцией и медленным или негативным экономическим ростом – с другой. В то же время, вслед за Реммер [Remmer, 1991], Гасиоровский обнаружил, что кризис может способствовать переходу к демократии [Gasiorowski, 1995, p. 892]. Тем не менее дальнейшие исследования показали, что вероятность режимных трансформаций зависит и от ответной реакции правящей элиты, в первую очередь их коалиционных стратегий [Pepinsky, 2011].

Политэкономическая литература в первую очередь связывает кризис и переходы в терминах перераспределения ресурсов, коалиций и расколов элит (elite defections) [Acemoglu, Robinson, 2006; Pepinsky, 2009; Haggard, Kaufman, 2012]. В то же время, как в современных демократиях, так и в гибридных и авторитарных режимах массовая политика играет важную роль: во-первых, голосование и другие формы массового участия являются нормой и с некоторой регулярностью приводят к смене правительства, в последних избиратели играют важную роль также, поскольку там правительства сталкиваются, по выражению Шедлера, с «двойной неопределенностью» – институциональной и информационной [Schedler, 2013], которая только возрастает в период экономического кризиса. В режимах, определяемых как «электоральный авторитаризм», выборы лишь частично выполняют функции сигнальной системы, предупреждающей о непопулярности политического курса или политиков / партий. В таком режиме инкубенты прибегают к разнообразным инструментам снижения неопределенности: репрессиям, цензуре, фальсификациям [Schedler, 2013] и кооптации [Tanneberg, Stefes, Merkel, 2013; Reuter, Robertson, 2013]. Однако вопрос об эффективности этих инструментов для переатрибуции ответственности за кризис остается открытым, равно как и сами механизмы атрибуции на индивидуальном и групповом уровнях.

За новейшую историю Россия пережила несколько циклов экономических кризисов. Наиболее тяжелый кризис финансовой (валютной) и банковской системы (twin crisis) произошел в 1998 г., затем волна мирового кризиса (так называемая Великая рецессия) 2008–2009 гг. докатилась до России и поразила промышленный сектор [Pepinsky, 2012; Рогов, 2010]. Наконец, в 2011–2012 гг. начались признаки стагнации и ползучей рецессии, связанной с дисбалансами внутри российской экономики. Как эти кризисы повлияли на динамику политических и электоральных предпочтений?

Вслед за Трейсманом и Шлейфером [Treisman, Shleifer, 2005], многие исследователи продолжают задаваться вопросом, является ли Россия *нормальной* страной и живет ли она по тем же законам, что и развитые демократии, где на выборах граждане могут наказывать власть за неуспешную политику. Исследования реакции россиян на экономические вызовы привели к противоречивым результатам. Макалистер и Уайт считают, что кризис 2008–2009 гг. в России практически не повлиял на популярность

В. Путина и Д. Медведева. «Социотропная экономическая оценка» (ретроспективная оценка экономики) позитивно сказывается на представлении о демократическом развитии страны и одобрении В. Путина, а экономический кризис лишь ограниченно воздействует на уровень поддержки режима: «В России, напротив (по отношению к тому, что произошло в установившихся демократиях в 2008–2009 гг.), Путину удалось удержать высокий уровень собственной популярности, и наши результаты показывают, что он в целом избежал ответственности за тот кризис»¹ [McAllister, White, 2011, p. 493]. Напротив, исследования Чейсти и Уайтфилд демонстрируют значительное воздействие финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. на установки россиян, в особенности тех, кого кризис затронул: «Учитывая то, что россияне располагали ограниченным политическим выбором и выразили глубокую способность адаптироваться к суровым экономическим кризисам, это отнюдь не означает, что экономический кризис не оставил никаких шрамов»² [Chaisty, Whitefield, 2012, p. 201]. Наконец, Трейсман, анализируя динамику президентских рейтингов, приходит к выводу, что россияне все же оценивают деятельность политических лидеров, основываясь на объективных экономических индикаторах, а не харизме или иных культурных особенностях [Treisman, 2011].

Примечательно, что авторы, опирающиеся на отличающиеся данные и разные методы, приходят к весьма противоречивым результатам. Основной источник данных – это массовые опросы и рейтинги поддержки Левада-центра, ВЦИОМ, New Russia Barometer, а также временные ряды основных экономических показателей – заработная плата, уровень инфляции и безработицы. Одним из методологических новшеств является все более активное использование квазиэкспериментальных дизайнов, где источник рандомизации, т.е. деление на экспериментальную и контрольную группы, это внешний источник – природное явление или иной экзогенный фактор [см.: Achen, Bartels, 2004, Trial by fire... 2011, Scherbak, Sokolov, 2015]. Альтернативой является использование опросных экспериментов, где воздействием (treatment) является включение случайным образом тех или иных чувствительных вопросов, кото-

¹ Перевод авт.

² Перевод авт.

рые потенциально могут повлиять на то, как респондент отвечает на другие вопросы анкеты.

Помимо экономического голосования сдвиги в электоральной поддержке кандидатов могут объясняться иными факторами. Культура может объяснять вариацию в поддержке в краткосрочной перспективе, при этом фиксируемые культурные сдвиги, скорее, говорят не об изменении ценностей, на что требуется гораздо более длительная перспектива [Putnam, 1993], а об изменении публичной оценки поведения лидера, которая интерпретируется через культурные сдвиги [Mishler, Willerton, 2003]. В качестве примера авторы приводят образ Б. Ельцина, которого избиратели в начале президентства воспринимали как типичного сильного лидера, олицетворявшего новые демократические силы. Последовавшие неудачи в чеченской кампании, частая смена правительства и советников, особенности характера, не сочетавшиеся с образом сильного лидера, постепенно свели его рейтинг на нет [Treisman, 2011].

Тилли и Хоболт с помощью экспериментальных опросов также демонстрируют обуславливающее воздействие политической принадлежности на оценку экономической политики и атрибуцию ответственности. Они тестируют два механизма – «избирательная оценка» и «избирательная ответственность», которые помогают разрешить противоречия между взглядами и эмпирической реальностью и предполагают, что и оценка, и атрибуция ответственности обусловлены политической принадлежностью индивида к правительственному или оппозиционному лагерям. Однако, как указывают сами авторы, так как эксперимент основан на опросах в Британии, где Вестминстерская система обеспечивает относительную ясность в распределении ответственности за политический курс, совершенно не очевидно, что эти механизмы будут так же работать в системах с нечеткими границами полномочий [Tilley, Hobolt, 2011].

Какие модели атрибуции ответственности работают в России? Во-первых, начиная с первой половины 2000-х годов Россия планомерно приобретала все больше и больше черт сначала гибридного, а затем авторитарного режима. Сегодня результаты выборов все в меньшей степени показывают реальную поддержку избирателей и все в большей отражают эффективность работы авторитарных практик по обеспечению фасада свободных и честных выборов. Перед исследователями эти искажения ставят непростую

задачу. Им все сложнее определить, в какой степени динамику в поддержке партии или президента стоит отнести на счет успешности или неуспешности политического курса и какова доля фальсификаций в этих результатах. И если данные значительно искажены, насколько правомерно на них опираться, проверяя гипотезу о релевантности экономического голосования для России. Во-вторых, пропаганда в автократиях работает на создание иллюзии успешности лидера, а значит, использует сознательные искажения фактов и манипулирует общественным мнением. В этой же логике власть использует так называемые «формирующие опросы», когда результаты общественного мнения, преимущественно об одобрении политического курса лидера страны, правительство использует для легитимации режима [Treisman, 1996]. В-третьих, атрибуцию ответственности могут исказить внешние факторы. Для стимулирования эффекта «единения вокруг знамени» правительство может инициировать военные операции и под предлогом борьбы с внешней угрозой повысить уровень собственной популярности [Mansfield, Snyder, 1995]. Например, исследователи относят к такому типу внешних конфликтов России обе чеченские войны [Treisman, 2008], конфликт в Украине и присоединение Крыма [Четвертных, 2015].

Вопрос, насколько модели атрибуции ответственности за «плохую экономику» применимы для анализа российской политики сегодня, остается открытым. Ключевые работы по этой проблеме, упомянутые выше, с одной стороны, Д. Трейсмана [Treisman, 2011] и с другой – Р. Роуза, М. Мунро и В. Мишлера [Rose, Munro, Mishler, 2004] и Р. Роуза [Rose, 2011], в наиболее обобщенном виде приходят к противоречивым выводам. Д. Трейсмэн считает, что россияне наказывают власть за экономический кризис, что выражается в более низком рейтинге доверия президенту в период экономического спада. Исследователь проанализировал президентство и Б. Ельцина, и В. Путина и на основе анализа временных рядов пришел к выводу, что рейтинг президентов колебался в зависимости от индивидуального восприятия гражданами экономической ситуации в стране и динамики личного экономического благосостояния. Р. Роуз и коллеги, наоборот, показывают на данных опроса 2010 г. (призванного установить эффект от экономического кризиса 2008 г.), что россияне не чувствуют экономического спада, их личное благосостояние не ухудшается и они не винят в этом власть. Примечательно, что обозначенное выше противоречие ка-

жется таковым только на первый взгляд. Обратим внимание, что Д. Трейсман в качестве объясняющих переменных использовал динамику в оценке экономической ситуации в стране и дельту уровня поддержки президента в качестве зависимой переменной, т.е. исследовал, насколько колебания объясняющей переменной ассоциируются с колебаниями объясняемой. Р. Роуз и коллеги использовали стационарные данные и установили, что в данной конкретной точке атрибуции ответственности не происходит, потому что россияне не заметили кризис. Они обратили внимание на то, что на росте поддержки курса В. Путина сказывается социотропная оценка экономического благосостояния («Экономика России улучшилась»), а на увеличение поддержки правительства влияет эгоцентрическая оценка («Мое личное экономическое состояние улучшилось»).

Более подробный анализ исследовательских дизайнов этих двух подходов позволяет сделать важные выводы для последующих исследований атрибуции ответственности за кризис в России. Во-первых, анализ динамики поддержки и поддержки в данный конкретный момент показывает разные результаты. Для второго подхода предваряющим должно быть доказательство того, что россияне ощущают кризис в принципе, перед тем как устанавливать, влияет ли кризис на поддержку власти. Во-вторых, важным представляется разделять ощущение кризиса в стране в целом и ощущение персональных экономических издержек от ухудшения экономической конъюнктуры. Как показали Р. Роуз и коллеги, социотропный и эгоцентрический подходы к оценке кризиса в значительной степени определяют эту оценку, т.е. необходимо делать принципиальное разделение между двумя этими взглядами и исходя из этого определять, что мы берем за условное «влияние экономического кризиса» – личное ощущение себя или личное ощущение страны в целом. И последнее, как показывает обширная литература по психологическим механизмам формирования оценки, ответственности, конструирования причинно-следственных связей, важную роль в этом процессе играют посредники. Именно они в какой-то степени определяют вариацию в ответах на социотропные и эгоцентрические вопросы об экономике. Наиболее значимым и влиятельным посредником являются СМИ. Вероятно, учет фактора СМИ (и других посредников) в дальнейших исследованиях формирования атрибуции ответственности в России позволит уста-

новить более точную взаимосвязь между оценкой экономики и оценкой власти, позволит объяснить вариацию между разными точками зрения на состояние экономики и будет способствовать расширению нашего знания о роли средовых факторов в атрибуции ответственности власти за кризис.

* * *

Свидетельствуют ли наблюдаемые тенденции об «иррациональности» российского избирателя и необходимости констатировать несостоятельность классических моделей экономического голосования в российском контексте? Или же аномально высокая поддержка является следствием феномена «единения вокруг знамени»? Если так, то насколько длителен подобный эффект? Применима ли модель селективного санкционирования Тилли и Хобболт, которая говорит о значимости политических предпочтений в выборе, кого именно винить, но которая также говорит о слабости влияния политических предпочтений на то, как оценивать эффективность того или иного курса?

Таким образом, российский случай открывает возможности для исследования таких вопросов, как эффект феномена «единения вокруг знамени» на атрибуцию ответственности (селективное санкционирование и оценку), роль средств массовой информации как в формировании того самого «экрана», с помощью которого избиратель считывает информацию об экономическом кризисе, так и оказывающего иное влияние на способность идентифицировать компетентные и ответственные структуры за проводимый политический курс. Несмотря на кажущуюся очевидность ответов на эти вопросы, механизмы атрибуции политической ответственности с не меньшей очевидностью требуют дальнейших эмпирических подтверждений.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.
- Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. «Россия 2020». – М., 2010. – Т. 14, № 4–5. – С. 6–22.

- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Abney F.G., Hill L.B. Natural disasters as a political variable: The effect of a
Acemoglu D., Robinson J.A. Economic origins of dictatorship and democracy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 434 p.
- Achen C.H., Bartels L.M. Blind retrospection. Electoral responses to drought, flu, and shark attacks: Paper delivered at the Center for Advanced Study in the Social Sciences, Juan March Institute, on 7 May 2003. – Princeton, New Jersey. – Mode of access: <http://www.ib.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/international-relations-dam/Teaching/pwgrundlagenopenaccess/Weitere/AchenBartels.pdf> (Дата посещения: 4.07.2016.)
- Arceneaux K. The federal face of voting: Are Elected officials held accountable for the functions relevant to their office? // Political psychology. – Malden, 2006. – Vol. 27. – P. 731–754.
- Baker W.D., Oneal J.R. Patriotism or opinion leadership? The nature and origins of the «rally 'round the flag» effect // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, 2001. – Vol. 45. – P. 587–661.
- Baum M.A., Gussin Ph. In the eye of the beholder: How Information shortcuts shape individual perceptions of bias in the media // Quarterly Journal of political science. – Delft, 2007. – N 3. – P. 1–31.
- Brody R. Assessing presidential character: The media, elite opinion, and public support. – Stanford: Stanford univ. press, 1991.
- Chaisty P., Whitefield S. The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes // Post-Soviet affairs. – L., 2012. – Vol. 28, N 2. – P. 187–208.
- Downs A. An economic theory of democracy. – N.Y.: Harper, 1957. – 310 p.
- Drazen A. The political business cycle after 25 years // NBER macroeconomics annual review. – Boston: MIT Press, 2000. – Vol. 15. – P. 75–138.
- Evans G., Andersen R. The political conditioning of economic perceptions // Journal of politics. – Chicago, 2006. – P. 194–207.
- Fiorina M.P. Retrospective voting in American national elections. – New Haven: Yale univ. press, 1981. – 249 p.
- Fischhoff B. Hindsight: Thinking backward? // Psychology today. – N.Y., 1975. – Vol. 8. – P. 70–76.
- Gandhi, J., Lust-Okar E. Elections under authoritarianism // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.
- Gasiorowski M.J. Economic crisis and political regime change: An event history analysis // American political science review. – Palo Alto, 1995. – Vol. 89. – P. 882–897.
- Gerber A.S., Huber G.A. Partisanship and economic behavior: Do partisan differences in economic forecasts predict real economic behavior? // American political science review. – Palo Alto, 2009. – Vol. 103. – P. 407–426.
- Goethals G.R. An attributional analysis of some social influence phenomena // New directions in attribution research. – Lawrence Erlbaum Hillsdale, NJ, 1976. – Vol. 1. – P. 291–310.
- Gomez B.T., Wilson. J.M. Political Sophistication and attributions of blame in the wake of hurricane Katrina // Publius. – Oxford, 2008. – Vol. 38. – P. 633–650.

- Haggard S., Kaufman R.R.* Inequality and regime change: Democratic transitions and the stability of democratic rule // *American political science review.* – Palo Alto, 2012. – Vol. 106. – P. 495–516.
- Hobolt S.B., Tilley J.* Who's in charge? How voters attribute responsibility in the European Union // *Comparative political studies.* – Thousand Oakes, 2013. – Vol. 47. – P. 795–819.
- Abney G., Hill L.* Natural disasters as a political variable: The effect of a hurricane on an urban election // *American Political Science Review.* – Cambridge, 1966. – Vol. 60, N 04. – P. 974–981.
- Jones E.E., Harris V.A.* The attribution of attitudes // *Journal of experimental social psychology.* – Amsterdam, 1967. – Vol. 3. – P. 1–24.
- Jones E.E., Nisbett, R.E.* The actor and the observer: Divergent perceptions of the causes of behavior // *Attribution: Perceiving the causes of behavior* / E.E. Jones, D.E. Kanouse, H.H. Kelley, R.E. Nisbett, S. Valins, B. Weiner (eds). – N.Y.: General learning press, 1972. – P. 79–94.
- Kelley H.H.* Attribution theory in social psychology // *Nebraska symposium on motivation.* – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1967. – P. 192–238.
- Kelley H.H.* The processes of causal attribution // *American psychologist.* – Washington, D.C., 1973. – Vol. 28. – P. 107–128.
- Key V.O.* The responsible electorate. – Cambridge: Harvard univ. press, 1966. – 158 p.
- Kuklinski J.H., West D.M.* Economic expectations and voting behavior in United States House and Senate elections // *American political science review.* – Palo Alto, 1981. – Vol. 75. – P. 436–447.
- Linz J.J.* The breakdown of democratic regimes: Crisis, Breakdown and reequilibration. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1978. – 144 p.
- Lyons J., Jaeger J.* Information, emotion, and the partisan presentations citizen: Paper delivered at the American Political Science Association annual meeting. – Washington D.C., 2014. – 21 p.
- Malesky E., Schuler P.* Nodding or needling: Analyzing delegate responsiveness in an authoritarian parliament // *American political science review.* – Palo Alto, 2010. – Vol. 104. – P. 1–21.
- Malhotra N., Kuo A.G.* Attributing blame: The Public's response to hurricane katrina // *Journal of politics.* – Chicago, 2008. – Vol. 70. – P. 120–135.
- Mansfield E., Snyder J.* Democratization and the danger of war // *International security.* – Boston, 1995. – Vol. 20. – P. 5–38.
- McAllister I., White S.* Democratization in Russia and the global financial crisis // *Journal of communist studies and transition politics.* – L., 2011. – Vol. 27. – P. 476–495.
- Miller D.T., Ross M.* Self-serving biases in the attribution of causality: Fact or fiction? // *Psychological bulletin.* – Washington, 1975. – Vol. 82. – P. 213–225.
- Mueller J.* Presidential popularity from Truman to Johnson // *American political science review.* – Palo Alto, 1970. – Vol. 64. – P. 18–34.
- Nemeth C., Swedlund M., Kanki B.* Patterning of a minority's responses and their influence on the majority // *European journal of social psychology.* – Malden, 1974. – Vol. 4. – P. 53–64.

- Nisbett R.E., Ross L. Human inference: Strategies and shortcomings of social judgment. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. – 334 p.
- O'Donnell G.A. Modernization and bureaucratic-authoritarianism. Studies in South American politics. – Berkeley: Univ. of California, 1973. – 219 p.
- Pepinsky T.B. Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – 346 p.
- Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Personality and social psychology bulletin. – Thousand Oaks, 1979. – Vol. 5. – P. 461–476.
- Powell G.B. *Elections as instruments of democracy*: Majoritarian and proportional visions. – New Haven: Yale univ. press, 2000. – 312 p.
- Remmer K.L. The political impact of economic crisis in Latin America in the 1980 s // American political science review. – Palo Alto, 1991. – Vol. 85. – P. 777–800.
- Reuter O.J., Robertson G. Legislatures, cooptation and social protest in contemporary authoritarian regimes // Journal of politics. – Chicago, 2015. – Vol. 77. – P. 235–248.
- Rose R. Micro-economic Responses to a Macro-economic Crisis: A Pan-European Perspective // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – L., 2011. – Vol. 27, N 3–4. – P. 364–384.
- Rose R., Munro N., Mishler W. Resigned acceptance of an incomplete democracy: Russia's political equilibrium // Post-Soviet affairs. – L., 2004. – Vol. 20. – P. 195–218.
- Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in experimental social psychology. – Amsterdam, 1977. – Vol. 10. – P. 174–220.
- Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in experimental social psychology 10 / L. Berkowitz (ed.). – N.Y.: Academic Press, 1977. – P. 173–220.
- Schedler A. The Politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. – Cambridge: Oxford univ. press, 2013. – 479 p.
- Shaver K.G. The attribution of blame: Causality, responsibility, and blameworthiness. – N.Y.: Springer-Verlag, 1985. – 194 p.
- Schleifer A., Treisman D. A normal country // Journal of economic perspectives. – Pittsburgh, PA, 2005. – Vol. 19. – P. 151–174.
- Shultz T.R., Schleifer M. Towards a refinement of attribution concepts // Attribution theory and research / J. Jaspars, F. Fincham, M. Hewstone (eds). – N.Y.: Academic Press, 1983. – P. 37–62.
- Sigelman L., Conover P. The Dynamics of presidential support during international conflict situations // Political behavior. – N.Y., 1981. – Vol. 3. – P. 303–318.
- Slovic P., Lichtenstein S. Preference reversals: A broader perspective // American economic review. – Pittsburgh, PA, 1983. – Vol. 73 – P. 596–605.
- Taber Ch.S., Cann D., Kucsova S. The Motivated processing of political arguments // Political behavior. – N.Y., 2009. – Vol. 31. – P. 137–155.
- Tanneberg D., Stefes C., Merkel W. Hard times and regime failure: Autocratic responses to economic downturns // Contemporary politics. – L., 2013. – Vol. 19. – P. 115–29.

- Tilley J., Hobolt S.* Is the government to blame?: An experimental test of how partisanship shapes perceptions of performance and responsibility // *The journal of politics*. – Chicago, 2011. – Vol. 73. – P. 316–330.
- Treisman D.* Presidential popularity in a hybrid regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American journal of political science*. – Palo Alto, 2011. – Vol. 55. – P. 590–609.
- Treisman D.* The politics of intergovernmental transfers in Post-Soviet Russia // *British journal of political science*. – Cambridge, 1996. – Vol. 26. – P. 299–335.
- Trial by Fire: A Natural Disaster's Impact on Support for the Authorities in Rural Russia / E. Lazarev, D. Sobolev, I. Soboleva, B. Sokolov* // *World politics*. – Princeton, NJ, 2014. – Vol. 66. – P. 641–668.
- Truex R.* Who believes the people's daily? Bias and Credibility in authoritarian media // Unpublished manuscript. – Princeton, NJ, 2016. – Mode of access: <https://static1.squarespace.com/static/5431e6ebe4b07582c93c48e3/t/56f899fd9063409744813459/1459132926647/Manuscript+File+-+Bias+and+Trust+in+Authoritarian+Media+v+3-16.pdf> (Дата посещения: 06.07.2016.)
- Zaller J.R.* The nature and origins of mass opinion. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 367 p.
- Zuckerman M.* Attribution of success and failure revisited or: The motivational bias is alive and well in attribution theory // *Journal of personality*. – Hoboken, NJ, 1979. – Vol. 47. – P. 245–287.

ИДЕИ И ПРАКТИКА: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРФОРМАТИВОВ

Данная рубрика включает материалы нового исследовательского проекта Высшей школы экономики. В его основе заложен образовательный проект для студентов второго курса (руководитель М.В. Ильин), который, однако, быстро перерос в более серьезное научное начинание. К нему присоединились отдельные магистранты и аспиранты НИУ ВШЭ. Он вышел и за пределы университета. Его внешним рецензентом стал Гюнтер Кресс, крупнейший исследователь социальной семиотики и основатель научного направления мультимодального анализа (см. его статью в предыдущем номере журнала).

Несмотря на молодость основной части участников и относительно короткий срок реализации проекта – ему чуть больше полугода, – были опробованы нетривиальные подходы к анализу перформативов и получены существенные научные результаты. Об этом в основных чертах говорится в заметке руководителя проекта М.В. Ильина. Кроме того, в рубрике публикуются три короткие статьи о перформативах сецессии оспариваемых государств (И.В. Фомин), об анализе начала Первой мировой войны (Е.А. Ефимова, Н.А. Конюхов, Д.А. Панфилов) и завершения Второй (Д.В. Алексеев, А.М. Ильин, М.В. Ильин). Продолжается работа над статьями об учреждении пяти французских республик (А.А. Луговцева) и провозглашении Государства Израиль (О.С. Гнесюк), которые не удалось включить в данную рубрику.

Исследовательский проект НИУ ВШЭ открыт, и заинтересованные исследователи могут к нему присоединиться.

М.В. Ильин

М.В. ИЛЬИН*

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ АНАЛИЗ ПЕРФОРМАТИВОВ?¹

Аннотация. Перформативы удобны для анализа и интерпретации политических действий и событий. Авторы исследований в области речевых актов и логики часто редуцируют перформативы к перформативным высказываниям. Исследователи из ВШЭ различают перформативные высказывания, перформативное событие, перформативное действие. Их взаимодействие вкупе с реактивными речевыми актами создает вложенный перформатив. Для выявления структурных конфигураций вложенного перформатива используется воронка перформативности, смоделированная на базе воронки причинности.

Ключевые слова: семиотика, политический дискурс; мультимодальность; речевые акты; перформативы; перформативные высказывания; перформативное событие; перформативное действие; вложенный перформатив; воронка причинности; воронка перформативности.

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО (У) МИД России; e-mail: mikhaililyin48@gmail.com;

Ilyin Mikhail, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; National Research University Higher School of Economics; Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia) e-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

M.V. Ilyin
What can give analysis of performatives?

Abstract. Performatives are helpful in analyzing and interpreting political actions and events. Speech act and logical studies often reduce performatives to performative utterances. HSE scholars differentiate performative event, performative act and performative utterance. Their mutual interface coupled with reactive speech acts produce nested performative. Structural patterns of nested performatives are established with the help of funnel of performativity fashioned after the funnel of causality.

Keywords: semiotics; political discourse; multimodality; speech acts; performative event; performative act; performative utterance; nested performative; funnel of causality; funnel of performativity.

Едва ли кто-то возьмется спорить с тем, что политические действия так или иначе связаны с проявлением определенных смыслов. Можно, пожалуй, сказать, что в силу своей направленности, нацеленности (purposefulness) политическое действие и есть не что иное, как утверждение смыслов. Тем самым осмысленная политика предстает как семиозис или процесс порождения смыслов с помощью знаков разного рода.

Данное положение настолько самоочевидно, что может показаться слишком абстрактным и всеобщим. Невольно хочется найти в политике что-то свойственное именно ей. И тут на ум сразу приходит такое явление, как перформатив (performative) – речевой акт (speechact), который сам по себе уже является тем делом, о котором говорится. Речевые акты подобного рода включают, например, оглашение брака или развода, декларацию государственной независимости и т.п. Их впервые выделил по контрасту с констативами (constatives) – описаниями положения дел – великий британский философ Джон Лэнгшоу Остин [Austin, 1962; Остин, 1986]. Название его замечательного труда «Как творить дела словами?» как нельзя лучше выражает смысл перформативности. И если спросить себя, как же творятся политические дела, то ответ будет – с помощью всего, что утверждает их смысл и значимость, от слов до поступков, от символов до непосредственных воздействий на окружающих людей. А раз так, то именно перформативы можно рассматривать как своего рода квинтэссенцию политического начала.

Действенность политики и перформативность политических дискурсов

Вполне обоснованно считается, что функциональное предназначение политики состоит в целедостижении (goal-attainment). Политика пронизана целенаправленным осуществлением человеческих устремлений и желаний, намерений и ожиданий людей. Именно они придают отдельным действиям и целостной деятельности политический характер, а с ним и смысл. Фактически политические действия заряжены смыслами от эмоциональных и волевых до интеллектуальных и рациональных. Политические действия утверждают эти смыслы и неотделимы от них.

Отдельные эпизоды политики предстают как осмысленные дискурсы [Ильин, 2015]. А те в свою очередь отчетливо сопряжены с реализацией некоего замысла. Тем самым политический дискурс прямо или косвенно предполагает создание ситуации или даже порядка, которые так или иначе связаны с замыслом. Действенность политики выражается в перформативности политических дискурсов, т.е. в способности фактического самоосуществления того, о чем идет речь, что предписывается и утверждается.

За счет чего происходит самоосуществление? Чтобы подступить к ответу на этот вопрос, полезно взглянуть на наиболее яркие, архетипические проявления перформативности.

Природа перфомативов

Архетипический перформатив – слова Творца «Да будет свет!» – Fiatlux ! – $\gamma\epsilon\nu\eta\theta\acute{\eta}\tau\omega\phi - \varsigma - \text{אֱוִר}$.

Его политический, земной аналог – это учреждающий речевой акт, становящийся отправным моментом создания государств или иных политических образований и порядков. Ясно, однако, что подобное сотворение не сводимо только к авторитетному слову, хотя сами понятия авторитета и авторитетности прямо содержат в себе указание на чудесный акт творения [Бенвенист, 1974; Ильин, 2015], а значит, насыщены перформативностью. Всякий учреждающий речевой акт по определению авторитетен и действителен.

Подлинная действенность учреждающего речевого акта создается не только и не столько самими словами – какая бы сакральная сила ни приписывалась им, – но также сопутствующими действиями и высказываниями всех тех, кто оказался вовлечен в еще более масштабный коммуникативный акт учреждения нового политического образования. Или даже в еще более масштабное историческое событие возникновения нового политического порядка или переутверждения старого.

Анализ различных казусов создания государств показывает, что помимо учредительного речевого акта это также вырастающие из него и включающие его многосоставные перформативы. Они могут осуществляться и осуществляются в различных масштабах. Они могут соединяться и соединяются с самыми разнообразными речевыми актами, символическими действиями и, естественно, коммуникативными сигналами, включая и «пустые» сигналы поддержания каналов связи.

Для политики с ее соревновательностью и противоборством характерно столкновение перформативов и вообще агонический дискурс [напр.: Mouffe, 2013 и др.]. Такое столкновение создает новые и неоднородные дискурсивные, политические и коммуникативные контексты.

Происходит либо хаотическое столкновение несогласованных перформативов, либо прямая коллизия противоположных по целям и интенциям перформативов. В первом случае с высокой вероятностью, а в последнем практически неизбежно отдельные перформативы не срабатывают.

Что же позволяет перформативам срабатывать, и что мешает этому?

Функциональность и дисфункциональность перформативов

Различение удачных и неудачных (дисфункциональных) перформативов имеет принципиальный характер. Жизнь дает немало примеров несработавших перформативов. Достаточно вспомнить о таком амбициозном и масштабном перформативе, как попытка германских нацистов и их фюрера утвердить тысячелетнее мировое господство Третьего рейха. Однако куда яснее и убедительнее кажется мне вымышленный литературный пример, который звучит

в полном смысле архетипически. Это провалившийся перформатив, описанный «со стороны» как констатив американским поэтом Карлом Сэндбергом: «Они объявят войну, а никто не придет». Строго говоря, роль мудреца, выводящего эту идеальную формулу, Карл Сэндберг дает безымянной маленькой девочке:

The little girl saw her first troop parade and asked,
«What are those?»
«Soldiers».
«What are soldiers?»
«They are for war. They fight and each tries to kill as many of
the other side as he can».
The girl held still and studied.
«Do you know ... I know something?»
«Yes, what is it you know?»
«Sometime they'll give a war and nobody will come».
[Sandburg, 1936]

Успех или неуспех перформативов зависит от взаимодействия людей, от их способности и готовности играть и подыгрывать друг другу. Результатом становится общий перформанс, игра. Именно такой перформанс делает нас людьми играющими, а нашу игру – подлинной и осмысленной действительностью.

Новый опыт изучения перформативов

Попытка использовать достижения в изучении перформативов, а также перформативности и перформансов на политическом материале была предпринята в НИУ ВШЭ. В рамках проекта предложены существенные инновации в трактовке перформативов. Они в первую очередь касаются преодоления редукции перформативов, а также различения перформативов по масштабу и характеру, их фактического объединения друг с другом и с другими типами речевых актов.

Выдающийся философ и ученый Джон Остин внес крупнейший вклад в науку вообще и в семиотику в частности, открыв новый предмет изучения – речевые акты, а также такие явления, как локуция, иллокуция и перлокуция. При этом отправным мо-

ментом стало выделение такого типа речевых актов, как перформативы. Трудно переоценить это достижение британского философа. Оно было столь масштабным, что даже очертить возможное поле изучения было затруднительно. В силу данного обстоятельства и сам Остин, и его последователи сосредоточили внимание на логическом анализе единичных или даже элементарных перформативных высказываний (*performative utterances*).

Однако в жизни, и особенно в политике, такие единичные реплики-действия изолируются с большим трудом, поскольку их границы условны, а фактическое развертывание зачатую растянуто и многоэтапно. К тому же обычно перформативы переплетаются с другими речевыми актами и действиями. Что же касается перформативных высказываний в узком смысле, то они по-прежнему остаются фактически единственным предметом изучения чуть ли не всех логиков и очень многих лингвистов. Более того, они обычно конструируются самими исследователями в ментальных квазиэкспериментах, а не берутся из текстов или эпизодов жизни.

Данные обстоятельства заставили участников проекта по мультимодальному анализу политических перформативов предложить иной подход. Прежде всего было констатировано, что в политической и, шире, жизненной практике перформативы, как правило, динамично развертываются, как в разных фактурах или модальностях речи (звуковой, визуальной, тактильной, мотильной и т.п.), так и во времени. Скажем, такой перформатив, как провозглашение независимости нового государства, далеко не ограничен моментом произнесения текста декларации. Фактически перформатив начинается раньше, хотя бы в ходе подготовки данного текста, а на деле еще раньше. Он также продолжается и после произнесения текста, например, в виде создания печатной версии текста, ее подписания, тиражирования, рассылки и, что особенно важно, получения подкрепляющих реакций в виде новых перформативов. Возникает как будто более широкий и длительный перформатив, однако это всего лишь расширение все того же исходного перформативного высказывания.

Будет ли данный расширившийся перформатив высказыванием? Для определенных целей его можно так охарактеризовать, но это будут весьма специфические цели и типы исследования. В подавляющем большинстве случаев ясно, что изменение охвата и масштаба перформатива изменяет и его характер. Это уже не вы-

сказывание, а расширенный политический факт – провозглашение независимости. В политике и политической науке такие факты в силу их перформативности обычно именуют актами.

Однако и акт не остается предельным выражением перформатива. Ясно, что переход от момента принятия текста американской Декларации независимости 4 июля 1776 г. к расширенному политическому акту, охватившему период от мая до конца августа 1776 г., не привел еще к осуществлению независимости 13 колоний и превращению их в суверенные соединенные штаты. Понадобилось получить хотя бы молчаливое признание некоторых европейских держав и прямую поддержку Франции. Необходима была поддержка различных сегментов американских колонистов, победа в Гражданской войне и в сражениях с английскими войсками, превращение их в иностранные вооруженные силы. Словом, независимость была обретаена с завершением войны и заключением мира с Британией. Такой масштабный перформатив, равновеликий историческому событию, становится перформативным событием.

Как связать разные слои и масштабы перформативов, сохранив при этом их самостоятельность и своеобразие? За счет последовательного различения базовых разновидностей перформатива. Это перформативное высказывание (*performative utterance*), перформативный акт (*performative act*), перформативное событие (*performative event*). Они различаются только аналитически в основном по своему масштабу. В политической и коммуникативной практике их невозможно отделить. Они связаны и перетекают друг в друга.

Аналитически работать с многосоставными и расплывчатыми феноменами большого и всеохватывающего перформатива помогает наша другая новация. Это модель вложенного перформатива (*nested performative*). Каким образом такие составные перформативы моделируются? Требуется выделить некое отправное перформативное высказывание (*performative utterance*). К нему добавляются реактивные и фоновые высказывания. В результате образуется перформативный акт (*performative act*) большего масштаба. К этому акту добавляются новые высказывания и действия, а также реактивные и фоновые акты. В результате создается перформативное событие (*performative event*), которое включает как перформативы меньшего масштаба, так и различного рода сопутствующие им результаты общего семиозиса (смыслообразования). Действительно,

смысл крупных политических событий складывается постепенно, а его разворачивание представляет самостоятельный научный интерес.

Структуру вложенного перформатива, связь между различными масштабами, слоями и составными частями совокупного процесса политического семиозиса удобно представить с помощью так называемой воронки причинности [The American voter, 1960; Мельвиль, 1999 а; Мельвиль, 1999 b, Мелешкина, 2002; Лебедева, 2002; Ильин, 2015], на основании которой участники проекта предложили новый инструмент – воронку перформативности. Существенной новацией при этом стала оценка отдельных моментов и узлов сетей свершения действий – не только эффектов причинения тех или иных следствий, но и их оценка, как перформативно удачных (функциональных, эффективных, happy, по терминологии Остина), так и неудачных (дисфункциональных, неэффективных, unhappy, по терминологии Остина).

Другой особенностью предложенной модели стало соединение устьями двух симметричных воронок. В данном случае развивались ранее выдвинутые в научной литературе предложения о модификации воронки причинности [Мельвиль, 1999 а; 1999 b]. Что же помещается в общее «горлышко» двух воронок перформативности? Некий критический политический перформатив, например момент произнесения и одобрения текста Декларации независимости, выстрел Гаврилы Принципа, а также завещание и самоубийство Адольфа Гитлера, пленение Наполеона III и т.п. Данные элементарные («мгновенные») перформативы становятся завершением некоего накопления удачной (happy) и неудачной (unhappy) перформативности и совокупного политического семиозиса-смыслообразования, но одновременно началом новой воронки накопления перформативности и развертывания политического семиозиса.

Таковы лишь некоторые, наиболее яркие и заметные результаты начатого в НИУ ВШЭ исследовательского проекта. Они свидетельствуют о том, что мультимодальный анализ перформативов является весьма перспективным и многообещающим направлением развития современной политической науки. Именно на этом направлении перед отечественным сообществом политологов и особенно его молодыми представителями открываются уникальные возможности внести заметный вклад в мировую науку.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
- Ильин М.В. Воронка причинности. От эмпирической модели к формированию парадигм многослойной причинности // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 442–451.
- Лебедева М.М. «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 5. – С. 60–63.
- Мелешкина Е.Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 5. – С. 47–53.
- Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 5. – С. 54–59.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М. От метафоры к объяснительной модели: Волны демократизации и воронка причинности // Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН. – М., 2001. – С. 263–267.
- Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис: Политические исследования. – М., 1998. – № 2. – С. 6–38.
- Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М.: МОНФ, 1999 а. – 108 с.
- Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М.: МОНФ, 1999 б. – 58 с.
- Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–130.
- Austin J.L. How to do things with words. The William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J.O. Urmson (ed.) – Oxford: Clarendon press, 1962. – vii, 166 p.
- Sandburg C. The people, yes. – N.Y.: Harcourt, Brace and company, 1936. – 286 p.
- Mouffe C. Agonistics: Thinking the world politically. – L.; N.Y.: Verso, 2013. – xvii, 149 p.
- The American voter / A. Campbell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. – N.Y.: Wiley, 1960. – viii, 573 p.

И.В. ФОМИН*

**ПЕРФОРМАТИВЫ СЕЦЕССИИ
ОСПАРИВАЕМЫХ ГОСУДАРСТВ:
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ, АБХАЗИЯ, КОСОВО¹**

Аннотация. Статья посвящена изучению актов сецессии трех оспариваемых постсоциалистических государств: Абхазии, Косова и Южной Осетии. При помощи методов мультимодального анализа политических перформативов предпринята попытка определить оспариваемую сецессию как один из типовых перформативных политических сценариев, описав ее через инвариантный набор из шести перформативных актов (стабильность, накопление противоречий, иллюкутивный прорыв, частичная стабилизация, новый акт накопления противоречий, новый иллюкутивный прорыв).

Ключевые слова: перформативы; мультимодальность; семиотика; мультимодальный анализ перформативов; сецессия; сепаратизм; непризнанные государства; оспариваемые государства; Абхазия; Южная Осетия; Косово.

I.V. Fomin

**Performatives of secession of contested states:
South Ossetia, Abkhazia, Kosovo**

Abstract. The article is devoted to the study of the contested secessions of three post-socialist states (Abkhazia, Kosovo and South Ossetia). The methods of multimodal

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: fomin.i@gmail.com;

Fomin Ivan – Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта N 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: Трансдисциплинарный подход».

performative analysis are used to define contested secession as one of the typical performative political scripts that can be described as an invariant set of 6 performative acts (stability; accumulation of contradictions, illocutionary breakthrough, partial stabilization, the new accumulation of contradictions, the new illocutionary breakthrough).

Keywords: performatives; multimodality; semiotics; multimodal performative analysis; secession; separatism; unrecognized states; contested states; Abkhazia; South Ossetia; Kosovo.

В современной политической науке много внимания уделяется исследовательской проблематизации различных аспектов государственности и суверенитета. Обсуждаются вопросы о возможностях уточнения и операционализации таких категорий, как государственная статусность, государственная состоятельность и эффективность государства [Nettl, 1968; The formation... 1975; Krasner, 1999; Суверенитет... 2008; Асимметрия... 2011; Мелешкина, 2011; Мельвиль, 2012 и др.]. Рассматриваются вопросы о том, каковы механизмы закрепления за государствами определенного статуса (великой державы, региональной державы и т.п.) [Major Powers... 2011; Volgy, Mayhall, 1995 и др.]. Изучаются коммуникативные аспекты формирования и бытования наций [Anderson, 1991; Fox, 2008; Krzyżanowski, 2010; Wodak, 2015 и др.]. Представленное в настоящей статье исследование во многом может рассматриваться как продолжение указанных направлений. Его особенностью, однако, является использование несколько непривычного для магистральной политической науки, но, как можно надеяться, перспективного семиотического¹ подхода к исследованию социальной действительности – мультимодального перформативного анализа.

В предметном плане настоящая статья посвящена изучению актов сепарации трех государств: Абхазии, Косова и Южной Осетии. Во многих отношениях эти кейсы сходны. Во всех трех случаях речь идет о спорных государствах, возникших в 1990-е годы на обломках социалистических империй и ставших эпицентрами вооруженных конфликтов. Кроме того, во всех трех ситуациях существенный вклад в прекращение острой фазы конфликтов внесла третья сила: Россия – в случаях Абхазии и Южной Осетии,

¹ Подробнее о возможностях семиотики в политических исследованиях см.: [Фомин, Ильин, 2016].

НАТО – в случае Косова. В 2008 г. все три государственных образования получили частичное признание. Признанию Косова предшествовало повторное провозглашение независимости в феврале 2008 г., признанию Южной Осетии и Абхазии – повторное обострение вооруженных конфликтов. На сегодняшний день Косово признано 108 государствами – членами ООН, Южная Осетия – четырем, Абхазия – пяти. Однако даже при таком существенном количественном разрыве все три политии находятся в сходном положении с той точки зрения, что имеют государство-патрон, способное предоставлять необходимые политические, экономические, военные и культурные ресурсы: Косово поддерживают большинство членов ЕС и США, Абхазию и Южную Осетию – Россия [Мелешкина, Кудряшова, 2015].

Возможности перформативного анализа

Исследуя казусы Абхазии, Косова и Южной Осетии, мы предпримем попытку рассмотреть их акты сецессии в качестве политических *перформативов*, т.е. коммуникативных высказываний, которые сами по себе являются действиями [Austin, 1986; Остин, 1962; Ильин, б. г.]. При этом мы ставим перед собой задачу определить оспариваемую сецессию как один из типовых перформативных политических сценариев, описав ее через инвариантный набор перформативных актов.

Если вести речь о сецессиях Южной Осетии, Абхазии и Косова как об отдельных речевых актах перформативного характера (декларациях независимости), то в качестве таковых можно рассматривать целый ряд текстов, которые появлялись при разных обстоятельствах и в разные моменты времени. Так, например, для Южной Осетии новейшую историю попыток сецессии можно рассматривать начиная с 10 ноября 1989 г., когда Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области принял решение о преобразовании региона в автономную республику. Через год за этим последовало провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР. А 21 декабря 1991 г., в день подписания Алма-Атинской декларации, Верховный Совет Южной Осетии принял Декларацию о независимости республики. После чего в начале 1992 г. состоялся референдум, в

ходе которого свыше 98% принявших участие в голосовании высказались в поддержку независимости, и 29 мая Верховный Совет республики принял документ, закрепляющий этот статус – Акт о государственной независимости [Конфликты... 2008].

В случае Абхазии можно проследить похожий процесс, взяв в качестве начальной точки 18 марта 1989 г., когда в деревне Лыхны на 30-тысячном сходе абхазского народа было выдвинуто предложение о выходе Абхазии из состава Грузии и восстановлении ее в статусе союзной республики. Через полтора года, в августе 1990 г., Верховный Совет Абхазии принял Декларацию о суверенитете Абхазской АССР, а 23 июля 1992 г. – постановление о прекращении действия конституции Абхазии 1978 г. и введении в действие конституции 1925 г., фиксировавшей договорные отношения между Абхазией и Грузией. В 1999 г., после состоявшегося в республике референдума по вопросу об отношении к новой, принятой в 1994 г., конституции, был обнародован документ под названием «Акт о государственной независимости Республики Абхазия», закреплявший статус республики как самостоятельного государства [Конфликты... 2008].

В случае Косова мы также можем обратить внимание на несколько заявлений, претендующих на роль вербального перформатива сецессии. Заявление о провозглашении Республики Косово в составе Югославии было принято албанскими членами краевой ассамблеи Косова 2 июля 1990 г. А через год, после прошедшего «подпольного» референдума, состоялось провозглашение Республики Косово в качестве независимого государства и признание его Албанией. Состоявшееся же 17 февраля 2008 г. провозглашение независимости Косова было, таким образом, уже повторным декларирования независимости [Elsie, 2010].

Как можно понять из представленных выше перечислений, политические перформативы имеют своеобразный характер: они не свершаются моментально, а осуществляются как серии попыток свершения – удачных или неудачных (*happy* или *unhappy* в терминологии Дж. Остина) [Austin, 1974, p. 12–24]. При этом для удачности перформатива, по Остину, требуется соблюдение шести условий.

1. Должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенный конвенциональный эффект. Такая

процедура должна включать использование определенных выражений при определенных обстоятельствах.

2. Определенные лица и обстоятельства должны быть подходящими для обращения (appropriate for the invocation) к такой процедуре.

3. Процедура должна осуществляться всеми ее участниками корректно.

4. Процедура должна осуществляться полностью.

5. Если процедура предназначена для использования определенными людьми, обладающими определенными мыслями или чувствами, и является началом определенного последующего поведения ее участников, тогда лицо, участвующее в процедуре и, таким образом, обращающееся к ней, должно фактически обладать соответствующими мыслями и чувствами, а участники – иметь намерения применительно к соответствующему определенному поведению.

6. Участники впоследствии действительно должны проявлять определенное поведение [Austin, 1974, p. 14–15].

В случае с политической действительностью вступающие во взаимодействие перформативы зачастую оказываются противоположно направленными, что придает политическому дискурсу агонистический характер. При этом, однако, даже агонистические перформативные акты могут быть успешными в случае, если существуют специальные процедуры для такого рода взаимодействия. Неконсенсусные сессии, однако, к этим случаям не относятся. Они обычно могут быть охарактеризованы как перформативные *осечки* (misfires), а точнее – как *мизинвокации* (misinvocations)¹, т.е. как случаи нарушения первого или второго условий удачности.

Важным дополнением к анализу речевых перформативов может стать исследование перформативов, представленных в других модусах: звуковом, визуальном, тактильном, мотильном и т.д.² Ведь, например, событие перехода Южной Осетии из статуса ав-

¹ Адекватным образом перевести на русский используемое Дж.Л. Остином слово *misinvocation* непросто. В существующих изданиях используется либо описательное выражение «Нарушение правил обращения к процедуре» [Остин, 1986], либо не вполне соответствующее сути термина слово *невостребованность* [Остин, 1999].

² Подробнее о совмещении различных модусов коммуникации см.: [Kress, 2010; Кресс, 2016 и др.].

тономной области в составе Грузии к статусу частично признанного государства едва ли может быть адекватно представлен через рассмотрение одних только текстов заявлений и деклараций. Все вербальные перформативные шаги в этом процессе сопряжены с рядом невербальных силовых перформативов, которыми грузинская и осетинская стороны интенсивно обменивались. Свою роль также сыграли, в частности, и мотильные перформативы, осуществляемые потоками людей – беженцев и внутренне перемещенных лиц, вынужденных покинуть свои дома. И даже если мы обратим внимание на одни только вербальные перформативы, нам необходимо будет рассмотреть не только югоосетинские речевые акты сессии, но и речевые акты грузинского руководства, нацеленные на конструирование альтернативной действительности, в которой Южная Осетия продолжала оставаться частью Грузии [Markedonov, 2008].

Для эффективного анализа комплексных мультимодальных перформативов удобно воспользоваться моделью *вложенного перформатива* (nested performative). Для работы с этой моделью требуется выделить некое отправное *перформативное высказывание* (performative utterance), к которому затем добавляются реактивные и фоновые высказывания, что все вместе образует *перформативный акт* (performative act). К этому перформативному акту добавляются новые высказывания и действия, а также новые реактивные и фоновые акты, в результате создается *перформативное событие* (performative event) [Ильин, б. г.]. При этом важно оговориться, что отнесенность к уровню высказываний, актов или событий является для каждого конкретного перформатива не абсолютным свойством, а релятивным. И при укрупнении масштаба анализа то, что рассматривалось как перформативное событие, может быть перформативировано в перформативное высказывание по отношению к более крупным событиям. Используя такого рода инструментарий, мы можем составить описания перформативных событий сессии, а также составляющих их перформативных актов и высказываний.

Сессия в шести актах

Во всех трех исследуемых перформативах сессии развитие события начинается с *акта накопления противоречий*. Высказывания, производимые участниками коммуникации в рамках этого

акта, носят преимущественно конфронтационный или конкурентный характер – происходит конструирование социальных миров, не совместимых друг с другом и друг друга отменяющих. Примеры обмена такого рода высказываниями в трех проанализированных случаях представлены в табл. 1, 2, 3 (после двоеточия в каждом высказывании указаны положения вещей, перформативно им утверждаемые). Стоит обратить внимание на то, что к набору высказываний при анализе отнесены не только речевые акты, но и целенаправленные силовые действия, также являющиеся попытками утвердить то или иное положение вещей. Их можно рассматривать как последствия мизинвокативных актов, происходящих с обеих сторон при попытках изменить социальную действительность посредством вербальных перформативов. В первую очередь – декларативных актов сецессии.

Таблица 1

**Акт накопления противоречий (1989–1992):
Южная Осетия**

Южная Осетия	Грузия
1	2
Ноябрь 1989 г. СНД ЮО: Официальный язык ЮО – осетинский	4 апреля 1989 г. Митинг в Тбилиси: Ликвидировать ЮОАО Август 1989 г. ВС ГССР: Официальный язык ГССР – грузинский
Ноябрь 1989 г. СНД ЮО: Преобразование ЮОАО в автономную республику	Ноябрь 1989 г. ПВС ГССР: Отмена преобразования ЮОАО в республику Ноябрь 1989 г. Поход на Цхинвали; Гамсахурдиа: «Пусть осетины либо станут грузинами, либо уходят в Россию»
Сентябрь 1990 г. СНД ЮО: На территории ЮО действует Конституция и законы СССР	Март 1990 г. ВС ГССР: Постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»
Сентябрь–декабрь 1990 г. СНД ЮОАО: Провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики в составе СССР, Декларация о суверенитете. Выборы в ВС ЮО	Ноябрь 1990 г. Отменить преобразование ЮОАО в ЮОСДР Декабрь 1990 г. ВС Грузии: Аннулирование результатов выборов в ЮОАО и упразднение осетинской автономии
1991–1992. Силовые акции: Сохранение самостоятельности, выживание людей	1991–1992. Силовые акции: Восстановление контроля над ЮО
17 марта 1991 г. Всесоюзный референдум в ЮО: Сохранение СССР	28 февраля 1991 г. ВС Грузии: Не проводить в Грузии референдум о сохранении СССР Март–апрель 1991 г. Референдум и Акт о независимости: Грузия – независимое государство

Продолжение таблицы 1

1	2
4 мая 1991 г. Собрание народных депутатов всех уровней: Возврат к статусу автономной области	7 мая 1991 г. ПВС Грузии: Решение о возврате ЮО к статусу автономной области не имеет юридической силы
1 сентября 1991 г. СНД ЮО: Возврат к статусу республики Ноябрь 1991 г. СНД ЮО: Обращение к ВС РСФСР с просьбой о присоединении Декабрь 1991 г. ВС РЮО: Декларация независимости Январь 1992 г. Референдум: Независимость и воссоединение с Россией Май 1992 г. ВС РЮО: Акт о независимости РЮО	Сентябрь 1991 г. – декабрь 1993 г. Силовые акции противоборствующих сторонников и противников Гамсахурдиа Март 1992 г. Военный совет: Шеварднадзе – глава государства

Таблица 2

Акт накопления противоречий (1989–1993): Абхазия

Абхазия	Грузия
Март-июль 1989 г. Сход в Лыхны, митинги, силовые акции: Выход Абхазии из ГССР	Март-июль 1989 г. Митинги, открытие филиала ТГУ в Сухуми, силовые акции: Сохранение Абхазии в составе Грузии
25 августа 1990 г. ВС Абхазии: Декларация о суверенитете Абхазской АССР: Абхазия – суверенное государство, находящееся в союзных отношениях с ГССР и СССР	Март 1990 г. ВС ГССР: Постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»: Грузия – суверенное унитарное государство
17 марта 1991 г. Всесоюзный референдум в Абхазии: Негрузинское население: сохранение СССР. Грузинское население (бойкот): выход из СССР	28 февраля 1991 г. ВС Грузии: Не проводить в Грузии референдум о сохранении СССР
31 марта 1991 г. Референдум о независимости Грузии: Грузинское население: Грузия – независимое государство. Негрузинское население (бойкот): Абхазия – часть СССР	Март-апрель 1991 г. Референдум и Акт о независимости: Грузия – независимое государство
23 июля 1992 г. ВС Абхазии: Восстановление конституции Абхазии 1925 г.	21 февраля 1992 г. Военный совет: восстановление конституции Грузии 1921 г.
1992–1993. Силовые акции: независимость Абхазии	1992–1993. Силовые акции, формирование прогрузинского Кабинета министров АР Абхазия: сохранение Абхазии в составе Грузии

Таблица 3

Акт накопления противоречий (1981–1999): Косово

Косово	Сербия
1981. Демонстрации: Косово – республика в составе Югославии 1988–1989. Демонстрации косовских албанцев: Против урезания автономии Косова	1986. Меморандум Сербской академии наук и искусств: Остановить геноцид сербов, отменить автономию Косова 1987. Речь Милошевича на Косовом поле: Сербия не отпустит Косово 1988–1989. Силловые акции против косовских албанцев: Урезание автономии Косова 1989. Референдум, новая конституция: Урезание автономии Косова
2 июля 1990 г. Декларация независимости Республики Косово: Косово – независимое государство в составе СФРЮ 7 сентября 1990 г. Принятие Конституции Косова: Косово – суверенное государство в составе Югославии* 1991. Декларация независимости Косова, «подпольный» референдум: Косово – независимое государство	22 марта 1990 г. Сербская скупщина принимает Программу развития Косова: Сохранение целостности Сербии Июль–сентябрь 1990 г. Разгон краевых органов власти Косова и албанских СМИ: Сохранение Косова в составе Сербии
1996–1999. Силловые акции: Косово – часть Сербии	1996–1999. Силловые акции: Косово – независимое государство

Второй акт, который мы можем очертить в рамках каждой из анализируемых сецессий, можно назвать актом *иллокутивного прорыва*. Предложенное нами имя акта связано с введенным Дж. Остином термином *иллокутивная сила*. Обычно иллокутивной силой называют характеристику перформативного акта, определяющую его с точки зрения интенсивности выражения перформативного намерения, способа осуществления свершения и характера отношений между адресантом и адресатом. Соответственно, в рамках акта *иллокутивного прорыва* происходит существенное изменение этих параметров во взаимодействии ключевых участников.

Конкретные высказывания, образующие акт иллокутивного прорыва, могут разниться. Так, например, в случае с югоосетинской и косовской сецессией иллокутивный прорыв был осуществлен через вмешательство третьей стороны. В 1992 г. вмешательство России в югоосетинский кризис, а в 1999 г. – вмешательство НАТО в Косове оказались актами, существенным образом изменившими конфигурацию отношений между взаимодействующими сторонами. В случае с абхазским кейсом введение миротворческо-

го контингента из российских военнослужащих также стало одним из элементов иллокутивного прорыва, но к нему стоит отнести также и успехи абхазских вооруженных формирований, захват ими Сухуми, массовый отток грузинского населения. Все эти действия вместе привели к изменению иллокутивной силы перформатива абхазской сецессии.

За актом *иллокутивного прорыва* следует акт *частичной стабилизации*. Разумеется, ни в одном из трех обсуждаемых случаев речь не шла о полном консенсусе между сторонами, но и в случае Южной Осетии и Абхазии, и в случае Косово, после иллокутивного прорыва можно зафиксировать целый ряд высказываний, ориентированных на консенсусное конструирование действительности. К числу таких высказываний относятся соглашения о прекращении огня, заявления о мерах по политическому урегулированию и укреплению доверия, встречи, переговоры, предоставление возможности беженцам вернуться в свои дома. Также стоит обратить внимание, что в рамках акта *частичной стабилизации* могут продолжаться высказывания, предполагающие несовместимые версии социальной действительности, как и в фазе накопления противоречий, но при этом могут происходить изменения в самом формате такого рода коммуникации. Заявление противоречащих позиций может становиться синхронным, встроенным в формат переговоров, и в таком случае изменяется его иллокутивный аспект. Синхронно и регулярно повторяя свои позиции, стороны перформативно утверждают наличие вербального контакта как альтернативы силовому противодействию.

В случае Южной Осетии фаза частичной стабилизации продолжалась с 1992 по 2004 г., в случае Абхазии – с 1994 по 1997 г. Далее произошел переход ко второму акту *накопления противоречий*. В Абхазии это было выражено в виде новых силовых акций в 1998 и 2001 гг., а также с последовавшими за этим референдумом и принятием Акта о государственной независимости республики. Особенно интенсивно накопление противоречий стало происходить после «революции роз» в Грузии, когда последовала серия перформативных осечек со стороны Грузии: учреждение Временной администрации Южной Осетии, обустройство прогрузинского правительства АР Абхазия в Кодорском ущелье, заявлен курс на вступление Грузии в НАТО.

Второй *иллокутивный прорыв* в абхазской и югоосетинской сепарации произошел в 2008 г. Вновь он был проявлен в виде силового вмешательства России, но на этот раз сопровождаемого признанием независимости двух отколовшихся от Грузии республик. При этом сами попытки грузинских властей изменить после «революции роз» формат отношений с Россией, заручиться поддержкой Запада и посредством силовой акции восстановить целостность страны можно также рассматривать как попытку осуществления иллокутивного прорыва, который, однако, не состоялся. В случае Косова частичное признание его независимости также стало актом *иллокутивного прорыва*, которому предшествовал акт *накопления противоречий*, проявившийся в виде кризиса переговорного процесса в 2007 г. в рамках обсуждения Плана Ахтисаари, закончившегося принятием в 2008 г. новой косовской декларации независимости.

Подводя итог, можно отметить, что для всех трех проанализированных случаев перформативное событие сепарации может быть описано следующим перформативным сценарием.

Таблица 4

**Перформативные акты, образующие событие сепарации
(на основе кейсов Абхазии, Южной Осетии, Косова)**

Перформативные акты	Описание
Акт 1. Стабильность	Сосуществование в рамках одного государства
Акт 2. Накопление противоречий	Обострение: попытка сепарации, имеющая характер перформативной осечки (мизинвокация) и провоцирующая силовое взаимодействие
Акт 3. Иллокутивный прорыв	Интервенция и заморозка: нивелирование осечки интервентом
Акт 4. Частичная стабилизация	Переговоры: восстановление режима удачных перформативных взаимодействий
Акт 5. Накопление противоречий	Кризис: новые мизинвокативные попытки изменить ситуацию
Акт 6. Иллокутивный прорыв	Признание: преобразование мизинвокативной осечки в удачный перформатив

Вербальные перформативы сепарации, осуществляемые в рамках акта 2, имеют характер мизинвокативных осечек и провоцируют переход коммуникации в силовой модус. Впоследствии это ведет к иллокутивному прорыву (акт 3), отчасти нивелирующему мизинвокативный характер сепарации. Возникают условия

для частичного восстановления режима удачных перформативных взаимодействий (акт 4), нарушенного мизинвокацией. Затем в рамках повторного этапа накопления противоречий (акт 5) совершаются новые мизинвокации, после чего происходит новый иллокутивный прорыв, осуществляемый интервентом, на этот раз уже направленный не на то, чтобы нивелировать мизинвокативную сецессию, а на то, чтобы преобразовать сецессию из осечки в удачный перформатив. Таким образом, представленный здесь сценарий демонстрирует общую структуру развития перформативного события сецессии из мизинвокативного акта сецессии.

Что касается использованной методологии, то приемы мультимодального анализа перформативов, безусловно, являются продуктивным способом исследования социальной действительности и требуют дальнейшего развития и уточнения. Главным достоинством при работе с такого рода инструментами видится возможность использования оптики, допускающей одновременное существование различных социальных миров и позволяющей анализировать агонистическую динамику взаимодействия социальных акторов, утверждающих те или иные версии социальной действительности. При использовании такого подхода у исследователя есть возможность избежать константивного понимания действительности и увидеть социальный мир как пространство мультимодальных перформативных взаимодействий, в котором факты и положения вещей существуют не как нечто раз и навсегда случившееся, а скорее как результат непрекращающегося взаимодействия конфронтационно сталкивающихся, консенсусно сливающихся и реактивно соотносящихся свершений. Кроме того, данный инструментарий позволяет одновременно принимать во внимание и стратегическую целенаправленность действий социальных акторов, и то, в какой мере каждое следующее социальное взаимодействие определяется результатом предшествующего.

Список литературы

Асимметрия мировой системы суверенитета: Зоны проблемной государственности: монография / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. Каф. сравнит. политологии. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.

Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? // Наст. изд.

- Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: Документы 1989–2006 гг. / Составление и комментарии М.А. Волхонский, В.А. Захаров, Н.Ю. Силаев. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 496 с.
- Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 3. – в печати.
- Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. Сецессии на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия // Актуальные проблемы Европы. – М., 2015. – № 1. – С. 56–80.
- Мельвил А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 4. – С. 83–105.
- Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135.
- Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике : Пер. с англ. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–130.
- Суверенитет. Трансформация понятий и практик: монография / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. Каф. сравнит. политологии. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.
- Фомин И.В., Ильин М.В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. – М., 2016. – № 3. – В печати.
- Anderson B. Imagined communities. – N.Y.: Verso, 1991. – 224 p.
- Austin J.L. How to do things with words. The William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J.O. Urmson (ed.). – Oxford: Clarendon press, 1962. – 166 p.
- Elsie R. Historical dictionary of Kosovo. – Lanham: Scarecrow press, 2010. – 452 p.
- Fox J., Miller-Idriss C. Everyday nationhood // Ethnicities. – Bristol, 2008. – N 8. – P. 536–563.
- Krasner S. Sovereignty: Organized hypocrisy. – Princeton: Princeton univ. press, 1999. – 280 p.
- Kress G. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. – N.Y.: Routledge, 2010. – 212 p.
- Krzyżanowski M. The discursive construction of European identities. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. – 232 p.
- Major powers and the quest for status in international politics: global and regional perspectives / T.J. Volgy (ed.). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – 242 p.
- Markedonov S. Regional conflicts reloaded // Russia in global affairs. – М., 2008. – N 4. – Mode of access: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_11893 (Дата посещения: 10.06.2016.)
- Nettl J.P. The state as a conceptual variable // World politics. – Cambridge, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.

The formation of national states in Western Europe / Ch. Tilly (ed.). – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – 771 p.

Volgy T.J., Mayhall S. Status inconsistency and international war // *International Studies Quarterly*. – L., 1995. – N 39. – P. 67–84.

Wodak R., Boukala S. European identities and the revival of nationalism in the European Union: a discourse-historical approach // *Journal of language and politics*. – Amsterdam, 2015. – Vol. 14, N 1. – P. 87–109.

Е.А. ЕФИМОВА, Н.А. КОНЮХОВ, Д.А. ПАНФИЛОВ*
КТО И КАК НАЧАЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Аннотация. В статье проблематизируется начало Первой мировой войны на основе концепции вложенного перформатива. Нарастание мирового кризиса представлено как три последовательно усложнявшиеся формы войны – вызов человека государству, война государства против государства и война всех против всех.

Ключевые слова: перформативный анализ; вложенный перформатив; Первая мировая война; начало войны.

E.A. Efimova, N.A. Konyukhov, D.A. Panfilov
Who and how did start the First World War?

Abstract. This paper discusses the First World War's outbreak using the concept of nested performative as basis. Escalation of worldwide crisis is considered as three forms of war sequentially becoming more complex – a person challenging the state, war between two states and war of all against all.

Keywords: performative analysis; nested performative; World War I; outbreak of war.

* **Ефимова Евгения Артемовна**, студентка департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: zhe-efimova@yandex.ru; **Конюхов Никита Алексеевич**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: konyukhov.na@gmail.com; **Панфилов Денис Александрович**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: panfilovdenis27@gmail.com;

Efimova Evgeniia, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: zhe-efimova@yandex.ru; **Konyukhov Nikita**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: konyukhov.na@gmail.com; **Panfilov Denis**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: panfilovdenis27@gmail.com.

«Маленькая вырезка из газеты, напечатанная без комментариев секретной ячейкой террористов в Загребе, столице Хорватии, для их товарищей в Белграде, была факелом, который разжег огонь войны в 1914 году. Этот кусок бумаги сокрушил старые и гордые империи. Он дал родиться новым, свободным нациям», — пишет в своих воспоминаниях Боривой Евтич, один из заговорщиков «Народной обороны» [Hart, 2013, p. 23]. Упомянутая записка была получена в конце апреля 1914 г. и содержала сообщение об ожидаемом приезде в Сараево Франца Фердинанда. Именно в этом клочке бумаги усмотрел критический момент начала войны Евтич, ставший видным сербским литератором.

Когда берешься распутывать хитросплетения действий и событий, вылившихся в Первую мировую войну, возникает соблазн вслед за Евтичем установить то мгновение, которое мы можем назвать началом грандиозного исторического потрясения. Мы же предлагаем посмотреть на все это «с высоты птичьего полета», чтобы не подменять целостный смысл отдельными яркими деталями, чтобы деревья не заслоняли леса. Но и отдельные детали, отдельные «деревья» не должны исчезнуть из поля зрения.

Чтобы охватить все смысловое, семиотическое пространство, мы обращаемся к модели вложенного перформатива (nested performative). Ее образует соединение перформативного высказывания (performative utterance) или высказываний, а также реактивных и фоновых высказываний в перформативный акт (performative act), этого акта и новых высказываний, а также реактивных и фоновых актов в перформативное событие (performative event).

Начало войны, тем более начало мировой войны, нельзя свести к одному действию. Это всегда кризис, двусмысленно отделяющий и в то же время соединяющий предшествующее состояние мира и последующее состояние войны. Однако в данном случае трудно выделить один-единственный кризис. Первая мировая война не начиналась как мировая, она не начиналась даже как война вообще, если опираться на обычное представление о войне как вооруженной борьбе одного государства против другого. Промежуток между миром и войной распадается на три следующих друг за другом кризиса. У каждого из них был свой вход (entrance), свои участники и проблемы, свой выход (exit). В каждый из кризисов включались новые агонисты, а противостояние сторон принимало качественно новый характер. По сути, речь идет о трех последова-

тельно усложнявшихся формах войны – это война человека против государства, государства против государства и всех против всех.

В каждом кризисе есть что-то, что является центром, главным перформативом, главной темой всех остальных высказываний. Эти критические перформативные моменты становятся своего рода смысловыми фокусами, к которым стягиваются линии перформативного причинения и из которых разворачиваются линии перформативных следствий. Так, для первого кризиса это убийство Франца Фердинанда, для второго – вмешательство Австрии во внутренние дела Сербии, равносильное объявлению войны, для третьего – разворот на запад, приведший к веерному падению косточек домино.

Между тремя этими кризисами нет четкой границы. Поле нашего зрения заполнено множеством высказываний, действий и взаимодействий. Конкретные высказывания, акты и даже события растягиваются в пространстве-времени и накладываются друг на друга. Когда в одном месте еще вспоминают убийство эрцгерцога, в другом уже обсуждают австрийский ультиматум, а в третьем вспоминают о взятых на себя обязательствах.

Объявление войны в узком и четком смысле прототипически можно свести к вызову на поединок. Однако это не только вызов, но также изменение статуса отношений. Это изменение не происходит мгновенно, и формальный текст объявления может на самом деле только подтверждать уже случившийся факт и быть лишь одним из множества высказываний. В какой момент совершается это изменение – когда министр отправляет телеграмму или когда на другом конце Европы ее получают? Когда объявляется мобилизация или когда войска пересекают границу? Приходится признать, что объявление войны – это протяженная цепь фактов, писем и обсуждений, которые сводятся к одному – к претензии на суверенитет.

Нас будет особенно интересовать последняя форма – война всех против всех, которая подразумевает, конечно, не гоббсовское естественное состояние, а новое явление в международной политике – тотальную мировую войну. Ее особенность не просто в количестве участников, а во всеобъемлющем характере: весь мир находится теперь в состоянии войны, любая территория является потенциальным театром военных действий, любой человек – ее потенциальной жертвой. Изменяется и характер объявления войны, так как он перестает быть адресным: по сути, не важно, объяв-

ляет страна войну Австрии или Германии, важен сам факт выбора одной из сторон, символический выбор «друзей» и «врагов» в этом новом состоянии. Не менее важно объявление нейтралитета как отказ от выбора; однако этот отказ не исключает страну из состояния мировой войны, что явно видно на примере Бельгии и Италии.

Мы представим анализ трех взаимосвязанных вложенных перформативов в виде драматургической конструкции трех актов. Такая конструкция станет своего рода связкой между исследуемым нами комплексным перформативом начала войны и привычным историческим нарративом.

Первый акт драмы. «Боснийский кризис». Вызов человека государству

28 июня 1914 г. произошло убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены герцогини Софии Гогенберг в Сараево. Убийство было совершено гражданином Сербии Гаврилой Принципом, одним из шести участников террористической группировки «Млада Босна». Согласно его показаниям в окружном суде в Сараево, Принцип задумал покушение в апреле 1914 г., во время пребывания в Белграде.

Мы не знаем, сопровождал ли Гаврила Принцип свой выстрел словами. Однако звук этого выстрела был ясным перформативным высказыванием. Смысл этого высказывания можно передать примерно таким образом: «Я не признаю монополию Австро-Венгрии на принуждающее насилие надо мной и моей землей. Я сам, своей волей осуществляю предельное насилие. Я убиваю тебя, Франц Фердинанд, как символ ничтожных австрийских притязаний». И смертоносная пуля подтвердила это высказывание.

Подобное перформативное высказывание вполне укладывается в прототипическую форму вызова на поединок. Однако это вызов далеко не равных соперников. С одной стороны, это молодой человек, который не достиг еще совершеннолетия, за которым маячит «Млада Босна», с другой – государство, огромная империя, издавна входящая в число великих держав. Возможен ли поединок между такими соперниками?

Принцип и его друзья считают, что бросили вызов Австро-Венгерской империи. Та же в свою очередь их как соперников не замечает, не хочет услышать сопровождающего выстрел высказывания – возникает своего рода когнитивный диссонанс. Однако при этом Империя вызов ощущает. Она пытается понять, кто его бросил, в доступной ей логике. Естественно, ищется если и не равновеликий, то, по меньшей мере, равнозначный контрагент. Его быстро находят (он уже давно запримечен) в лице Сербии. Если просмотреть первоначальный отчет, представленный австро-венгерской комиссией, то можно обнаружить нивелирование роли личности убийцы с помощью смещения акцента на определенную атмосферу в сербском обществе, создаваемую именно правительством, которое в конечном счете и мотивировало заговорщиков. «Радикально революционные взгляды убийцы вкупе с влиянием его окружения в Белграде и чтением сербских газет вдохновили его на ту же степень ненависти к монархии и привели его к пропаганде своего плана» – так звучит фраза в разделе документа, где установлены мотивы совершенного деяния. «*Принцип – это типичный пример молодого человека, школьные дни которого были отравлены доктринами Народной обороны*» – такую характеристику получил главный фигурант дела. Кроме того, не менее отчетливо выявляется один из главных тезисов всего отчета – о несостоятельности убийц в финансовом компоненте, что доказывает зависимость их действий от Сербии: «Принцип и Карбинович (его главный сообщник-исполнитель) закупили бомбы и оружие, необходимые для исполнения акта, у сербского майора, поскольку сами по себе террористы не обладали средствами для их приобретения» [Horne, 1923]. В совокупности такого рода дискурс со стороны Австро-Венгрии обозначил в социальном пространстве событие – Боснийский вопрос, который необходимо было решать. Он был поддержан другими реактивными высказываниями – со стороны Германии, выразившей однозначную солидарность с Австрией. Фоновые высказывания других государств, включая Сербию, и попытки переопределить содержание акта оказались безрезультатными.

Таким образом, первоначальный акт – убийство – был по своей природе не чем иным, как персонифицированным актом несогласия Гаврилы Принципа и узкого круга его единомышленников с захватчиками. Однако для геополитической ситуации, в которой находилась австро-венгерская корона, было гораздо выгоднее ин-

терпретировать и обозначить в социальном пространстве произошедшее событие так, чтобы противостояние «человек против государства» растворилось, отошло на второй план, а на его месте появилась борьба «государства против государства», соответствующая логике суверенных государств.

Структурно перформатив сараевского покушения можно рассматривать как горлышко двойной воронки перформативности. Данный ключевой перформатив является результатом стяжения цепочек перформативного причинения, включая такие перформативы, как упомянутая Боривоем Евтичем записка, как аннексия Боснии 7 октября 1908 г., создание «Народной обороны» 8 октября 1908 г. и «Черной руки» 22 мая 1911 г. и как ряд множества других действий, нагруженных смыслами.

Тот же самый ключевой перформатив стал исходным моментом воронки перформативных следствий. При этом, как уже отмечалось, резко обозначилось расхождение следствий и ожиданий. Заговорщики из «Млады Босны», сочувствовавшие им политики и обыватели пытались развернуть цепочку перформативных следствий в логике вызова молодых националистов-ирредентистов империи Габсбургов. Эта линия игнорировалась Веной. Вызов со стороны сербских ирредентистов перетолковался в другой – вызов со стороны Сербии. Тем самым Вена выстраивала свою цепочку перформативных следствий в логике сербского вызова. Сербия со своей стороны предлагала собственную цепочку – довольно двусмысленную, подчеркнуто дистанцированную как от младобоснийской, так и от имперской, но при этом невольно перекликавшуюся то с одной, то с другой.

Одновременно со всеми этими цепочками – то параллельно, то пересекаясь – стали формироваться самостоятельные линии поведения других государств. Такое ветвление спутывало логику следствий и в то же время заставляло каждого из основных действующих лиц намечать свою собственную колею перформативности.

Переход к новому акту политической драмы и формирование следующей двойной воронки перформативности были связаны с новым ключевым перформативом, который структурно был заложен в перформативной логике Вены. Это был ответ на вызов Сербии и принятие этого вызова.

Второй этап. Война государства против государства

Вена демонстративно не замечала вызова, брошенного ей «Младой Босной». Она не хотела и не могла видеть и слышать ничего, кроме вызова дерзкой и агрессивной Сербии. Для Империи не имело большого значения, действовали ли террористы независимо от правительства Сербии или под его эгидой; важно лишь то, что теперь появился повод обвинить Сербию если не в убийстве напрямую, то в создании условий для этого убийства. Австро-Венгрия действует так, будто вызов ей брошен был со стороны Сербии. Но Сербия посылает сигналы, что сама никакого вызова не бросала; напротив, она всеми силами доказывает, что деятельность террористов никак не связана с государством и не имеет ничего общего с целями сербского правительства. Австро-Венгрия не могла увидеть деятельность террористов отдельно от правительства Сербии, притязающей на оспаривание политики и власти Империи на Балканах.

7 июля 1914 г. в Вене Советом министров по делам государства было проведено заседание для формирования стратегии дальнейших действий против Сербии. Большая часть делегатов пришла к выводу, что мирное дипломатическое урегулирование вопроса не решит проблему, так как это покажет политический кризис, возникший в Австро-Венгерской империи, а также поставит под удар репутацию страны на мировой арене и создаст угрозу восстания в южных славянских провинциях государства. Учитывая и более ранние конфликты с Сербией, делегаты отмечают: «Мы уже пренебрегли двумя возможными решениями Сербского вопроса и отложили решение в обоих случаях. Если бы мы сделали это снова и не обратили внимание на последнюю провокацию, это было бы воспринято как признак слабости во всех южных славянских провинциях, и мы должны были бы приготовиться к росту агитации против нас» [Horne, 1923].

Единственным возможным исходом и решением кризиса делегация видит вооруженные действия против Сербии, в результате которых будет аннексирована часть территорий Королевства, сербские войска будут переподчинены Австро-Венгерскому военному министерству, а корона будет передана другой европейской династии (последний пункт был спорным). Кроме того, делегация планировала провести мобилизацию в стране так, чтобы к моменту

вступления в конфликт России (это было гарантировано, учитывая отношения России и Сербии) австро-венгерские войска были готовы дать русским отпор. Для этого они также заручились поддержкой в союзе; Германия недвусмысленно выразила готовность поддержать напарницу по Тройственному союзу: «Император Франц-Иосиф, однако, будьте уверены, будет верно помогать Австро-Венгрии, как это требуется в соответствии с обязательствами своего союза и его древней дружбы» [World War I, 2006, p. 1369].

Ключевым решением Совета стало планирование дипломатической игры, в ходе которой ультиматум Сербии обязательно приведет к войне (так как Сербия не сможет и не должна выполнить всех требований), но при этом сам текст будет составлен таким образом, чтобы интенция вынудить Сербию вступить в войну не была такой очевидной, и, следовательно, не повела бы за собой политическую и дипломатическую дискредитацию перед остальными европейскими державами, в частности перед Россией.

Следует учесть, что Сербия еще 24 июня, т.е. за четыре дня до объявления войны Австро-Венгрией, запросила военной помощи у императора России и незамедлительно получила положительный ответ. Данное событие позволяет нам дать такую интерпретацию отказа принять один лишь пункт ультиматума. Получив российскую поддержку и осознавая неизбежность военного конфликта, сербское правительство стремится создать наиболее привлекательный образ для дальнейшей дипломатической игры. Отклонение лишь одного пункта ультиматума играет ключевую роль. Ведь отклонив только один пункт, в военном конфликте Сербия будет представлена как сторона, желавшая мирного урегулирования потенциального конфликта. В противном случае ярлык «непримиримого провокатора» преследовал бы ее.

Получается, что Австро-Венгрия и Сербия использовали одинаковые стратегии в своей дипломатической игре. Австро-Венгрия решила предъявить ультиматум Сербии для формализации своих действий и поддержания дипломатического авторитета; Сербия же попробовала показать, что пытается найти способ мирного урегулирования конфликта путем соглашения с большим количеством пунктов ультиматума, хотя на самом деле готова была вступить в войну в любом случае. Более того, перед этим и Австро-Венгрия, и Сербия обзаводятся своего рода секундантами, в

роли которых с готовностью выступают их два давних союзника – Германия и Россия соответственно.

Таким образом, решения, принятые на Совете, предполагают военный конфликт, в котором будут участвовать всего четыре государства: Австро-Венгрия при поддержке Германии и Сербия при поддержке России. И хотя звучали мнения о том, что такое развитие событий повлечет за собой глобальную европейскую войну, предполагалось, что эта война не будет сильно отличаться по масштабам от, например, предыдущих Балканских войн недавнего времени. На данном этапе для всех участников это представляется как война государства против государства или противостояние нескольких национальных государств; о мировом, структурно новом характере конфликта еще нет и речи.

Ключевым перформативным высказыванием в данном казусе становится ультиматум Австро-Венгрии Сербии, переданный с помощью телеграммы министром иностранных дел Австро-Венгрии премьер-министру Сербии 28 июля 1914 г. В тексте телеграммы говорится: «Королевское Сербское правительство не ответило согласием на требования, высланные в ультиматуме 23 июля 1914 года, переданном Австро-Венгерским министром в Белграде, Имперское и Королевское правительство вынуждены принять меры для защиты своих прав и интересов, а именно прибегнуть к силе оружия. **Австро-Венгрия отныне считает себя находящейся в состоянии войны с Сербией**» [Collected documents... 1915, р. 392]. Это высказывание выражает интенцию австрийского правительства, является результатом всех предшествовавших ему обсуждений. Это высказывание «обрастает» реактивными и фоновыми высказываниями: вступлением в события других акторов (на уровне своеобразных секундантов и сторонних наблюдателей), мобилизацией войск стран и т.д., которые вместе складываются в перформативный акт – объявление Австро-Венгрией войны Сербии.

Цепь реакций, составивших основу этого акта, можно хронологически свести к следующей цепочке: ультиматум Австро-Венгрии Сербии – де-факто непринятие этого ультиматума Сербией – объявление войны Империей Сербии – поддержка союзной балканской страны Россией – ответная защитная реакция Германии в поддержку Австро-Венгрии. В итоге в войну вступают Россия, Германия и Черногория, что создает еще более широкий вложенный перформатив в виде войны двух коалиций – результат, явно

превосходящий исходные намерения имперского правительства в Вене. Фоновые высказывания от лица Англии, Франции и других держав «подливают масла в огонь», добавляя конфликтные нотки и без того напряженной ситуации на востоке Европы. И хотя на этом этапе главным актором является Австро-Венгрия, ее изначальный план укрепить свое положение на Балканах при помощи локальной войны выходит из-под контроля. К определенному моменту усложнение перформативного акта приводит к возникновению принципиально новой ситуации на карте.

Изначальная интенция Австро-Венгрии решить свой «Боснийский кризис» в форме поединка с Сербией обернулась сражением трех мощных милитаризованных имперских держав при участии двух балканских стран. Однако в сложившихся условиях сохранить противостояние на этом уровне уже было невозможно.

Третий акт драмы. Все против всех. Вызов мировому и мирному порядку

Каждая из будущих стран-участниц преследовала свои цели. У каждой были свои ограничения. И, несомненно, у каждой были свои наборы готовых клише и фреймов: все акторы предполагали участие в чуть ли не «рыцарских» поединках с противником, где они вступают в эти состязания, руководствуясь союзническими договоренностями и выполняя дипломатические обязательства. Ни одна из стран не предполагала (и не хотела) разворачивания и своего участия в глобальном вооруженном и экономически затратном конфликте. Например, звучали мнения, что даже при полноценных военных действиях между Россией и Германией это не будет чем-то большим по масштабам, чем относительно недавняя Франко-прусская война. Однако общая сумма всех единичных и зачастую независимых друг от друга фактов привела к формированию «снежного кома», где события сливаются в единый нераспутываемый клубок.

Процесс переплетения различных линий поведения и действия множества действующих лиц можно проследить с помощью двойной воронки перформативных подчинений и следствий, а также перехода от одной двойной воронки с ее критическим перформативом в общем «горлышке» ко второй со своим критиче-

ским перформативом, а затем и к третьей. При этом во всех переходах сохраняется единый динамичный, но также и стабильный контекст. Этот контекст существует всегда и имеет свойство расширяться или сужаться. На первых двух этапах можно было проследить его расширение: на первом контекст из личного действия Принципа перерос в дипломатическую игру, в которой стали участвовать Сербия и Австро-Венгрия; на втором эти державы продолжили действовать согласно своим ожиданиям, что привело к привлечению сторонних акторов (Германии и России), а также развязало вооруженный конфликт между ними.

Скорость расширения контекста росла непрерывно. В конечном счете количество акторов увеличивалось, и все их действия и ожидания все меньше соотносились с реальным ходом вещей; таким образом, высказывания и акты совершались (страны объявляли друг другу войны, продолжали состоять в союзнических организациях и блоках или меняли свою сторону) каждым актором в соответствии с его видением контекста, но последний успевал претерпеть достаточно изменений для поворота хода событий в другую сторону. В конечном счете само событие, которое должно сформировать перформатив, не успевает сложиться вплоть до стабилизации контекста. Этот момент наступает лишь тогда, когда большинство стран уже вступило в вооруженные конфликты с другими, приняв одну из двух сторон (сторон двух блоков). И лишь здесь можно зафиксировать мировой характер войны, так как в течение достаточно короткого времени и непрерывного расширения контекста конфликт вылился в глобальную войну всех против всех.

Что же стало критическим перформативом для третьей двойной воронки, для третьего акта драмы втягивания в мировую войну? Обратимся к ходу событий. Сразу после объявления войны Австро-Венгрией Сербии 28 июля 1914 г. в других державах началась реакция на это событие. В течение нескольких дней такие державы, как Германия, Россия и Франция начинают отзывать из отпуска военных и проводить частичную мобилизацию. Германия предъявляет России ультиматум: прекратить призыв в армию, или Германия объявит войну России. Этому предшествовала фоновая серия телеграмм между императорами Николаем II и Вильгельмом II: так, 29 июля Николай II отправил немецкому императору телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Га-

агскую конференцию» (в международный третейский суд в Гааге), но адекватного ответа на эту телеграмму не последовало. Была реакция и Вильгельма, и всех остальных протагонистов драмы начала войны на все новые детали взаимных упреков, опасений, предложений и почти ультимативных требований.

В этих условиях критический перформатив оказался рассредоточенным. Возможно, сама его рассредоточенность и послужила эскалации. Этим перформативом стали передвижения германских вооруженных сил на границах своей империи, а затем и за границами в первые дни августа. Германия объявила войну России и начала продвигаться на запад в сторону Франции через Люксембург и Бельгию. 4 августа Россия вторглась в Восточную Пруссию, а Германия – в Бельгию (после отказа последней пропустить немецкие войска), в ответ на что Великобритания направила в Берлин ультиматум: либо Германия выводит войска из Бельгии, либо Великобритания объявляет ей войну. События развивались по второму сценарию.

Мировая война стала фактом, пусть даже этого еще не осознавали. Началось развертывание перформативных следствий. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, а Сербия – Германии. Таким образом, первоначальные источники конфликта вступили в войну с противоборствующими секундантами друг друга лишь почти спустя неделю после начала сражений между самими этими секундантами. Это интересно потому, что теперь характер войны не выглядел как локальное противоборство, где поединок ведется как бы «двое на двое» – изначально великие империи вступили в схватку друг с другом, не начиная ее с первоисточниками конфликта. Можно сделать вывод, что вся предыдущая ситуация была лишь поводом для разрешения накопившихся между ними конфликтов, или же тут как раз проявляется этот «снежный ком», когда секунданты начали сражаться почти сразу, не особо занимаясь истоками проблемы.

К 12 августа все ключевые империи уже были втянуты в войну друг с другом; таким образом, лишь за две недели война захватила не только восток Европы, но и запад и центр стратегической карты этой части света. 20 августа пограничные бои уже начались на франко-бельгийской границе, а на Восточном фронте всю велись боевые действия.

Таким образом, можно увидеть, что изначально почти каждое объявление войны другой державе было скорее индивидуальным дипломатическим шагом с целью поддержать союзное государство: страны коалиции не «выступали единым фронтом», не объявляли войну все сразу, а приходили к этому решению постепенно. Тем не менее они неизменно к нему приходили, вынуждены были приходить. Мощный акт – начало войны – захватывал их и втягивал в гущу событий, и дипломаты были перед ним бессильны.

Заключение

Ускоряющееся развитие событий, истории, технологий и мира в целом довольно явно выразилось в процессах, происходивших в период 1914–1918 гг. В тексте было показано как постепенно разные интенции и действия приводили к расширению контекста через «воронку перформативности». На каждом из этапов перформативная модель «высказывание – акт – событие» проявлялась по-разному: если на первом этапе структура была достаточно четкой, то на последнем событие было масштабным и не так легко идентифицируемым ввиду комплексности перформативного контекста. Каждый из акторов, не имевший до этого опыта таких глобальных конфликтов, действовал лишь в своих интересах, не подозревая о реакциях остальных. Как результат – многие акторы начали действовать вслепую и наперед, пытаясь получить выгоду в этих быстро развивающихся реалиях, но в итоге оказались втянуты в боевые действия со множеством других акторов.

Сам процесс развития событий связан с несколькими переходами между разными уровнями перформативов и контекста. Как оказалось, ответственным за дальнейшее расширение контекста всегда был тот, кому это развитие событий было выгодно: либо для дальнейшего улучшения своих позиций на стратегической и дипломатической картах мира, либо для возвращения себе авторитета и статуса. Например, Австро-Венгрия инициировала расширение контекста после первого перформативного акта, стремясь добиться большего контроля на Балканах, а Германия с Россией старались укрепить свои лидирующие позиции в Европе с помощью поддержки своих союзников и сокрушения противников (хотя изначально и не запланированного). Как итог – все эти стремле-

ния добиться своих интересов привели страны к ситуации, когда миллионы людей погибли ради почти невидимых и уже устаревших целей. Но это расширение контекста и цепь перформативов уже не позволяли остановить действие воронки, что и привело к той самой великой войне.

Список литературы

- Collected documents relating to the outbreak of the European war. – L.: H.M. Stationery Office: Harrison and Sons Printers, 1915. – 598 p.
- Hart P. The Great War: A combat history of the First World War. – Oxford univ. press, 2013. – 522 p.
- Horne C.F. Source records of the Great War. – N.Y.: National Alumni, 1923. – Vol. 1. – 496 p.
- World War I / S. Tucker, P.M. Roberts (eds). – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006. – xviii, 217 p.

Д.В. АЛЕКСЕЕВ, А.М.ИЛЬИН, М.В.ИЛЬИН*

КТО И КАК ЗАКОНЧИЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Аннотация. Политические и семиотические аспекты поражения Германии во Второй мировой войне комплексно образуют вложенный перформатив или перформативное событие, создаваемое цепями перформативных действий и перформативных высказываний. Динамика консолидации и распада Третьего рейха, а также самоубийство Гитлера и капитуляция Германии рассматриваются сквозь призму анализа дискурса и теории речевых актов.

Ключевые слова: Третий рейх; капитуляция Германии; перформативное событие; перформативное действие; перформативное высказывание; дисфункциональный перформатив; вложенный перформатив; теория речевых актов.

* **Алексеев Дмитрий Владимирович**, студент департамента политических наук факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Ильин Андрей Михайлович**, аналитик Экспертно-аналитического отдела Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, e-mail: nevedorin@gmail.com; **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО (У) МИД России; e-mail: mikhaililyin48@gmail.com;

Alekseev Dmitry, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Ilyin Andrey**, National Research University Higher School of Economics, (Moscow, Russia), e-mail: nevedorin@gmail.com; **Mikhail Ilyin**, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics; Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

D.V. Alekseev, A.M. Ilyin, M.V. Ilyin
Who and how has end the Second World War?

Abstract. Political and semiotic aspects of the defeat of Germany in World War II conjoin into a nested performative or performative event made by chains performative actions and performative utterances. Pace of consolidation and breakdown of the Third Reich as well as Hitler's suicide and capitulation of Germany are interpreted through the prism of discourse analysis and speech acts theory.

Keywords: Drittes Reich; capitulation of Germany; performative event; performative act; performative utterance; dysfunctional performative; nested performative; speech acts theory.

«Мне пришло в голову, что сейчас я стану единственным человеком на Земле, который узнает, почему же все это случилось. Он должен был сказать что-то, что объяснило бы все происшедшее, что научило бы нас чему-то. Он должен был что-то нам оставить. Но когда он начал диктовать – Боже мой, этот длинный список министров, которым он намеревался завещать руководство страной... это было настолько гротескно... Я подумала – да, именно тогда я подумала: как все это выглядит недостойно. Те же самые фразы, тот же тихий голос, и потом, в конце, те же самые отвратительные слова про евреев. После всего этого разочарования, после всех страданий, которые мы пережили, он не произнес ни одного слова сожаления, ни намек на сострадание. Я помню, как тогда мне подумалось, что он не оставляет нам ничего» [цит. по: Кун, 2016].

Это слова Юнге Траудль, которой Адольф Гитлер продиктовал свое завещание. Свидетельства одной из секретарш фюрера позволяют максимально полно представить, что произошло в бункере Райхсканцелярии, реконструировать мультимодальность последнего перформатива Гитлера. Именно данный перформатив – завещание фюрера германской нации вкупе с его самоубийством и всеми сопутствовавшими модальностями единого политического и «речевого» акта – стал наиболее ярким и ясным знаком завершения мировой войны, конца Третьего рейха и его фюрера. Точнее, Гитлер претендовал на то, чтобы своим физическим концом, дополненным символическими действиями, включая завещание, завершить и весь проект Третьего рейха – во всяком случае здесь и сейчас в начале четвертого утра 30 апреля 1945 г.

Таков был замысел человека по имени Адольф Гитлер. Не вызывает споров, что выстрелом из пистолета он убил себя. Перформатив, казалось бы, удался. С завещанием сложнее. Оставался ли фюрер германской нации тем же могущественным институтом, как некогда? Или стал его бледной тенью, чей конец уже не зависел от нее самой? И тем более не от нее зависел уже конец войны. Его предопределяли солдаты и полководцы держав-победительниц.

Данные обстоятельства заставляют взглянуть на вопрос, кто и как завершил Вторую мировую войну, под разными углами зрения. Ответов может быть огромное множество. Каждый будет по-своему справедлив и по-своему ограничен и частичен. Соотнести друг с другом некоторые из наиболее значимых помогает общий символический момент – перформативный речевой акт фюрера германской нации в виде самоликвидации этого уникального института и всего Третьего рейха вместе с ним.

В статье рассматриваются несколько вопросов. Что и в какой мере делает завещание Гитлера перформативом? Как соотносится перформативный акт самоубийства Гитлера с другими актами покушения на его жизнь? Чем был перформатив завещания и конца фюрера в рамках общего включенного перформатива, связанного с созданием и крахом Третьего рейха? Равнозначен ли акт самоубийства Гитлера капитуляции Третьего рейха? Какого рода перформативные акты завершили войну?

Завещание А. Гитлера как перформатив

Завещание или осуществление последней прижизненной и одновременно посмертной воли по самой своей природе является ясным и недвусмысленным перформативом. Завещание создает новый порядок вещей – уже без завещающего, но при явном осуществлении его воли. В какой мере завещание Гитлера отвечает этому архетипу и в какой отклоняется от него? Что дают анализ и интерпретация текста завещания как перформативного высказывания?

Сам по себе анализируемый текст и вся его коммуникативная и прагматическая перспектива в полной мере соответствуют архетипу. Данный текст в целом можно рассматривать как перформативное высказывание (*performative utterance*), так как оно

является письменным выражением последней воли Гитлера и последних его указаний и приказов.

Вместе с тем и текст, и вся ситуация, увиденные непосредственно и как бы «изнутри», показались Юнге Траудль в чем-то ущербными («как все это выглядит недостойно») и даже бессмысленными («он не оставляет нам ничего»). Текст предстает еще более «неадекватным» при учете событий за пределами Рейхсканцелярии, т.е. других альтернативных перформативов, прежде всего – действий войск и командования антигитлеровской коалиции, а также общего политического и смыслового (семиотического) контекста.

Самое сильное, пожалуй, несоответствие завещания архетипическому утверждению последней воли заключается в том, что у Гитлера не остается действительного выбора, свободной воли. Обстоятельства и действия других акторов оставляют лишь перспективу бесславной и унижительной сдачи в плен. Ее можно избежать лишь одним способом – путем самоубийства. Это выбор вынужденный, можно сказать, навязанный обстоятельствами, а отнюдь не результат изъявления собственной воли.

Фальшивый и дисфункциональный характер последнего решения фюрера, его завещания и самого самоубийства отразились в тексте. Завещание А. Гитлера можно условно разделить на три части.

Первая часть представляет собой обращение к будущим поколениям. Формально – это констатив, заряженный весьма слабой иллокутивной силой и напоминающий, скорее, экспрессивы (expressives), по Джону Сёрлю [Searle, 1975], или признания (acknowledgements), по Кенту Баху и Майклу Харнишу [Bach, Harnish, 1979]. Содержательно это весьма слабая и даже неуверенная попытка оправдать себя за счет ухода от разговора по существу, перенос акцента с проблем политики и истории на эмоциональные и даже личностные оценки. Налицо попытки завещателя отдалить от себя и как роль фюрера германской нации, так и вопрос о судьбе Третьего рейха. В каком-то смысле это даже понятно и даже посвоему честно, если это слово тут применимо. Гитлер невольно признает, что и фигура фюрера, и структуры нацистского господства уже утратили свой смысл.

Фюрер начинает завещание с краткого обзора своей жизни и говорит о том, что верой и правдой служил Германии практически всю жизнь (начиная с 1914 г.). Он оправдывается, принижает свою

роль в развязывании Второй мировой войны. Он констатирует, что принял решение о добровольном уходе из жизни в связи с тем, что не готов покинуть столицу Третьего рейха: «...я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу...» [Гитлер, 1945].

Вторая часть завещания – это наставления фюрера на будущее для немецкого народа. Тут можно найти намек на перформатив и заряженность илокутивной силой, однако он очень расплывчат и смазан. Если вновь обратиться к более подробной классификации речевых актов Джона Сёрля, то тут, пожалуй, расплывчатые пожелания формально не дотягивают даже до мягких директив (directives) или пожеланий, а содержательно оказываются всего лишь репрезентативами (representatives), выражениями веры в некое будущее состояние.

Основное наставление фюрера нынешним и будущим поколениям содержит одновременно благодарность за верность и призыв к продолжению борьбы: *«То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица»* [Гитлер, 1945].

Третья часть завещания содержит волю фюрера по распределению должностей в правительстве Третьего рейха. Лишь только тут наличествуют перформативы или директивы.

Последняя часть завещания посвящена преимущественно кадровым вопросам. Фюрер отвечает на вопрос: кто будет управлять Третьим рейхом после его смерти? В завещании содержится информация о всех министерских назначениях, однако более любопытным представляется изгнание из партии двух людей близкого круга А. Гитлера за измену Третьему рейху и лично фюреру – Г. Геринга и Г. Гиммлера. Два абзаца, в которых заключены перформативы отставки двух виднейших государственных деятелей тогдашней Германии, начинаются абсолютно идентично: *«Перед своей смертью я изгоняю бывшего...»*.

В данном пассаже проявляется важная особенность жанра завещания и лежащего в его основе перформатива. С одной сторо-

ны, перформатив концентрирует в себе различные побудительные моменты – будь они также перформативами или иными типами речевых актов. Образуется воронка причинности [Campbell, 1960]. В то же время завещание предписывает будущие действия. Тем самым оно становится точкой выстраивания другой воронки, симметричной первой, но обращенной в будущее, воронки следствий [Мельвиль, 1999 а; 1999 б; Ильин, 2015].

Предложивший соединить две воронки «горлышками» А.Ю. Мельвиль рассматривает критическое событие – у него это выборы – как своего рода катализатор, «очаг возмущения» [Мельвиль, Сергеев, 2002]. Аналогичным образом можно рассмотреть завещание А. Гитлера как своего рода «очаг возмущения, обратную воронку следствий. Самым ближайшим оказывается выстрел самоубийцы. Другим важным следствием было открытие возможности для капитуляции. Однако длительных политических последствий и перформативов, на которые рассчитывал сам Гитлер, его завещание не вызвало.

В целом и политическое завещание А. Гитлера, и его самоубийство – две стороны одной медали. Первое можно считать аналогом *перформативного высказывания* (*performative utterance*), в то время как второе является *перформативным действием* (*performative act*). Совокупно они образуют интегральный перформатив, поскольку, как было показано выше, и действие, и высказывание подкрепляют друг друга и хотя бы в личном, эмоциональном плане нацелены на самооправдание фюрера – действительную его цель, которую только ему и остается достичь.

В более широком контексте за пределами личных намерений Гитлера перформатив самоубийства фюрера и главы Рейха окончательно ознаменовал конец германского государства, сделал капитуляцию вопросом лишь нескольких дней, а денацификацию – делом самого ближайшего времени.

Смерть А. Гитлера

При всей своей вынужденности самоубийство Гитлера вызвало большой резонанс. Оно показало, что само существование этого человека было тесно связано с институтами нацистского господства, а сама его фигура олицетворяла порядки и мощь гер-

манской империи. Конечно, фактический крах Третьего рейха к весне 1945 г. делал фюрера все менее значительным политическим институтом и все более слабым актором. Однако символическое, а с ним политическое, перформативное значение гибели фюрера и биологического носителя этой роли даже в дни штурма Берлина было велико. Возникает вопрос о потенциальном значении попыток покушения на Адольфа Гитлера в развертывании (и свертывании?) дискурса тысячелетнего господства Третьего рейха. Подобных попыток известно несколько, равно как еще большее число заговоров с целью его устранения [Berthold, 1981; Бертольд, 2002].

Покушение на жизнь политически значимой фигуры неизбежно становится перформативом и читается как перформативное высказывание. Значительный интерес в данном отношении имеют два подобных перформатива. Наиболее известна предпринятая Клаусом фон Штауффенбергом попытка уничтожения Гитлера в его ставке 20 июля 1944 г. Она была частью заговора генералов, стремившихся к выходу Германии из войны и ликвидации гитлеровской диктатуры. Неудачное покушение сопровождалось действиями заговорщиков. Образовался перформативный акт большого масштаба и дисфункциональное перформативное событие разгрома заговора и репрессий против антифашистов.

Другое покушение было осуществлено 8 ноября 1939 г. антифашистом-одиночкой Иоганном Георгом Эльзером вскоре после начала войны. Замысел сложился у него еще накануне войны. Эльзер надеялся, что устранение верхушки нацистской партии, трицы Гитлер – Геринг – Геббельс приведет к отказу от агрессивной политики подготовки войны. Эльзер решил осуществить свой теракт в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», где каждый год 8 ноября в годовщину «Пивного путча» Гитлер выступал перед ветеранами своей партии. Подготовка началась загодя, а непосредственное создание взрывного устройства – в начале августа 1939 г., т.е. до начала войны. Взрывной механизм был установлен на двадцать минут десятого, но за несколько минут до этого Гитлер в сопровождении партийной верхушки покинул пивную. Взрыв убил нескольких «старых бойцов» и кельнершу. Покушение оказалось дисфункциональным. Гитлер поспешил выдать неудачу попытки убить его за веление судьбы продолжить свою миссию утверждения превосходства германской нации и Третьего рейха.

Нацистская пропаганда и сам Гитлер связывали его жизненное предназначение с миссией фюрера и судьбой Третьего рейха. Именно это акцентировало значение как покушений на жизнь Гитлера, так и его самоубийства. Однако подобного рода перформативы – удачные и неудачные, дисфункциональные – были далеко не равнозначны. Три хронологических момента – 8 ноября 1939 г., 20 июля 1944 г. и 30 апреля 1945 г. – приходится на разные фазы существования гитлеровской диктатуры.

Взлет и падение Третьего рейха

Начало войны и победоносная кампания против Польши приходится на самый взлет проекта Третьего рейха. Он был начат с приходом на пост канцлера Адольфа Гитлера. Именно тогда начинается внутренняя метаморфоза германского государства. В общем понимании и согласно конституции Веймарской республики Германия была и оставалась империей. В первой же статье конституции (*Die Verfassung des Deutschen Reichs*) прямо сформулировано: «Германская империя является республикой (*Das Deutsche Reich ist eine Republik*)».

Нацисты формально не отменяют конституцию и ничем пока не заменяют. Однако с приходом к власти они разворачивают включенный перформатив. Его начальными точками становятся поджог Рейхстага и начало репрессий. Происходит только изменение режима, правда, весьма радикальное. После поджога Рейхстага и принятия «Указа рейхспрезидента о защите народа и государства» (*Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat*) в феврале 1933 г. режим становится чрезвычайным, а ряд статей конституции объявляются временно недействительными.

После принятия в марте 1933 г. закона о чрезвычайных полномочиях (*Ermächtigungsgesetz*) – официальное название «Закон о преодолении бедственного положения народа и государства» (*Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich*) – правительство получает широкие полномочия вплоть до законодательных. С их помощью режим начинает натягивать на себя государственные институты. Параллельно режим правительственный сращивается с режимом партийным.

Без учета конституции, но и без ее отмены принимаются органические законы. Исчезают важные институты, включая Рейхстаг. Усиливаются притязания, приобретают все более ярко выраженный имперский характер. Они подкрепляются символическими актами, имеющими почти конституционное значение: замена государственного флага, герба и т.п. Это 1935 год. В политическом дискурсе, в нацистской пропаганде уже появляется Третий рейх, правда, официально государство называется просто Германской империей.

Начинаются «возвращения домой» (Heimkehr) утраченных территорий. Это завершается Аншлюсом весной 1938 г. Осенью Мюнхенское соглашение легитимирует новый статус Третьего рейха. Мировые державы соглашаются с претензиями Третьего рейха на «естественную» (для него) экспансию.

Это пик консолидации нового порядка, нового государства, новой роли именно Третьего рейха, а не Германии вообще в европейских и мировых делах. С семиотической точки зрения в Мюнхене осуществлен комплексный, коллективный перформатив. Четыре державы согласились с тем, что отныне Третий рейх из идеологической конструкции превращается в политический факт, становится имперским гегемоном. Это пик консолидации Третьего рейха. Выше только – да и то скорее по инерции – первые победоносные кампании.

Третий рейх не долго продержался на достигнутой высоте. Уже в 1940 и 1941 гг. появляется все больше признаков того, что преувеличенные претензии нацистов и их фюрера не слишком реалистичны и практически недостижимы. Все больше фактов, начиная с героического сопротивления поляков подтверждает, что есть силы и воля, способные вступить в борьбу с Третьим рейхом.

Поворот в войне наметился еще в 1943 г. после Сталинградской битвы. Однако в тот момент казалось, что все еще может быть изменено, а наступление Великой армии Третьего рейха лишь немного затормозилось. Ужасные последствия для нацистского режима тогда еще никто не мог предвидеть. Свидетельством тому стала речь Й. Геббельса «О тотальной войне». На слова: «Если даже сильнейшая военная мощь в мире не может уничтожить угрозу большевизма, кто тогда сможет это сделать?» – последовал ответ всего зала хором: – «Никто!» Победа в тот момент казалась неизбежной, а трудности временными. Перформатив речи Геббельса о

непобедимости Третьего рейха оказался дисфункциональным, так как не достиг того конечного запланированного эффекта в виде консолидации нации и победы над Советским Союзом.

Однако и Геббельса, и всех остальных далеко превосходил сам Гитлер. Он множил дисфункциональные перформативы, выдвигал требования и отдавал приказы, которые оказывались провальными. Фюрер, чем дальше и чем хуже шли дела, совершенно перестал слушать советников и, к тому же, безвылазно сидя в своем бункере, он совершенно не осознавал действительную обстановку на фронте. Это фатальным образом сказывалось на управлении войсками, тем более что он решительно не хотел слушать своих лучших генералов. Командующий Восточным фронтом генерал Гудериан вспоминает: «Гитлер... окончательно потерял самообладание... заявив, что карты и схемы “абсолютно идиотские”, и приказал, чтобы я посадил в сумасшедший дом человека, подготовившего их. Тогда я вспылил и сказал: “Если вы хотите направить генерала Гелена в сумасшедший дом, тогда уж отправляйте и меня с ним заодно”» [Ширер, 1991].

Германия, ее армия и администрация держалась за счет действий профессионалов, а сам Гитлер и вся его нацистская гарнитура множили дисфункциональные перформативы. Арденнская операция стала последним большим крупномасштабным наступлением, «последней авантюрой Третьего рейха» [Ширер, 1991]. Амбициозный план не внушал особый оптимизм, особенно у военачальников Главного штаба. У Третьего рейха уже было слишком мало сил для контрнаступления, которое могло бы переломить ход войны. По приказу А. Гитлера для «решающего» контрнаступления собирались лучшие силы, что значительно ослабляло оборону и Восточный фронт, где активно наступала Красная армия. Генерал Рунштедт так сказал о плане, уже после окончания войны: «Когда я получил этот план в начале ноября, я был ошеломлен. Гитлер не потрудился проконсультироваться со мной... Для меня было совершенно ясно, что наличных сил явно недостаточно для осуществления такого самоуверенного плана» [Ширер, 1991]. Само решение фюрера о проведении Арденнской операции можно считать *перформативным актом* (*performative utterance*). В данном случае субъект коммуникативного действия (фюрер) имеет власть над объектом (командующий состав, немецкая армия). Приказ фюрера был исполнен настолько, насколько это возможно.

Однако наступление застопорилось. Более того, в начале января появилась угроза того, что большая группа немецких войск окажется окружена со всех сторон. Несмотря на явную угрозу окружения возможно наиболее боеспособной части немецкой армии на тот момент, А. Гитлер наотрез отказался отступать с занятых позиций: *«Тогда мы... полностью сокрушим американцев... И тогда вы увидите, что произойдет. Я не верю, что в конечном счете враг устоит перед 45 немецкими дивизиями... Мы еще одолеем судьбу!»* Приказ фюрера о недопустимости отступления также является *перформативным актом* (*performative utterance*), так как приказ (коммуникативный акт) фюрера является действием (однако в данном случае акт ведет к отсутствию действия: войска не отступают). Этот перформатив обернулся ужасными последствиями для немецкой армии – 120 тыс. человек были убиты и ранены, 1200 самолетов было потеряно [Ширер, 1991]. Так провалилась последняя попытка переломить ход Второй мировой войны.

К 21 апреля 1945 г. русская армия вышла к пригородам Берлина. Город оказался полностью окружен войсками союзников, а Гитлер оказался отрезан в своем бункере, в столице Третьего рейха. У него не осталось возможностей уйти из города. Однако Гитлер все еще верил, что Третий рейх удастся спасти в последний момент. 21 апреля им был отдан приказ об ударе по русским войскам, которые были уже в южном пригороде Берлина: *«Каждый командир, который уклонится от выполнения приказа и не бросит в бой свои войска, поплатится жизнью в течение пяти часов. Вы лично головой отвечаете за то, чтобы все до последнего солдата были брошены в бой»* [Ширер, 1991]. Однако ВВС у Германии фактически уже не было, и авиаудар по факту не состоялся. Приказ о наступлении и угроза расстрела тех, кто будет саботировать удар по русским войскам, можно назвать *перформативной конструкцией* (*performative utterance*), потому как он являет собой одновременно действие и коммуникативный акт. Однако в данном случае хоть *высказывание и было перформативным (в той или иной степени все приказы и повеления можно назвать перформативными коммуникативными актами), но фактически оно не стало действием, так как удар Штейнера по русским войскам так и не состоялся.* Эта ситуация, несомненно, уникальна.

После того как контрудар Штейнера не возымел эффекта, стало ясно, что конец Третьего рейха – дело времени. Более того,

из-за оттягивания оставшихся групп войск для этого последнего контрудара был оголен Южный фронт, и русским удалось прорваться в город. «Это конец. Все меня покинули. Кругом измена, ложь, продажность, трусость. Все кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине. Я лично возьму на себя руководство обороной столицы Третьего рейха. Остальные могут убираться куда хотят. Здесь я и встречу свой конец», – именно с такими словами фюрер фактически признал поражение. Его кончина оказалась неизбежной.

Перформативный акт капитуляции

В последние дни жизни А. Гитлер активно предпринимал попытки заключить сепаратные соглашения с западными державами против Советского Союза, а также с французами против англосаксов и СССР. Однако союзники не пошли на контакт с А. Гитлером. Иные варианты, кроме безоговорочной капитуляции, не рассматривались.

4 мая Г. Фридебург подписал в британской ставке в Люнебурге акт о капитуляции немецких войск на Северо-Западном фронте. Этот акт можно назвать лишь частичной капитуляцией, так как Г. Фридебург не имел юридических полномочий на подписание полной капитуляции, кроме того, генерал-адмирал хотел капитулировать лишь перед западными союзниками, но не перед Советским Союзом [Кынин, 2000]. Командующий союзными силами Д. Эйзенхауэр был готов принять сепаратную капитуляцию, но только всех немецких войск, что подрывало планы Фленсбургского правительства (а Г. Фридебург был его членом) по поводу заключения союза с западными странами против СССР.

7 мая в 2 часа 34 минуты в штабе Эйзенхауэра в присутствии стран-победителей (в том числе и Советского Союза) состоялось подписание акта о капитуляции Германии. Со стороны Германии акт подписал А. Йодль. После подписания акта он произнес слова, которые можно рассматривать как дисфункциональное перформативное высказывание: «Генерал, этой подписью германский народ и германские вооруженные силы полностью отдают себя на милость победителей. В этой войне, продолжавшейся более пяти лет, германский народ и его вооруженные силы осознали и пострадали может быть больше, чем любой другой народ мира. В этот час я

могу лишь выразить надежду, что победитель отнесется к ним с великодушием» [Кынин, 2000]. В этой фразе содержится сразу несколько перформативов. Это подпись, которой А. Йодль закрепил поражение Германии, а также выражение надежды о милости победителей к побежденным. Последний дисфункционален, поскольку от перформативного субъекта исход событий и действий победителей не зависит. Отметим также фактически мгновенную потерю власти Фленсбургским правительством сразу после подписания акта. Из перформативного субъекта (источника перформативных актов и высказываний) они превратились в объект.

Однако И. Сталин не согласился с тем, что документ о капитуляции был подписан не в Берлине. При этом он заявил, что не имеет претензий к генералу Сухлопарову, т.е. у него нет существенных нареканий к тексту акта. Несмотря на это 8 мая был подписан еще один акт о капитуляции, уже в Берлине (на подписании председательствовал Г. Жуков). По тексту он практически полностью идентичен подписанному днем ранее Реймскому акту за исключением фрагмента о том, что немецким войскам необходимо разоружиться: «...разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителям Союзного Верховного Командования...». Перформатив разоружения можно назвать уточняющим, поскольку безоговорочная капитуляция подразумевает разоружение по определению.

Реймский и Карлсхорстский акты довольно краткие и состоят всего из пяти пунктов. Первый пункт является констатацией того, что немецкое командование соглашается на безоговорочную капитуляцию своих вооруженных сил войскам союзников и советской армии. Второй пункт наиболее интересен и неоднозначен с точки зрения теории политических перформативов: «Германское Верховное командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 час. по центральноевропейскому времени 8 мая и остаться на своих местах, где они находятся в это время...» [Кынин, 2000]. Данное перформативное высказывание (performative utterance) можно трактовать как дисфункциональное, так как это перформатив добровольной сдачи позиций на милость победителю. Не совсем ясным является субъект перформативного

высказывания, так как, с одной стороны, приказ о прекращении военных действий немецких войск будет отдан германским верховным командованием, с другой стороны, очевидно, что приказ этот отдается не по инициативе германского командования, а под давлением стороны, принимающей капитуляцию.

В третьем пункте Акта говорится о безоговорочной капитуляции, о немедленном выделении соответствующих командиров, которые обеспечат выполнение пунктов Акта, а также «...обеспечат выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным командованием Союзных Экспедиционных сил и Советским главнокомандованием». То есть немецкая армия более не подчиняется германскому командованию, а выполняет приказы стран-победительниц. Поражение как перформативное событие (performative event) как раз и заключается в том числе и в подобной «замене» политического субъекта, смены «того, кто приказывает». Это свидетельствует о деконсолидации политического субъекта как о свершившемся факте. Политическим субъектом в данном случае выступает немецкое командование, а его распад произошел в момент самоубийства А. Гитлера. Именно фигура фюрера была ключевой во всей системе управления Третьим рейхом, и она объединяла все руководство вокруг себя. Не будет преувеличением сказать, что перформативный акт (performative act) самоубийства фюрера ускорил поражение Третьего рейха (performative event), которое закреплено в Акте о безоговорочной капитуляции (performative utterance).

По настоянию И. Суслопарова в документ был добавлен четвертый пункт о том, что подписание Реймского акта не является препятствием для замены его другим актом о капитуляции. В пятом пункте мы можем видеть столкновение, противоборство сразу двух перформативов. С одной стороны, в документе говорится о том, что Германия потенциально может не выполнить требования союзников и СССР: «В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции...» С другой стороны, перформативное высказывание союзников: «...*Верховное командование Союзных Экспедиционных сил и Советское главнокомандование предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми*». Налицо дисфункциональность первого

перформативного высказывания (если не выполнят обязательства) и эффективность и действенность второго (...то предпримем карательные меры). Лексическая рамка («если... то») подчеркивает это правило. Гипотетическое перформативное действие со стороны германского верховного командования будет встречено перформативным действием в виде карательных мер со стороны союзников и советских войск.

Таким образом, капитуляцию можно считать как перформативным действием (*performative act*), так и перформативным высказыванием (*performative utterance*). Действием является сам факт подписания и капитуляция немецкой армии (подписание, прибытие основных участников «театра действий» на место, факт подписания двух актов вместо одного). Зафиксирована же капитуляция (а также прописаны ее условия) в текстах Реймского и Карлсхорстского актов. Это и есть важнейшее перформативное высказывание, которое вместе с самим фактом ее подписания имеет решающее значение как составляющая перформативного события (*performative event*) поражения Германии во Второй мировой войне.

Кто и как завершил Вторую мировую войну

Равнозначен ли акт самоубийства Гитлера капитуляции Третьего рейха? Какого рода перформативные акты завершили войну?

Можно утверждать, что война была завершена без Германии в качестве политического субъекта. Масштабное отступление немецких войск, подписание актов о капитуляции, поведение генералов, подписавших документы с немецкой стороны (так, не последовало ни единого слова от представителей немецкой стороны, за исключением фразы А. Йодля после подписания Реймского акта, о которой было сказано выше; ратификация Карлсхорстского акта прошла в молчании). Подтверждением того, что Германия, особенно в ходе последних месяцев войны, а также в мае 1945 г., когда Фленсбургское правительство еще было на свободе, стала скорее объектом для перформативных высказываний и действий, мы находим в самих текстах актов о капитуляции (об этом см. выше подраздел «Перформативный акт капитуляции»).

Германия, немецкое командование и Третий рейх не могут считаться и не могли быть субъектами завершения войны еще и потому, что к моменту подписания актов о капитуляции субъекты уже фактически отсутствовали как таковые. На протяжении нескольких лет Германия как субъект последовательно деконсолидировалась, что в конечном счете привело к капитуляции, а после и к разделу страны на две части: ГДР и ФРГ. Об окончательном развале субъекта можно говорить после самоубийства А. Гитлера, так как именно он являлся важнейшей фигурой, которая объединяла вокруг себя немецкий народ, немецкую армию, Германское Верховное командование. Несмотря на то что фактически капитуляция Германии состоялась лишь в мае, самоубийство А. Гитлера можно считать действием, которое окончательно сделало ее неизбежной. Фленсбургское правительство едва ли можно назвать представителями всей немецкой нации. Достаточно сказать, что под его контролем находились лишь пригороды и сам город Фленсбург. Само правительство в какой-то момент было признано союзниками лишь для того, чтобы его представители подписали акт о капитуляции, так как это прибавило ему легитимности (Реймский акт подписал исполняющий обязанности начальника Верховного командования А. Йодль, Карлсхорстский акт подписали Кейтель, Фридебург и Штумпф). После непродолжительного промежутка времени после подписания акта о капитуляции Фленсбургское правительство было арестовано в полном составе. Наиболее заметным его действием стала попытка оттянуть время подписания капитуляции с целью сдать именно западным союзникам, а не советским войскам. А. Йодль напрямую вышел с таким предложением, однако оно было отвергнуто в довольно резкой форме Д. Эйзенхауэром (американский генерал даже угрожал закрыть фронт) [Кынин, 2000]. Здесь можно говорить о столкновении перформативных воронок: немецкой, с одной стороны, и союзников – с другой. Обе воронки замыкаются на перформативном событии (*performative event*) поражения Германии, перформативных высказываниях двух акторов (при этом высказывание представителей союзников явно стоит в более сильной позиции, а перформатив Фленсбургского правительства, как следствие, оказался дисфункциональным).

Вполне вероятно, что любая ситуация политического конфликта является не чем иным, как суммой перформативных дейст-

вий и высказываний, которые складываются в две противостоящие друг другу воронки (это видно в том числе и на примере кейса окончания Второй мировой войны, рассмотренного в рамках данного исследования). В процессе конфликта становится ясно, что совокупность перформативов одной из сторон конфликта является функциональной (потенциальный победитель), а второй – дисфункциональной (потенциальный проигравший). Иными словами, двигателем конфликта, а также его наиболее значимым внешним проявлением становятся именно перформативные воронки, а также включенные в них перформативные события, действия и высказывания (*performative events, acts and utterances*). Впрочем, эта тема весьма сложна, не разработана и требует пристального внимания со стороны исследователей.

Список литературы

- Bach K., Harnish R.M.* Linguistic communication and speech acts. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1979. – xvii, 327 p.
- Berthold W.* Die 42 Attentate auf Adolf Hitler. – München: Blanvalet, 1981. – 255 S.
- Campbell A.* The American voter. – N.Y.: Wiley, 1960. – viii, 573 p.
- Searle J.R.* A taxonomy of illocutionary acts // *Language, mind, and knowledge (Minneapolis studies in the philosophy of science)* / K. Gunderson (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1975. – P. 344–369.
- Бертольд В.* 42 покушения на Адольфа Гитлера. – М.; Смоленск: Изд. Русич, 2002. – 352 с.
- Ильин М.В.* Воронка причинности. От эмпирической модели к формированию парадигм многослойной причинности // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 442–451.
- Кынин Г.П.* Германия капитулирует безоговорочно. – М., 2000. – Режим доступа: http://www.idd.mid.ru/inf/inf_25.html (Дата посещения: 16.06.2016.)
- Мельвиль А.Ю.* Методология воронки причинности как промежуточный синтез структуры и агента в анализе демократических транзитов // *Полис: Политические исследования*. – М., 2002. – № 5. – С. 54–58.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* От метафоры к объяснительной модели: Волны демократизации и воронка причинности // *Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН*. – М., 2001. – С. 263–267.
- Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // *Полис: Политические исследования*. – М., 1998. – № 2. – С. 6–38.

- Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М.: МОНФ, 1999 а. – 108 с.
- Мельвиль А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М.: МОНФ, 1999 б. – 58 с.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* От метафоры к объяснительной модели: «Волны демократизации» и «воронка причинности» // Принципы и направления политических исследований: Сб. материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 году / Под ред. М.В. Ильина. – М., 2002. – С. 74–82.
- Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М.* «Воронка причинности» и волны демократии // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21–23 апреля 2000 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 223–225.
- Гитлер А.* Политическое завещание. – Б. г. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1382> (Дата посещения: 13.05.2016.)
- Ширер У.* Взлёт и падение Третьего рейха: В 2 т. – М.: Воениздат, 1991. – Т. 2. – 526 с.
- Кун И.* Неизвестный Гитлер: Интервью с Траудль Юнге, личным секретарем Гитлера, записанное Гиттой Сирени // People.ru. – 2016. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/state/statesmen/yunge/> (Дата посещения: 21.05.2016.)

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

И.Е. КОЧЕДЫКОВ*

ВГЛЯДЫВАЯСЬ ВНУТРЬ ВЕНГРИИ

Рецензия на книгу: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. – 392 с.

Посткоммунистические трансформации государств давно стали отдельной темой исследований. Ученые искали общие паттерны перехода к демократии, объясняли лаги и искажения на пути этих трансформаций, а также влияние Евросоюза и его норм на процесс государственного строительства. Рецензируемая книга продолжает эти исследования. Ее автор Балинт Мадьяр, член Альянса свободных демократов (Венгерская либеральная партия), занимавший пост министра образования Венгрии с 2002 по 2006 г., предлагает критику венгерского режима, построенную по лекалам обвинительной судебной речи.

Балинт Мадьяр утверждает, что в результате политических трансформаций, происходивших в XXI в., Венгрия стала посткоммунистическим мафиозным государством, под этим он подразумевает «приватизированную форму паразитического государства, экономический бизнес приемной политической семьи, который

* **Кочедыков Иван Евгеньевич**, аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: kochedykov.ivan@gmail.com;

Kochedykov Ivan, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: kochedykov.ivan@gmail.com.

ведется средствами публичной власти» [Мадьяр, 2016, с. 82]. Иными словами, Виктор Орбан, лидер партии Фидес и с 2010 г. премьер-министр государства, построил свою политическую семью, основанную на личной преданности. Он использует свое положение во власти и государственные институты для личного обогащения и обогащения семьи – лиц, находящихся в зависимости от него. Через контроль формальных институтов премьер-министр решает свои неформальные задачи, противоречащие нормам демократии, либерализма и интересам граждан. Этим современная Венгрия отличается и от коммунистической Венгрии, и от Венгрии Хорти, но эти качества сближают государство, по мнению автора, с другими постсоветскими государствами.

К появлению посткоммунистического мафиозного государства привели: неустойчивость структуры собственности, отсутствие внятной программы у либералов и социалистов, неправильное обращение с государственными средствами – прямая раздача денег, управленческая недееспособность, а также несовершенство институтов или системы сдержек и противовесов. В то же время Фидес создал свой популистский язык, опирающийся на понятия «Бог», «Родина», «семья» и «трудовое сообщество». Автор утверждает, что все эти понятия не представляют целостной идеологии, а лишь отражают популистские лозунги, необходимые для удержания власти. В реальности же власть и система завязаны на политическую семью, где глава раздает и перераспределяет заказы (в том числе и от ЕС) и собственность. Из-за сложившейся ситуации, когда необходимо выполнять популистские обещания, а ресурсов становится все меньше, политической семье приходится все время расширяться и подпитываться на среднем и низшем уровне [Мадьяр, 2016, с. 230]. Они занимают новые сектора экономики, переводят их под государственный контроль. Так, например, случилось с концессией на табачные киоски. Доминирующим мотивом развития государства оказывается постоянное расширение. И при этом свободного выхода из системы нет – или ссылка, или отъем имущества и война, как это произошло с бывшим главным партнером Orbana Шимичкой.

Большая часть работы посвящена целостному описанию того, как Орбан и его политическая семья ставят под контроль целые отрасли венгерской экономики, манипулируют СМИ, используют государственный аппарат для осуществления своих целей, проку-

ратуру для наказания своих оппонентов и риторику для лавирования между ЕС и Россией.

В целом, хотя политической теорией автор пользуется скорее для привлечения нормативности в критической оценке «Семьи», сам кейс очень интересный и требует другого подхода. Мне кажется, что здесь подошла бы рамка, предложенная Чарльзом Тилли в его работе о формировании национальных государств в Западной Европе [Тилли, 2009].

В теории Тилли государства – это эволюционировавшие банды рэкетиров. Но сопротивление снизу привело к тому, что власть имущие поступились рядом прав и ограничили свои притязания. Государства развивались в зависимости от войн, которые они вели, концентрации ресурсов, аккумуляции капитала и силы принуждения, способной переправить этот капитал на войну. В случае Венгрии мы видим во главе государства таких же рэкетиров, какие были в Европе в раннее Новое время, если верить описаниям Мадьяра. Видим ту же самую аккумуляцию в руках семьи экономических и информационных активов, такое же уничтожение или подчинение своих конкурентов (олигархов, организованного криминала), как было у королей в войнах с феодалами. Но почему рациональная бюрократия, которую столь превозносит Мадьяр, уходит? Почему низшие классы и ограничиваемый бизнес не могут оказывать контрдавления? Или, точнее, почему их давления недостаточно? Может ли в этом случае концентрация и аккумуляция ресурсов привести к сильному государству или единственный путь в нынешней популистской ситуации – это быстрый грабеж при исполнении нереальных обещаний ради удержания власти? И почему независимый предприниматель почти смог выиграть муниципальные выборы в родном селе Орбана в 2010 г., на которые тот тратит миллиарды фунтов?

Помимо всех достоинств, у рассматриваемой работы, безусловно, есть недостатки. Автор постоянно путает легальность с легитимностью. Его частные отсылки к России и Путину не очень-то проясняют ситуацию, а служат, скорее, риторическим приемом. Или же показывают, что автору не до конца ясны структурные различия между Венгрией и Россией. К тому же он ставит знак равенства между внешней политикой современной России и СССР. Его критика венгерского общества как носителя восточной культуры также вызывает недоумение. Терминология и работа с

теорией также выглядят крайне неудачно. В целом книга полезна в первую очередь тем, что добавляет нам некоторое знание о восточноевропейских трансформациях и политических процессах.

Список литературы

- Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. – 392 с.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный журнал

2016 № 4

ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Редактор-составитель номера
д-р полит. наук *А.С. Ахременко*

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные ре-
зультаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.

ИНИОН РАН. Отдел политической науки.

E-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 9/XII – 2016 г. Формат 60 х 84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 20,0 Уч.-изд. л. 16,5
Тираж 500 экз. Заказ № 148

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий**

Тел. / Факс: (499) 120-45-14

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02) 9